ПОДВИГ ВЕРЫ

уникальные свидетельства
о жизни христиан в СССР

Составитель и редактор
Константин Прохоров

Николаю Александровичу Водневскому
посвящается

«Подвизайся добрым подвигом веры,
держись вечной жизни,
к которой ты и призван и
исповедал доброе исповедание
пред многими свидетелями»
(1 Тим. 6:12).

ПОДВИГ ВЕРЫ

уникальные свидетельства
о жизни христиан в СССР

Составитель и редактор
Константин Прохоров

ПОДВИГ ВЕРЫ

Гонения за веру в СССР, особенно в сталинские годы, по своему масштабу и трагизму нередко сравнивают со страданиями первых христиан в Римской империи. Из настоящей книги, на основании многочисленных свидетельств, читатель узнает, как пережили это время отечественные евангельские христиане-баптисты.

Предисловие

Дорогой читатель!

Книга, которую Вы держите в руках, имеет необычную предысторию. «Подвиг веры» появился на свет в результате совместных усилий ее составителя и редактора, живущего в далекой Сибири, и группы братьев, членов Комитета Тихоокеанского Объединения славянских церквей евангельских христиан-баптистов, находящихся в Америке.

Это скромная попытка исполнить повеление Господа о том, чтобы каждое поколение народа Божьего заботилось о передаче своего духовного опыта и исторических сведений юным душам. В 77-м Псалме мы читаем: ***„Что слышали мы, и узнали, и отцы наши рассказали нам, не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу Господа, и силу Его, и чудеса Его, которые Он сотворил... Чтобы знал грядущий род, дети, которые родятся, и чтоб они в свое время возвещали своим детям, возлагать надежду свою на Бога, и не забывать дел Божиих, и хранить заповеди Его...“*** *(ст. 3–4, 6–7).*

Движимые подобным желанием, организаторы проекта задались целью собрать интересные и назидательные личные свидетельства о жизни и испытаниях в вере в бывшем Советском Союзе некоторых христиан из числа тех, кто однажды в силу различных обстоятельств переселился на постоянное место жительства в Америку. Большинство из этих людей уже в преклонных летах, и их простые трогательные рассказы, как очевидцев многих важных событий евангельского движения в СССР, особенно ценны.

Для того чтобы бережно собрать данный материал, отредактировать его и подготовить к печати, необходим был человек с опытом проведения исторических исследований. Руководство Объединения летом 2006 года пригласило для этого труда брата Константина Александровича Прохорова

из Омска. В процессе сбора свидетельств, в организации многочисленных встреч в славянских церквах Тихоокеанского побережья усердно потрудился также брат Владимир Александрович Шеремет, в настоящее время проживающий в городе Сакраменто, штат Калифорния. Финансовые расходы, связанные с проведением данной работы взяло на себя Тихоокеанское Объединение.

«Подвиг веры» – не учебник по истории евангельского христианства в Советском Союзе. Это, скорее, собрание удивительных жизненных историй. В них отражено *личное* восприятие тех событий, которые происходили в стране и в общинах ЕХБ до начала перестройки. Разумеется, такой взгляд на отечественную историю не всегда совпадает с официальными мнениями и оценками, содержит в себе даже нечто спорное. Однако в том и заключается настоящая ценность данных воспоминаний, несомненно, расширяющих круг наших представлений о днях былых. Это своего рода первичный фактический материал, и редактор стремился сохранить его оригинальность в максимальной степени.

В продолжительной работе над книгой неоценимую помощь оказал также замечательный брат Андрей Вячеславович Афанакин, проживающий в Омске, который вдохновил и побудил составителя и редактора, вопреки всей его занятости, довершить начатый труд до конца.

Комитет Тихоокеанского Объединения решил посвятить эту книгу человеку, имя которого хорошо знакомо многим русскоговорящим верующим людям в разных концах планеты: Николаю Александровичу Водневскому. Совсем недавно он окончил земной путь верного, беззаветного, самоотверженного служения Господу своим писательским, поэтическим и проповедническим талантом. Его жизнь поистине может быть охарактеризована словами, вынесенными в название нашей книги: **подвиг веры**.

Однако самое главное посвящение данной книги, как и всей нашей христианской жизни, – Господу Иисусу Христу. Тому, Кто Своими страданиями и искупительной смертью даровал нам чудесное право на жизнь вечную и наполнил глубоким смыслом жизнь земную. Лишь благодатью и силою свыше ученики Христа обретают способность служить Ему так, что их жизнь становится подвигом веры (1 Тим. 6:12). И у всех, кто подготовил эту книгу к печати, есть одно общее желание – чтобы Вы, дорогой читатель, получили ободрение в вере, укрепились в стремлении возлагать всякую надежду на Бога, чтобы достойно был прославлен наш Спаситель Иисус Христос!

С пожеланиями обильных Божьих благословений,
Комитет Тихоокеанского Объединения
евангельских христиан-баптистов,
город Сакраменто, штат Калифорния

Содержание

Предисловие 5
Из Сибири на Украину – пешком
Вивсик Василий Онуфриевич 12
Бегущий человек
Колесник Николай Семенович и Вера Даниловна 23
«Алешка-баптист»
Светловы Леонид Васильевич и Альвина Закиевна 31
Успехов могло быть и больше...
Крючков Юрий Константинович 43
Познавайте волю Божью!
Седлецкий Карл Станиславович 57
Летописец баптистского братства
Савинские Сергей Никитович и
Людмила Владимировна 71
Не в ногу со строителями коммунизма
Собченко Николай Оникиевич,
Караван Петр Данилович и Татьяна Николаевна 83
Переводы Евангелия в СССР
Сабурские Николай Васильевич и Елена Никифоровна . . 93
Любовь Христа против брошенных камней
Шевчук Яков Степанович и Александра Сергеевна,
Вирх Вера Яковлевна 103
Памятные дни в СССР
Кунда Петр Филиппович,
Крамаренко Николай Семенович и
Зинченко Виктор Васильевич 114
Лучше нам износиться, чем заржаветь!
Семерюк Петр Андреевич 127
Баптист, герой Советского Союза
Агафонов Леонид Филиппович,

Панченко Иван Григорьевич,
Юркевич Иван Романович,
Дерябин Николай Васильевич,
Бабич Николай Дмитриевич,
Гавеловский Николай Николаевич 139
«Сила, которая в Петре, – больше...»
Чумакин Петр Александрович 148
«Вы, наверное, баптист?..»
Гавеловские Вилли Николаевич и
Людмила Михайловна,
Васильевы Василий Терентьевич и
Раиса Филипповна 158
«Я принимал веру в Бога по ложке в день!»
Бондаренко Василий Данилович 167
Приговоренный к расстрелу
Коливайко Михаил Михайлович и
Седых Павел Вениаминович 175
«Радиопередатчик» в зоне
Зинченко Владимир Петрович 182
«Здесь дети Авраама живут?»
Евстратенко Алексей Тимофеевич и
Вера Николаевна 190
«Веяние тихого ветра»
Чумакины Павел Александрович и
Надежда Дмитриевна 198
Божья тайна
Бгатов Виктор Яковлевич 205
Библия, переписанная от руки
Седых Вениамин Яковлевич и
Екатерина Ивановна,
Мусиец Антонина Ивановна. 211

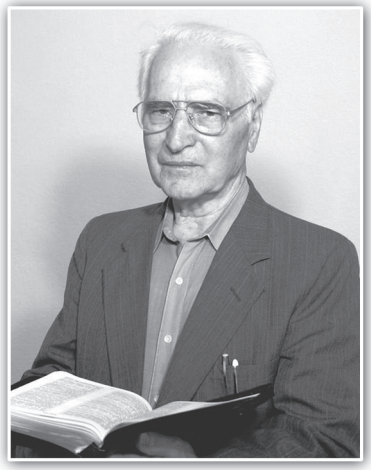
⇨

Живая связь поколений
Руновы Павел Иванович и Галина Ивановна 219
«Иди прямо!»
Серпевские Виктор Федорович и Зоя Ивановна 225
Одесские чудеса
Шевчук Ярослав Данилович и Вера Сергеевна 231
Радиопроповедник из Америки
Леонтьевы Михаил Васильевич и Лидия Семеновна . . 237
Что такое конспирация...
Захаров Михаил Павлович 242
«Бог может за нас вступиться!»
Руднев Анатолий Семенович,
Савинский Вениамин Никитович и
Тищенко Юрий Потапович 252
Радость в Господе
Гореловы Виктор Васильевич и Валентина Павловна . . . 258
Начальник-баптист
Диордиенко Ярослав Дмитриевич 266
О морали христианской и коммунистической
Ивановы Василий Васильевич и Антонина Филипповна,
Иванов Павел Васильевич,
Артемова Валентина Никифоровна,
Кицен Николай Иванович и Вера Васильевна 274
Блаженны миротворцы!
Коваленко Леонид Ефимович 284
В положении пророка Ионы
Коломийцев Алексей Иванович 290
Божья защита
Мажная Нина Федоровна,
Петренко Михаил Иванович и Ирина Ефимовна 301
Советская литература против предательства
Саган Василий Ефимович 309

Библии для Киргизии
Сипко Александр Кириллович 315
«Твоя очередь говорить слово!»
Одарюк Сергей Георгиевич и Надежда Марковна 321
Пример святой жизни
Черкасских Евгений Данилович,
Васильев Михаил Аркадьевич и
Авдеева Олимпиада Егоровна 329
Больше доверять Господу!
Чуешков Даниил Иванович 338
«Американский шпион»
Гринченко Яков Авельевич 346
«Ты – мой отец, а не Сталин!»
Михайловы Андрей Александрович и
Нина Ивановна,
Берник Анна Филипповна 353
Долгие странствования по миру
Пихай Адольф Андреевич **358**
Разрушенный и восстановленный храм
Серпиков Владимир Антонович **364**
Небесная лестница
Харченко Анатолий Тимофеевич **371**
Благословение в служении
Манько Николай Георгиевич **378**
Господь нас не оставит!
Ерисов Валентин Дмитриевич 384
«Послушание лучше жертвы»
Соколовские Леонид Янович и
Екатерина Яковлевна **393**

ИЗ СИБИРИ НА УКРАИНУ – ПЕШКОМ

Вивсик Василий Онуфриевич



– Уважаемый Василий Онуфриевич, расскажите, пожалуйста, о Вашем жизненном пути и о том, как Вы познали Господа.

Наша семья жила на Виннитчине, в Могилев-Подольском районе, в селе Серебринец. В октябре 1927 года умер мой отец. Две старшие сестры, Надя и Аня, вышли замуж еще при жизни отца. На попечении матери-вдовы осталось шестеро детей. Мне в ту пору было всего шесть лет. Спустя три года после смерти отца, в 1930 году, тяжелая доля испытаний сталинских лет выпала и нам.

С началом политики принудительной коллективизации крестьяне в страхе перед жестокостью совет-

ской власти потянулись в колхоз. Вскоре после Рождества нашу семью лишили всего: угнали скот, забрали и движимое, и недвижимое имущество. Став в одночасье бездомными, мы вынуждено ютились до весны у старшей сестры Нади. Затем незнакомый нам милиционер, зачитав с помятого листа имена моих старших братьев, именем советской власти объявил об их аресте. Мише тогда было немногим более шестнадцати лет, Саше – около восемнадцати, Науму – двадцать один, а Андрею – двадцать три года. Нам с расплакавшейся младшей сестренкой Асей приказали молчать. Мать, с побелевшим лицом, вопреки запрету, кое-как успела проститься с сыновьями. Так «громили кулаков» по всей огромной стране…

В начале мая под усиленным конвоем «кулацкие» семьи из всей округи были выселены. На станции Израиловка нас насильно затолкали в товарные вагоны, которые были оборудованы двухъярусными нарами из сырых, нестроганных досок. Все вагоны были переполнены. Высылали и пожилых, и немощных, и больных, и женщин с грудными детьми, и даже беременных. Люди особенно томились из-за нехватки воды и свежего воздуха. Первыми стали умирать больные люди и маленькие дети. «Дядя, дай водички! Дяденька, пить хочу!» – молили дети конвой. Но их, как правило, грубо обрывали, а в лучшем случае обещали, что скоро приедем, и тогда у нас всего будет в достатке. Однако это «скоро» тянулось почти две недели, пока мы проехали Харьков, Казань, Уфу, Челябинск, Свердловск, и, наконец, поезд добрался до западносибирской станции Тавда.

Здесь оказался тупик: дальше железной дороги не было. Состав окружила вооруженная охрана с овчарками, и началась выгрузка людей. Рядом, у речного

причала, нас ожидали старые баржи, а во главе их помещался речной буксир, которому предстояло пройти немалый путь дальше на север. Люди, измученные долгой дорогой, с трудом поднимались по зыбкому трапу на баржи. Затем раздался хриплый гудок буксира, и наш речной караван, медленно отчалив, поплыл вверх по таежной реке.

Угрюмые леса неспешно ползли нам навстречу, сердце сжималось от грусти и тоски по дому. Нашему плаванью, казалось, не будет конца. С продуктами становилось все труднее. Через сколько дней наш караван добрался до устья реки Сосьва и столь же медленно продолжил свой путь по ней. Томительное ожидание конечного пункта назначения с каждым днем усиливалось. Но нам предстояло еще не один день плыть по реке Лозьва. Помню только: бесконечное нытье детей, задумчивые и серьезные лица мужчин и женщин, безучастно взиравших на дремучие бесконечные леса, величественно возвышавшиеся над крутыми берегами таежной реки.

Наконец, буксир прочно сел на мель, и конвою стало ясно, что дальше идти вверх по реке невозможно из-за мелководья. И тогда нас решили выгружать на ближайший берег, что с немалым трудом и было сделано.

Хотя лето было еще в разгаре, и стояли теплые дни, никто из переселенцев не был подготовлен к новым тяжелым испытаниям. Ни у кого не было хотя бы простенькой палатки. Все оказались под открытым небом, среди дикой тайги, где монотонно пищали комары и неустанно донимала мошкара, не давая покоя ни старому, ни малому. А главное: у людей не было никаких орудий труда, инструментов для разработки леса. Оказалось нечем вырыть даже простую землянку, все отобрали при раскулачивании. Не труд-

но было предсказать участь переселенцев суровой сибирской зимой...

Моя мама была очень мужественным человеком. Она видела единственную возможность спастись от неминуемой смерти – в немедленном бегстве из этого гиблого места. Однако в лагере началась эпидемия тифа, и вместе со многими другими людьми заболели и мы с Асей. Бежало драгоценное время, а мама все ухаживала за нами и непрестанно молилась. Господь услышал ее молитвы: сначала поправилась Ася, а затем и я. Это было настоящим чудом, потому что в других семьях переселенцев многие дети умерли. Господь же хранил нас для какой-то Своей цели.

Август подходил к концу, приближалась осень. Северный климат властно заявлял о своих правах, а я все еще был слаб. Тем не менее, вскоре ночью мы с мамой и сестрой незаметно покинули обреченный лагерь. Из-за моей слабости мы часто отдыхали в пути. Питались небольшим запасом пшена, взятого с собой, а затем, когда я окреп, стали собирать лесные ягоды. Чаще всего это была брусника. Ели также грибы и кедровые орешки, что делало нашу пищу достаточно калорийной.

К нашему счастью, осень в тот год выдалась удивительно солнечной и погожей, хотя по ночам уже начались первые заморозки. Мы продвигались пешком на юг, в сторону села Ивдель. Однако там нам появляться было никак нельзя, потому что беглых переселенцев отлавливали и очень жестоко наказывали. Зная об этом, мы с мамой далеко обошли Ивдель, перебрались вброд через какую-то речку и вновь углубились в лес.

Выбирая места для ночлега, мы научились использовать ветви пушистых елей в качестве постели, набирали побольше хвороста, чтобы ночью поддерживать

огонь. Часто лесное утро бывало настолько чарующе прекрасным, что вызывало в наших сердцах искреннее восхищение творением Божьим. Когда была возможность, мы выходили на дорогу, иногда шли по железнодорожному полотну, но тогда возрастала опасность быть замеченными кем-либо со стороны.

Между тем, наступила зима. Морозы усиливались с каждым днем, начались метели. Идти по насыпи железной дороги было трудно, но мы все же шли, приближаясь к Североуральску. В этом городе мы с мамой тоже испытали много трудностей, обо всем не расскажешь, но затем Господь послал нам добрых людей, и мы смогли как-то перезимовать.

Летом 1931 года мы с сестренкой и мамой осмелились покинуть Североуральск и продолжить свой чрезвычайно рискованный путь в сторону родной Украины. Перед уходом мы поблагодарили людей с добрым сердцем и простой русской душой, которые были удивительно щедры и делились с нами куском хлеба даже в такое трудное и голодное время. Простившись, мы двинулись по дорогам дикого Зауралья, по пустынным местам, где было мало людей. Направление держали на селения Серов и Новая Ляля.

Уже осенью мы подошли к одному из притоков Сосьвы. Стояла холодная погода, и мы поспешили к видневшемуся издалека мосту, чтобы перейти на другую сторону. Однако на мосту стояла вооруженная охрана. Путь для нас был закрыт. Тогда мы двинулись вниз по течению реки в надежде встретить какое-либо селение или найти переправу. Не легко было пробираться по дикому заросшему берегу реки, но другого выхода у нас не было. Дул сильный ветер, а потом и вовсе пошел снег. Речные волны шумели, разбиваясь о берег, серое небо становилось все темнее, день угасал,

а с ним угасала и всякая надежда. Бедной вдове с двумя детьми был силен помочь только Бог.

Неожиданно мы увидели на реке лодку. Ею управлял бородатый незнакомец. Оценив наше отчаянное положение, он подплыл к нам и без лишних слов перевез на другую сторону, где неподалеку виднелась деревня. «Ишь, как разгулялся ветер, всю речку вспенил!» – только и сказал таинственный бородач. Можно ли в той встрече не увидеть руки Божьей, не поверить Его милосердию? Это было бы самой черной неблагодарностью со стороны спасенных. Слава Ему за все!

В деревне нас приняли очень хорошо: накормили и дали возможность переночевать. Там же подарили и столь нужную нам в пути административную карту СССР, помогли советом, куда идти дальше, чтобы избежать милицейских постов.

Жизненные обстоятельства сделали меня, одиннадцатилетнего мальчишку, не по годам взрослым, ведь я должен был ежедневно заботиться о хлебе насущном. И, правда, там, где отказывали в подаянии маме, как человеку взрослому, обычно не отказывали мне. Я восполнял и нужду моей сестренки, которая очень стеснялась ходить с протянутой рукой, прося милостыню Христа ради. Я заботился и о ночлеге, и вместе с мамой обсуждал дальнейший маршрут нашего странствования. Божья рука воистину была над нами, и я помню мало случаев, когда нам отказывали в ночлеге. Нередко для нас специально топили русскую баню, чинили стоптанные лапти или дарили новые, меняли наши ветхие одежды на более добротные. Я с особым чувством благодарности вспоминаю бедные русские селения, где в зимнюю стужу мы находили и ночлег, и необходимую пищу, и сердечную теплоту, не искорененную из нашего народа безбожной властью.

Наша семья держала направление на Нижнюю Туру, но неподалеку от Новой Ляли мы неожиданно наткнулись на милицейский патруль. Нас сразу же арестовали. Это могло окончиться очень плохо. Однако Господь и здесь пришел на помощь. Сарай, в который нас заперли на ночь вместе с другими бродягами, оказался очень ветхим. В полной темноте мужчины смогли голыми руками проделать лаз в стене, и все, кто пожелал бежать на свободу, тут же воспользовались этой возможностью.

Как только мы покинули место заточения, то, положившись на волю Божью, под покровом ночи, облепленные падавшим пушистым снегом, взволнованные и счастливые, опять пошли в сторону Нижней Туры. На этот раз нам вновь пришлось ночевать под открытым небом. Углубившись подальше в лес, мы, как обычно, наломали еловых веток, соорудили шалаш и, тесно прижавшись друг к другу, под шепот материнской молитвы спокойно уснули. Я тогда не вполне сознавал, что только молитва матери и была для нас настоящим щитом. Сколько мы бродили дремучими лесами, ночевали неизвестно где, но не было случая, чтобы какой-то дикий зверь всерьез побеспокоил нас, хотя одних только волков в Сибири предостаточно.

Однажды в лесу неподалеку от нас, помню, раздался одинокий волчий вой, за ним завыла целая стая. Нашу семью охватил ужас, который передать словами невозможно, такое не дай Бог пережить никому. Мама вскрикнула: «Молитесь, дети!» и стала подталкивать нас скорее вперед, одновременно закрывая собой сзади. Мне кто-то рассказывал, что волки громко воют перед тем, как напасть на свою жертву. И мне казалось, что я уже слышу щелканье их острых зубов, от чего мое детское сердечко в ужасе замирало. Все мои

чувства напряглись до предела. Мне так было страшно умирать в этом лесу! Хотя мы бежали изо всех сил, однако, мне казалось, что мы топчемся на одном месте. Но позади меня все время слышалась слезная материнская молитва. И волчий вой как нежданно начался, так и умолк. Мы даже не увидели ни одного волка! Как после этого можно не верить в Отца Небесного, защитника вдов и сирот? Вспоминая прошлое, мне кажется, это был самый трудный отрезок нашего пути длиной в несколько тысяч километров. Вероятно, тогда серебристый иней настоящей взрослой седины впервые и коснулся моих темных детских волос…

Многократно при низкой температуре мы ночевали в зимнем лесу под укрытием лишь хвойных веток и, слава Господу, никто из нас серьезно не пострадал от мороза. Мы просыпались от холода обычно на рассвете, а иногда и позже, когда солнце уже светило сквозь деревья. Мама, как всегда, утром совершала молитву, и только затем мы двигались в путь. Слегка согнувшись, с котомкой на плечах, обутая в лапти по милости добрых людей, в залатанной фуфайке и с посохом в руке шла эта бедная вдова с двумя малолетними детьми через половину России. Для нас были закрыты двери государственных учреждений, от нас не принимали ни просьб, ни жалоб, мы не могли нигде в Сибири сесть на поезд, наша семья оказалась полностью за бортом социалистического общества, даже с его урезанными правами. Казалось, только смерть может избавить нас от страданий.

Переходя от деревни к деревне, мы, наконец, достигли Красноуральска. Чем дальше мы уходили от зоны спецпереселенцев, тем безопаснее становился наш путь. Как дитя тянется к материнской груди, так мы стремились к родной Украине. Маршрут, по кото-

рому мы вольно или вынужденно шли домой, был следующим: из Красноуральска – на Кушву, затем на Лысьву, Пермь, Глазов, Котельнич. С Котельнича пошли южнее, в сторону Горького, Рязани, Орла, Киева. А затем уже были Фастов, Жмеринка и, наконец, родное село Серебринец!

Когда наша семья находилась уже на юге Вологодской области, между мною и моей доброй матерью случилось разногласие по поводу нашего дальнейшего маршрута. Обидевшись, я неохотно плелся позади нее, все больше отставая. Ася, боясь, что я потеряюсь, пошла рядом со мною. Упустив маму из виду, мы с сестренкой прошли небольшое селение, на выходе из которого была развилка дорог. По которой из них пошла наша мама, мы не знали. Побежали наугад, торопясь догнать ее, но, как оказалось, ошиблись дорогой, и окончательно потерялись. Ася плакала. Да и мое сердце томилось и сокрушалось, ведь это я был причиной нашего горя. А что переживала тогда наша мама, когда тоже обнаружила, что не может найти нас? Нам это трудно было представить. Мне тогда исполнилось уже тринадцать лет, но мы с сестренкой ощущали себя самыми несчастными сиротами на земле. Большую часть оставшегося пути до дома мы были грустны и молчаливы, тосковали по маме. Проходя деревню за деревней, все еще надеялись ее встретить, но мамы, увы, нигде не было.

Только весной 1934 года мы с Асей, наконец, добрались до родного села. Чем ближе мы подходили к дому нашей старшей сестры Нади, тем сильнее волновались, так как уже знали о недавнем большом голоде на Украине. Нас пугала мысль, живы ли наши родные? Со дня высылки из деревни у нас не было с ними никакой связи. Осторожно подойдя к окну дома, я

тихо постучал. В окне появилось добродушное лицо Дмитрия, мужа Нади. Увидев нас, он смущенно произнес: «Как, это вы?!» – и тут же, широко раскрыв окно, прижал нас с Асей к себе. В тот же миг из дома выбежала Надя, а за ней – и наша мама!

Вскоре мы узнали, что мама, не найдя нас с Асей и проплакав много времени, смогла уехать с ближайшей железнодорожной станции на поезде (ей помогли купить билет добрые люди), поэтому она намного опередила нас. Но мама никогда не теряла надежду увидеть нас с Асей вновь. На нее в прокуратуре завели уголовное дело, ведь она сбежала с места ссылки, да еще с двумя малолетними детьми. Однако, по милости Божьей, через полгода дело закрыли. Очевидно, нужны были работники в колхозе.

Мои братья Андрей и Александр отбыли по пять лет в исправительно-трудовых лагерях Забайкалья. Андрей во время Великой Отечественной войны погиб на фронте. Александр тоже воевал, был дважды тяжело ранен. В 1987 году переехал в Серебринец, а в 1997 году умер. Михаил в самый канун победы над Германией, при штурме Берлина, пропал без вести. Совет-

ский генерал А.В. Горбатов писал о битве за Берлин: «В уличных боях мы положили не менее ста тысяч солдат. И какие люди были – золотые...» Так мои старшие братья защищали Отечество, кровью искупив свое «кулацкое» прошлое.

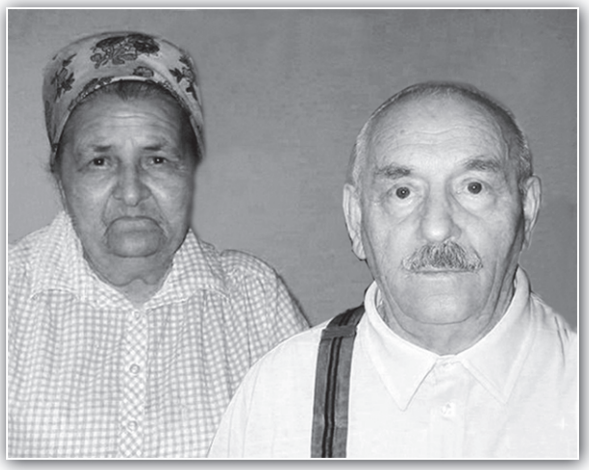
Мама дожила свой век у Нади. Несмотря на свою многотрудную жизнь, она в возрасте девяноста шести лет, в 1970 году, тихо перешла в вечные обители. Умерли и Надя с Аней. Сегодня в живых остались лишь мы с Асей.

Я принял крещение в церкви евангельских христиан-баптистов в Нефтегорске (Краснодарский край) в 1950 году. Через несколько лет меня уволили с работы за веру в Бога, и я с семьей был вынужден жить до середины 1960-х годов в Фергане (Узбекистан). Затем мы переехали в Херсон, а уже оттуда (значительно позже) в Америку. Я всегда, как мог, служил моему Господу Иисусу Христу, Которому невыразимо благодарен за всю полноту жизни, обретенную в Нем, и вечное спасение!

– Большое спасибо за Ваше свидетельство!

БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Колесник Николай Семенович и Вера Даниловна



– Уважаемые Николай Семенович и Вера Даниловна, расскажите, пожалуйста, о вашем жизненном пути, о том, что было бы назидательно узнать молодому поколению христиан.

К.Н.С.: Родился я в 1924 году в семье евангельских христиан в селе Соколово, в Днепропетровской области. Как и у многих людей моего поколения, детство было очень трудным.

Интересная особенность человеческой памяти: то, что происходило недавно, легко забывается, а вот то, что было в детстве и юности, врезается в сердце так, что и захочешь позабыть, – ничего не выйдет. В 1929 году в СССР началась всеобщая коллективизация,

сопровождавшаяся бесчеловечной жестокостью со стороны советской власти по отношению к мирным крестьянам. Летом в нашем селе были определены списки, кого надлежит раскулачить и репрессировать. В тот черный список попала и наша семья. Однако Бог предусмотрел для нас нечто совершенно другое. Узнав от надежного друга, что завтра коммунисты придут к нам в дом, мои родители имели мудрость и решительность, собрав только самые необходимые вещи и бросив, по сути, все имущество, с тремя маленькими детьми ночью тайно уйти из родного села. Вместе с нами бежала и семья дяди Ивана, родного брата моего отца, у них было в то время двое детей. На ближайшей железнодорожной станции мы все сели на поезд и долго ехали до какого-то разъезда, расположенного недалеко от Уральска. Дальше начинались бескрайние казахские степи.

Узнав от одного киргиза, что где-то поблизости есть небольшая речка, приток Урала, мы направились ее искать. Шли мучительно долго по высокой – в мой детский рост! – траве и когда, наконец, нашли это место, то оно всем очень понравилось: вода в реке была чистой, проточной и к тому же в ней водилось великое множество рыбы.

Впрочем, особого выбора у нас и не было: остановились в этом, совершенно безлюдном месте, и затем прожили там целых три года. Недостатком избранной нами местности оказалось большое количество волков, чей голодный вой мы слышали каждой ночью. Поначалу мы их пугались, но затем попривыкли и научились смело прогонять от своего жилища (волки боятся огня). Люди, в то время проводившие в стране насильственную коллективизацию и раскулачивание, были намного страшнее…

Первым нашим жилищем стал небольшой шатер, сшитый мамой из нескольких одеял, взятых с собой при бегстве с Украины. Затем отец с дядей Иваном построили хороший саманный (из глины с соломой) дом, в котором мы и жили, укрываясь от непогоды. Основной пищей для всей семьи служила тарань, очень вкусная рыба, которой наша речка просто кишела.

Поначалу мы ловили ее обычной корзиной, а затем уже приобрели сеть. Родители, засушив достаточное количество тарани, набивали ею мешки и несли на ближайший рынок, расположенный примерно в двадцати километрах от места нашего поселения, и там выменивали необходимые нам товары: косы, различные инструменты, продукты... Позднее мы смогли даже купить лошадь с подводой. С рынка всегда уходили тихо и незаметно.

Однако через какое-то время люди из окрестных деревень все же узнали о нашем вольном поселении и начали потихоньку туда стекаться, строить поблизости новые дома. Так перед нашим отъездом из Казахстана здесь образовалось целая деревенька – Семеновка, по имени моего отца.

Иногда родители выбирались в город Уральск на собрание. Там существовала небольшая евангельская община. Мой папа всегда читал Слово Божье и проповедовал, он был очень сильным проповедником. Думаю, только вера в Бога и помогла нашей семье выжить в то трудное время. Мы всегда молились и совершали домашние богослужения. И Господь являл нам Свою великую милость, посылал все необходимое для жизни.

– Что же заставило вас покинуть это благословенное убежище?

Решение возвращаться на Украину созрело тогда, когда советская власть начала добираться до нас и в Семеновке. Спокойная жизнь закончилась. Отцу както передали бумагу с вызовом к председателю соседнего колхоза, и он сразу же понял, что оставаться дольше на берегу этой чудесной речки бессмысленно.

И тогда на семейном совете было решено переезжать на Донбасс. Отец рассудил, что даже тяжелая работа на шахте будет для семьи куда полезнее, чем бесплатный труд в колхозе. Тогда мы так же тихо, как и раньше, собрали свои пожитки, дошли до железнодорожной станции и поехали поездом в направлении Донецка.

Поселились в Чистяковском районе Донецкой области, в Первомайке. Господь помог отцу найти хорошую работу на только что открывшейся шахте, и потому даже в голодном 1933 году наша семья имела хлеб насущный. У отца, кажется, были какие-то проблемы с документами, но шахта тогда остро нуждалась в рабочих руках, и начальство ему помогло выправить нужные бумаги. Однако наше благоденствие продолжалось недолго: в середине 1930-х годов отца посадили за «вредительство», обвинив в том, будто бы он вынашивал планы взорвать свою родную шахту…

Его вера в Бога также была отягчающим обстоятельством на суде. Однако в это время наша мама проявила неожиданную настойчивость и решительность в деле ходатайства об отце. Она поехала в Москву и каким-то чудом добилась встречи с Н.К. Крупской (вдовой Ленина), которую растрогала своим рассказом о семейном горе, и отца вскоре, примерно через полтора года после ареста, неожиданно выпустили на свободу. Тогда, помня слова Спасителя: *«будут гнать вас в одном городе, бегите в другой»* (Мф. 10:23), – наша

семья на короткое время перебралась в Бердянск, где мы жили в большой нужде, а оттуда – далее, в Мелитополь. Это случилось в 1937 году, когда все церкви были уже закрыты, пресвитеры арестованы, а рядовые верующие попрятались, кто куда.

И все же самые смелые дети Божьи и в те годы собирались по домам. Помню, перед войной домашние служения у нас в Мелитополе среди евангельских христиан и баптистов совершались тайно в пяти местах. Отец мой был одним из немногих, кто осмеливался тогда проповедовать.

– А как вы жили во время войны?

Когда началась война, Мелитополь был оккупирован немцами. Мирное население сильно от них страдало, неоднократно совершались публичные казни для устрашения народа. Такие «освободители от коммунизма» никому не понравились. Люди стали предрекать, что немцев скоро отсюда погонят. Однако церкви тогда повсеместно были открыты. Я покаялся в своих грехах именно в тот период, в 1942 году, а крещение принял в следующем, 1943 году. Нередко к нам на собрание приходили и верующие немецкие (и даже румынские) солдаты. Хотя они не понимали русского языка, однако охотно пели вместе с нами евангельские гимны и молились. Конечно, такого рода «преступлений» коммунисты нашим служителям церкви потом не простили…

Меня, вместе со многими парнями и девушками из Мелитополя, хотели отправить на работу в Германию. Фашисты, как и коммунисты, очень любили дармовой труд. Однако мне от полицаев все же удалось сбежать, я уехал к своим родственникам в Днепропетровскую

область и прятался у них в селе, пока немцев не погнали на Запад. А затем я, как сегодня это именуется, «из религиозных убеждений» продолжал скрываться уже от призыва в Красную Армию. С детства я был научен своими родителями, что убийцы Царства Божьего не наследуют, и не важно, лишил ты жизни человека на своей улице или где-то далеко, на самой справедливой войне…

– Как складывалась ваша жизнь и служение после окончания войны?

В 1940-е годы евангельские христиане и баптисты вновь получили возможность более или менее свободно собираться для богослужений. Наша община в Мелитополе объединила несколько малых разрозненных групп верующих. Причем, евангельские христиане тогда уже примирились с баптистами и собирались вместе. Вскоре и мы с Верой Даниловной поженились.

Это было в 1951 году. Я, как уже говорил, происходил из среды евангельских христиан, а моя жена – из баптистов. Таким образом, в нашей семье тоже произошло объединение двух братских союзов…

У всех верующих людей после войны было огромное желание ходить в церковь. Даже вечерние собрания, посреди недели, всегда активно посещались. Мы помним тогда много покаяний и крещений, церковь быстро росла.

В начале 1960-х годов мы с женой и детьми переехали в Новомосковск (Днепропетровская область), где в то время была небольшая церковь. Там меня в 1970 году рукоположили на пресвитерское служение, и я совершал этот труд до 1987 года, пока меня после инсульта частично не парализовало. А моя супруга как

с четырнадцати лет начала петь в хоре, так и славила Господа на протяжении целых пятидесяти лет! У нас всегда была поющая семья.

В начале 1970-х, когда церковь сильно умножилась, и мы уже не помещались в старом здании, городские власти нам всячески препятствовали в покупке нового дома. Найденный нами участок уж больно был хорош, находился на живописном берегу реки, да и сам дом – большой и просторный. «Вы что же, хотите себе под молельню забрать такое прекрасное место и помещение, в то время как многие советские учреждения еще ютятся в убогих домиках?» – возмущалось городское начальство. Пытались давить и на продававшего дом частника, однако наша сделка, с Божьей помощью, все же состоялась. И в новый молитвенный дом люди пошли еще охотнее и там услышали евангельскую весть о Господе Иисусе Христе.

– Было ли у вас в жизни какое-нибудь особенное событие, которое вы могли бы назвать чудом?

Чудес в нашей жизни было много. Но, пожалуй, самым большим и явным из них стал мой побег из охраняемого товарного вагона перед отправкой в Германию в 1943 году. Наши мелитопольские парни уже сидели в переполненном вагоне, а мне полицаи приказали аккуратно сложить в одном углу хлеб, который предназначался нам на дорогу. Я специально разместил эти булки таким образом, чтобы, взобравшись на них, можно было бы дотянуться до высокого люка в стене под крышей. Наступила дождливая ночь, все ребята быстро уснули, а я внимательно вслушивался в стук подков часового, с автоматом в руках прохаживавшегося вдоль нашего небольшого состава (три вагона с

парнями и два – с девчатами). Наконец, выбрав удобный момент, когда полицай был максимально далеко от нашего, последнего, вагона, я коротко помолился, быстро взобрался на хлебный «помост» и открыл люк. Тот был лишь слегка притянут проволокой, которую я тут же раскрутил, быстро протиснулся в узкое отверстие и спрыгнул на землю.

Убегать сразу не стал, часовой должен был вот-вот появиться из-за вагона, поэтому я спрятался за колесами состава. Сердце бешено колотилось, я весь превратился в беззвучную молитву. Часовой, думая о чем-то своем, неспешно прошел рядом со мной. Тогда я выбрался из-под вагона и быстро побежал в известное мне укромное место вблизи путей. Мне нельзя было возвращаться домой, потому что там меня легко могли арестовать. И потому я решил дождаться ближайшего поезда и на нем скрыться из города.

Спрятавшись от посторонних глаз, я простоял под непрекращающимся дождем несколько часов. Я то дремал, то просыпался. Видел, как отправился состав с моими сверстниками в Германию. Наконец, пришел новый порожний товарный состав, который прежде перевозил уголь. Осмотревшись по сторонам, я быстро забрался в один из вагонов и, когда состав тронулся, был невероятно счастлив. Вскоре выяснилось, что поезд шел на север, как раз в сторону моих родственников, у которых я хотел на время укрыться. Мой побег, слава Господу, удался! Позднее отец отыскал меня в деревне, и мы с ним были счастливы видеть друг друга.

Так, все детство и юность, по слову Господа, я от кого-то бегал. Да и на старости лет мы вот сбежали в Америку, дальше бежать остается лишь на небеса…

– Большое спасибо за интервью!

«АЛЕШКА-БАПТИСТ»

Светловы Леонид Васильевич и Альвина Закиевна

«Рядом с Шуховым Алешка смотрит на солнце и радуется… Щеки вваленные, на пайке сидит, нигде не подрабатывает – чему рад? По воскресеньям все с другими баптистами шепчется. С них лагеря, как с гуся вода. По двадцать пять лет вкатили им за баптистскую веру – неужто думают тем от веры отвадить?»

(А.И. Солженицын, «Один день Ивана Денисовича»).

– Леонид Васильевич, расскажите, пожалуйста, немного о Вашем жизненном пути, о том, как Вы уверовали и как оказались в одном лагере с А.И. Солженицыным.

Я родился в 1924 году и с детства слышал о Боге, мама у меня была глубоко верующим человеком. Она

прекрасно пела – в церковном хоре баптистской церкви. Мне хорошо запомнился ее любимый псалом «К неземной стране путь указан мне».

Когда я был совсем маленьким, то не мог разобрать всех слов, и мне слышалось: «К неземной стране путь у казане...» Однажды я даже заглянул в стоящий на огне казан (котелок), чтобы своими глазами увидеть, что там скрывается за путь, о котором так часто поет мама... Так, можно сказать, с самого детства у меня начались духовные искания!

Мы жили тогда с мамой в Синельниково (Днепропетровская область). В начале 1930-х годов нашу общину атеисты жестоко преследовали, многих верующих посадили, а в молитвенном доме сделали клуб, в котором часто устраивали танцы. Помню, мне было двенадцать лет, я как-то проходил мимо этого здания и услышал, как оттуда громко звучала коммунистическая песня. И тогда я зажал уши и стал вслух петь мамин псалом «К неземной стране путь указан мне». Прохожие смотрели на меня, как на сумасшедшего...

Когда началась война, мне было семнадцать лет. Немцы быстро продвинулись вглубь советской территории и к осени 1941 года дошли до наших мест. Справедливости ради нужно сказать, что оккупационные власти разрешили верующим людям вновь собираться в своих прежних молитвенных домах. Так было и в Синельниково. В начале 1942 года я решил посвятить свою жизнь Господу Иисусу Христу и начал проповедовать в своей общине. В нашем городке, как и во многих других местах, фашисты расстреливали евреев. Они убили одного моего одноклассника только из-за его национальности. Мне удалось рассказать ему перед самой смертью о Господе Иисусе, и мы с ним вместе помолились с надеждой на вечную жизнь.

Мне самому тоже предстояли испытания – немцы отправили меня на работу в Германию. Я просил Бога помочь мне каким-то образом вернуться на родину, и еще я мечтал о возможности креститься. По-человечески это казалось невозможным, но есть ли что невозможное для Господа?

И произошло чудо: один из начальников на заводе в Западной Германии, где я работал, оказался глубоко верующим человеком и, узнав о моей искренней вере в Иисуса Христа, неожиданно распорядился отпустить меня домой. Так поздней осенью 1942 года я неожиданно вернулся в Синельниково, а в последних числах ноября, в уже замерзающей воде – мы вместе с пресвитером разламывали первый лед! – успел принять крещение. Наш пастырь не смог отказать в моей настойчивой просьбе.

В сентябре 1943 года Синельниково освободила Красная Армия, и меня сразу же направили на фронт. Пройдя несколько десятков километров пешком, мно-

жество новобранцев были помещены на отдых в тесном бараке. Я смотрел на этих людей, безмерно уставших и боявшихся смерти, многие из которых были комсомольцами и не знали живого Бога, и вдруг услышал тихий внутренний голос, сказавший мне: «Спасай взятых на смерть!..» У меня с собой было маленькое Евангелие, и вот я, держа его в руках, нерешительно встал на самом видном месте в бараке и попросил разрешения почитать вслух. Перед лицом смертельной опасности все солдаты единодушно согласились слушать. Я читал им Евангелие несколько часов, до глубокой ночи, а потом мы вместе молились...

И, казалось, Сам Господь пребывал в том убогом бараке.

– Что же было затем?

На следующий день утром один из офицеров, узнав о моей проповеди, со злостью пообещал мне, что меня расстреляют. В тот же день я был арестован, но никакого страха почему-то не испытывал. Бог дал мне силы проповедовать другим арестантам, бывшим со мной в одной камере, и даже тем солдатам, которые нас охраняли. А вот следователь отобрал у меня Евангелие и всячески угрожал мне.

Утром меня вывели на расстрел. Поставили у свежевыкопанной ямы. Я молюсь и прощаюсь с земной жизнью. И тут вдруг бежит какой-то солдат и кричит: «Отставить расстрел! Алешку Светлова – к генералу!» (Несмотря на то, что мое имя по паспорту Леонид, меня всегда называли Алешкой). И вот останавливают расстрел, ведут меня к высокому начальству, которому, как оказалось, уже известно мое дело. Мы с этим генералом, помню, беседовали очень долго. Он был распо-

ложен к вере в Бога, и потому не дал меня расстрелять, но и освободить из-под стражи не мог, тут даже его власти оказалось недостаточно.

– А страшно было, когда Вас вели на расстрел? О чем Вы думали тогда?

Не знаю, почему, но совсем не было страшно. Я думал только о том, что, наконец-то, отправляюсь к своему Господу.

Альвина Закиевна (жена): Сколько я знаю Леонида Васильевича, он никогда ничего не боится. Так было раньше, и такой же он сейчас. Если необходимо, Леонид Васильевич и сегодня скажет любому, что по-христиански нужно сказать, не взирая на лица…

Затем меня привезли в штаб нашей воинской части и передали новому следователю. Тот сильно давил на меня, угрожая пистолетом, и сам сочинил за меня обстоятельные признательные показания, будто бы я, кроме проповеди Евангелия, еще и всячески восхвалял жизнь в Германии. Подготовив дело, следователь передал его в военный трибунал, а там вопросы, как известно, решались быстро… Когда пришло время, я и на суде открыто свидетельствовал о Боге. Следователь был уверен, что за такую дерзость мне теперь точно вынесут смертный приговор. Во дворе уже ждала и расстрельная команда. Однако среди судей была одна внешне строгая женщина, в сердце которой возникло тайное желание защитить меня. Когда судьи вышли на совещание, то из их комнаты слышались крики, они долго не могли прийти к согласию, наконец, вернулись в зал все раскрасневшиеся.

Тогда и выяснилось: эта женщина настояла на том, чтобы мне дали десять лет лагерей… Следователь был явно обескуражен. Я не удержался и напоследок сказал ему прямо в глаза: «Кто роет яму другому, тот сам туда угодит!» Следователь побледнел. Когда меня уводил конвой, то женщина-судья, спасшая меня, ободряюще сказала: «Жив будешь, Алешка, не унывай!» И я прославил Господа.

– Для тех лет Вы, действительно, вели себя очень смело. А как Вам удавалось сохранить человеческое достоинство в сталинских лагерях?

Осенью 1943 года меня привезли в харьковскую тюрьму и поместили в крохотную одиночную камеру, на полу которой всегда стояла вода.

Первую ночь мне пришлось провести на ногах. Кормили в той тюрьме под стать окружающей обстановке – отвратительно пахнущей баландой. Но Господь всегда помогал мне, давал удивительную бодрость духа. В 1945 году меня отправили в лагерь в Воркуту. Еще по дороге в лагерь начались сильные морозы, и я так заморозил ноги, что совсем не чувствовал их несколько дней.

Попав в лагерь, я сразу же принялся искать братьев по вере, и мне удалось найти двоих. У нас была очень радостная встреча. Но тут стали отходить ноги, начались страшные боли. Десять дней я лежал на нарах и тихо молился: «Господи, если я однажды выйду на свободу, то, пожалуйста, сохрани и мои ноги, чтобы я мог служить Тебе. А если мне не суждено выйти на волю, то я и без ног останусь верным Тебе, насколько хватит сил…» И Господь услышал молитву, мои ноги остались целы! Через десять дней я уже вышел на общие

работы, хотя и был еще очень слабым. Ведь питание для «врагов народа» было самым скудным. Так вскоре я превратился в «доходягу». Казалось, жить мне осталось совсем немного.

Но вот однажды утром вызывает меня к себе начальник снабжения нашего лагеря, человек сильный и властный. Я едва доплелся до его дверей. И вот этот человек с состраданием посмотрел на меня и неожиданно спрашивает: «Мне сказали, что ты верующий, это правда?» Я отвечаю: «Да!» И тогда этот начальник, убедившись, что нас никто не подслушивает, говорит: «Всю ночь сегодня я не мог заснуть. Господь мне велел найти в лагере брата по вере… И вот, кажется, я тебя нашел!» Тогда мы с ним вместе возблагодарили Господа Иисуса Христа. В руках у этого человека, как у Иосифа в Египте, были все материальные ценности лагеря. Он меня тут же отправил в баню, одел в самую лучшую лагерную одежду, выдал целую пачку талонов на питание в столовой. Так Господь протянул мне сильную руку помощи в минуту моей крайней нужды…

– А.И. Солженицын упоминает, что у Вас в лагере было Евангелие...

Мне очень хотелось иметь Священное Писание, и я написал матери письмо, в котором попросил, чтобы она прислала мне небольшую посылку, спрятав в ней хотя бы несколько страничек из Библии. Мама выполнила мою просьбу и прислала мне немного продуктов, завернув их в листочки, на которых была напечатана Книга Иова. При проверке посылки никто на это не обратил внимания. А я с радостью расправил драгоценные листочки и надежно спрятал их в щель между досками над своими нарами.

Немного позднее я подарил Книгу Иова братьям из соседней зоны, а сам вымолил себе у Господа целую Библию (небольшого формата). Мама прислала ее мне в следующей посылке.

Я много об этом молился, и у меня при проверке Библию не забрали! Это было еще одним чудом в моей жизни. Позднее мы узнали, что Сталин немного изменил отношение к религии, и это постепенно стали чувствовать даже зеки.

– Леонид Васильевич, расскажите, пожалуйста, о Вашем знакомстве в лагере с А.И. Солженицыным. При каких обстоятельствах это произошло?

Если вы помните рассказ «Один день Ивана Денисовича», то знайте, что все действующие там лица – реальные, не придуманные. Ивана Денисовича Шухова мы называли в лагере Жорой, он был из Алма-Аты, и мы с ним очень подружились. Перед освобождением из лагеря я подарил Ивану Денисовичу свою Библию, читая которую он уверовал, а вместе с ним уверовала затем и вся его семья. Спустя годы мне довелось побывать у них в гостях в Алма-Ате, это была замечательная встреча уже не только бывших заключенных, но и братьев по вере.

Так вот, Шухов прежде меня познакомился с Солженицыным и, как выяснилось, рассказал ему об «Алешке-баптисте» и о том, что я прячу где-то в стене листочки Священного Писания. Солженицына это заинтересовало. Он уже тогда, в лагере, что-то писал или собирал материалы для своих будущих книг. Он пригласил меня в сушилку в своем бараке и там долго расспрашивал о моей жизни и вере. Я пытался ему рассказать о живом Боге, но по всему было видно, что

Солженицына интересовала преимущественно политика. Он меня вежливо слушал, но постоянно направлял к тому, что больше подходило для его будущих антисоветских книг. В общем, я был разочарован этой встречей. Мне совсем не хотелось оказаться «героем» политической книги, и я об этом так прямо и сказал Солженицыну.

– А в каком году Вы впервые прочитали рассказ «Один день Ивана Денисовича»?

Альвина Закиевна: В том то и дело, что до начала перестройки мы с Леонидом Васильевичем только слышали об этом произведении, но никогда не читали. Как-то мы услышали по «Голосу Америки» об Алешке-баптисте, и тогда поняли, что речь идет о Л.В. Светлове. Сначала я прочитала «Один день Ивана Денисовича», а потом уже Леонид Васильевич. Наверное, это было уже в 1990-е годы…

– Можно узнать, что было с Вами после освобождения из лагеря?

Меня освободили досрочно, за «ударную» работу на воркутинской шахте, в 1952 году. Мне тогда исполнилось двадцать восемь лет. Начальник лагеря, посмотрев мои документы перед освобождением, удивленно сказал: «Тебя посадили в девятнадцать лет. Когда же ты успел так много навредить нашей советской власти?» Тогда я ему коротко изложил историю своей жизни, не утаил и того, что верую в Бога. И вновь Господь коснулся начальственного сердца. Он мне сказал, что собирался отправить меня в ссылку куда-нибудь в Сибирь, но есть у него одно хорошее место в «теплых

краях», вблизи Майкопа, и он теперь решил отдать это направление мне. Я поблагодарил Бога и поехал в Майкоп.

Позднее мне удалось добиться разрешения жить у себя на родине, в Восточной Украине. Там я с большим трудом устроился работать на шахту и прописался в Макеевке. Бывшим заключенным, да еще по политической статье, это было очень и очень непросто сделать. Там же я нашел церковь евангельских христиан-баптистов. У меня была великая радость от духовного общения с братьями и сестрами, появилась возможность регулярно ходить на собрание. Но и в регистрированную церковь бывших заключенных в те времена не очень-то принимали. Пресвитер боялся властей, мне не разрешали участвовать в хлебопреломлении. К счастью, в Макеевке была еще одна небольшая баптистская церковь, где меня приняли по-братски, где я вскоре стал полноправным членом церкви и даже проповедником.

А на работе меня невзлюбил парторг, хотя я всегда трудился честно. Шахта наша носила имя Ленина, на ней было множество бригад коммунистического труда, а тут посреди политически грамотных товарищей затерся такой сомнительный человек, как я. И придумал парторг, как со мной расправиться. Собрал он однажды наш трудовой коллектив и поставил меня перед выбором: либо я отрекаюсь от Бога, и тогда продолжаю работать на прежнем месте, либо меня с нашей передовой шахты немедленно увольняют. Я молча стою, а рабочие между тем за меня начинают заступаться и все сильнее критиковать самого парторга. Но тот был очень важным, немного выпившим и непреклонным. Его план был уже, несомненно, согласован с вышестоящим начальством.

В общем, дали мне несколько дней на размышление. И тогда я, помолившись, пошел к нашему областному уполномоченному по делам религиозных культов. Дело это было малоперспективное, но Бог так устроил, что в тот день я попал, ничего не ведая, на прием не к уполномоченному, а к какому-то министру, приехавшему в наш город. Внимательно выслушал он мою грустную историю, в заключение которой я сказал:

– Если у нас веру в Бога уже совсем запретили, то давайте не будем этого скрывать, а всему миру так честно и скажем…

– Идите, Леонид Васильевич, все будет хорошо! – сказал мне этот начальник, перед которым все уполномоченные ходили по струнке.

А через несколько дней узнаю: не меня сняли с должности, а парторга! И отправили его в забой работать простым шахтером, побросать уголек лопатой… «Если бы я знал, что у него такая рука наверху, то никогда бы не тронул», – передали мне слова позднего «раскаяния» бывшего парторга. «О, да, у меня наверху рука очень сильная!» – согласился я и вновь прославил Господа.

– Леонид Васильевич, а как у Вас складывались отношения с КГБ?

Как-то, помню, в брежневские времена начальство на работе мне задало трудный «политический» вопрос, который можно было бы связать с темой КГБ:

– Как ты, Светлов, относишься к советской власти?

Десятки людей тогда смотрели на меня и ждали ответа. Я мысленно помолился и сказал:

– Можно я отвечу вам народной поговоркой?

Мне кивнули.

– На то щука в реке, чтобы карась не дремал…

– Что-то нам непонятно, поясни! – попросило начальство.

– Я благодарен Господу за советскую власть, – сказал я совершенно искренне, – потому что вы не даете нам, верующим, духовно засыпать! А это очень важно.

Посмеялись тогда надо мной начальники и отпустили.

В местном КГБ ко мне, конечно, относились настороженно, поскольку Солженицын, главный антисоветчик, написал какое-то доброе слово про «Алешку-баптиста». Но когда чекисты увидели, что у меня нет пристрастия к политике, то однажды мне даже сказали: «Хотя ты и верующий, но нам не враг…» А я рад был любой возможности и этим людям проповедовать Евангелие.

– Леонид Васильевич, сколько у Вас с супругой детей и как Вы их воспитывали?

Милостью Божьей, у нас четверо детей: один сын и три дочери. Одна дочь на небесах у Господа. Скажу искренне: я виноват перед своими детьми, потому что всегда уделял им очень мало времени. Служение в церкви было на первом месте. Но благодатью Божьей все наши дети выросли верующими и сейчас служат Ему. Если мы будем верными Иисусу Христу, Он никогда не оставит и наши семьи!

– Большое спасибо за интервью!

УСПЕХОВ МОГЛО БЫТЬ И БОЛЬШЕ...

Крючков Юрий Константинович

– Уважаемый Юрий Константинович, расскажите, пожалуйста, немного о Вашей семье, о детстве, о том, как начинался Ваш христианский путь.

Я никогда не перестаю удивляться тому, как Господь чудесно хранил нашу семью. Несмотря на трудности военного времени, ненависть атеистов, никто из нас, в ту пору – девяти человек, не погиб, хотя мы и были разбросаны в разные концы советского государства.

Наш отец, Константин Павлович, не был известным служителем. Однако он активно занимался в московской церкви с молодежью и участвовал в музыкально-хоровом служении. Своего жилья у нас долгое время

не было, так что приходилось ютиться на квартирах у расположенных к нам братьев и сестер по вере. Господь же всегда заботился о нас. В моем раннем детстве однажды произошел такой замечательный случай. Отец сохранил его в памяти и рассказал нам, когда мы подросли. Это случилось еще до ареста отца в 1931 году, когда нас, детей, в семье было уже четверо: Валя, Геннадий, я и Борис. Как-то вечером мы остались совсем без пищи, без крошки хлеба, и денег тоже не было ни копейки. И вот родители, с болью глядя на голодных детей, между собой рассуждают: «Нам и нужного сейчас немного: килограмм хлеба и полкило сахара к чаю...» Мама подсчитала, что это будет стоить двадцать одну копейку (тогда были такие цены). Но где взять эти копейки? Казалось, сегодня всей семье так и придется лечь спать голодной.

И тут к нам буквально на минутку забегает одна сестра. Увидев детей, она, как будто извиняясь, говорит: «Ох, деточки! Мне и угостить-то вас нечем...» Но затем, пошарив в карманах, достает оттуда несколько мелких монет и протягивает их кому-то из нас со словами: «Вот вам, детки, возьмите на гостинцы!» Затем она сказала еще пару ободряющих слов и сразу же ушла. Тут мама пересчитала монетки. Оказалось, что вместо необходимых двадцати одной нам подарили целых двадцать две копейки! Мы возблагодарили Господа. Папа говорит: «Ну вот, Шура, и деньги. Бог послал нам даже на копейку больше. Иди скорее в магазин, пока он не закрылся, и купи именно то, чего мы хотели...» Мама пошла и заказала в магазине килограмм хлеба и полкилограмма сахара. Продавец говорит: «С вас двадцать две копейки!» – «Как двадцать две? – изумилась мама. – Должна же быть двадцать одна копейка!» Пересчитали вместе еще раз –

действительно, выходит двадцать две… Оказалось, что не Господь ошибся, а наша мама, хотя она и работала бухгалтером. Из этого рядового, казалось бы, случая папа сделал пророчески точный вывод: по воле Божьей, у нашей семьи никогда не будет ничего лишнего, и, одновременно, мы никогда в своих нуждах не будем оставлены Господом. Так всегда и было.

– Известно, что Вы принимали участие в деятельности Инициативной группы в 1961 году. Расскажите, пожалуйста, о том, как это происходило.

Сегодня многих интересует самое начало движения за пробуждение в братстве евангельских христиан-баптистов. Наша Узловская церковь собиралась тогда в деревне Родкино (Тульская область), в доме Семена Давыдовича и Раисы Павловны Володиных. Это примерно в трех километрах от автобусной остановки, так что по пути в молитвенный дом и обратно у братьев и сестер всегда было достаточно времени пообщаться друг с другом. Как-то я шел с моим братом Геннадием (он старше меня на полтора года) на собрание. По дороге он рассказывал мне, где был и что видел. Церкви повсюду закрывались, атеисты притесняли верующих людей по всей стране. Проанализировав известные ему данные, Геннадий пришел к выводу, что и руководители многих церквей нашего братства ЕХБ позорно сотрудничают с гонителями-атеистами. Служители часто предают своих же братьев и сестер. Атмосфера такая, что никому нельзя и головы поднять. Стало почти невозможным даже в тихих беседах свидетельствовать о Христе или выражать свое несогласие с повсеместным отступлением христиан от Евангелия. На таковых сразу же донесут властям завербованные

служители или рядовые члены церкви. А потом проповедников не только посадят, но и сама община их еще осудит…

При таких стесненных обстоятельствах, в 1961 году, и начиналось наше движение. Спустя годы Геннадий Константинович скажет о том времени: «Возникнув, Инициативная группа совершенно не имела намерения проводить созыв съезда под своим руководством. Ее целью было ударить в набат. Служители Инициативной группы считали, что окажутся в узах не позднее, чем через месяц после подачи 1-го заявления. „Пусть мы будем в узах, – говорили они, – но братство пробудится, и ВСЕХБ,* при общей поддержке и молитвах, сможет созвать съезд. Церковь сбросит иго человеческих постановлений, позорное ярмо будет разбито, а братство – объединено“».

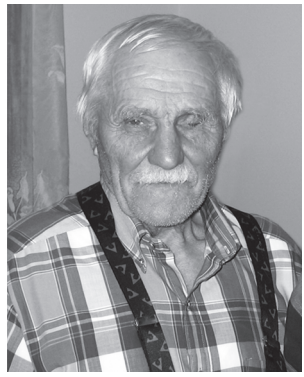
Когда первые послания Инициативной группы были готовы, перед нами встала задача, как их теперь размножить. Не менее трудной проблемой являлось и распространение этих документов по церквам ЕХБ необъятного Советского Союза. Наконец, кто-то эти послания должен был подписать, что означало немедленно подвергнуться преследованиям со стороны властей. Со всеми этими вопросами мы обратились к Господу. А.Ф. Прокофьев, с которым мы познакомились в том же году, сказал, что у него на Украине есть надежные друзья, которые освоили гектограф («синьку») и помогут с печатью. Прокофьев был образованным человеком и немало потрудился в правке Первого послания Инициативной группы. Он также выразил свое согласие, вместе с Г.К. Крючковым, подписать наше общее Обращение к президиуму ВСЕХБ.

* Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов. – *Прим. редактора.*

К концу лета 1961 года Прокофьев вернулся к нам в Узловую вместе со своим другом Борисом Здоровцом, который привез отпечатанные на гектографе первые документы Инициативной группы. По такому случаю мы собрались все вместе в доме Живоглазовых. Это была весьма примечательная встреча. Все члены Инициативной группы сидели за одним столом по порядку: С.Д. Володин, Г.К. Крючков, Б.М. Здоровец, А.Ф. Прокофьев, П.А. Якименков, И.А. Афонин и я. Вероятно, на этой встрече присутствовали еще один или два человека, но я их помню очень смутно. Все эти братья, кроме Прокофьева и Здоровца, были из нашей Узловской церкви.

Борис Здоровец повел себя очень своеобразно. Он сразу сказал, что, прежде чем отдать нам размноженные «синькой» документы, ему нужно получше познакомиться с нами и с той программой, которую мы предлагаем. Он поставил стопки копий наших воззваний на пол рядом с собой и сказал примерно следующее: «Братья, я решил так: если вы меня „купите“, то буду с вами заодно, а если нет, то не отдам вам эти послания

А.Ф. Прокофьев



Б.М. Здоровец

и сразу уеду…» В ходе последовавшей затем беседы мы его „купили“ (не за деньги, конечно), и тогда он отдал нам отпечатанные письма. Но и это было еще не все. К сожалению, на обратной стороне наших посланий, Здоровец, ни с кем не посоветовавшись, отпечатал и свое личное письмо ко ВСЕХБ, которое в значительной степени меняло смысл того, что было ранее написано Инициативной группой. Здоровец взывал к руководству братства, сравнивая свои слова с обращением детей к родителям, призывал их покаяться, вспоминая о том, что в свое время мы, «дети», узнали о Господе от них, наших «отцов»… Инициативной группе письмо Здоровца не понравилось, а перепечатать документы возможности не было. Тогда, взяв в руки тряпочку, смоченную в хлорированной воде, нам удалось стереть текст Здоровца со всех привезенных им копий. Таким образом, первые документы были подготовлены и подписаны, а затем в тысячах экземплярах постепенно разошлись по всей стране. Пробуждение евангельско-баптистского братства, с Божьей помощью, состоялось. Гонимая церковь приняла на себя основной удар. Государственный атеизм, не ожидавший столь сильного сопротивления, ослабил свое давление на все остальные общины.

– Спасибо за такие интересные и малоизвестные подробности. Хотелось бы немного больше узнать о Геннадии Константиновиче: например, каким образом ему так долго удавалось скрываться от КГБ?

По мере обострения обстановки и усиления слежки, наши встречи с Геннадием становились все реже и реже, а потом и вовсе почти прекратились. Я понимал, что он должен находиться в более строгой конспира-

ции, чем я или другие братья. Мы все считали, что если найдут и посадят нас, то это полбеды, а вот если схватят Геннадия, то делу Божьему будет нанесен большой урон. Ибо в те годы шла духовная война не менее трудная, чем у Израиля во дни царя Давида. Как написано: *«И сказал царь людям: я сам пойду с вами. Но люди отвечали ему: не ходи; ибо, если мы и побежим, то не обратят внимания на это; если и умрет половина из нас, также не обратят внимания; а ты один то же, что нас десять тысяч; итак для нас лучше, чтобы ты помогал нам из города. И сказал им царь: что угодно в глазах ваших, то и сделаю» (2 Цар. 18:2–4).*

Время от времени я что-то передавал Геннадию через наших связных, он таким же образом отвечал мне. Так что общение наше полностью никогда не прерывалось.

Что касается его бдительности в отношении КГБ, то помню такой случай. Я как-то был в гостях в Москве и ночевал у папы. Он тогда еще жил на Соколе. Вместе со мной у него ночевала и жена Геннадия, Лидия Васильевна, с их сынишкой Игорьком, который уже давно не видел своего отца. Утром мы позавтракали, и я, ничего не подозревая, пошел по своим делам. В том районе был хороший книжный магазин, и я всегда, по возможности, в него заходил. Однако на сей раз интересующий меня отдел технической литературы почему-то не работал. По дороге к станции метро я случайно встретил Геннадия. У него была намечена короткая встреча с братом П.А. Якименковым прямо на улице. А меня Геннадий попросил вернуться в книжный магазин. Оказывается, там его в этот час должна была ждать Лида с Игорьком (и она мне об этом ничего не сказала!). У дверей магазина я неожиданно увидел сотрудника КГБ в штатском, который однажды уже

не очень ловко следил за мной и другими братьями, и потому мы его запомнили. В те времена чекисты не раз принимали меня за Геннадия. Разумеется, я не стал ждать Лиду, а решил поскорее вернуться к моему брату, чтобы предупредить его об опасности.

По тротуару навстречу друг другу двигались два потока пешеходов. Чтобы Геннадий заметил меня, я вышел к самому краю Ленинградского шоссе и пошел в его сторону. Я заранее поднял руку к виску и приготовился незаметно, как бы поправляя волосы, подать ему сигнал рукой. Вижу – идет. Я внимательно смотрел на брата, ожидая, когда он меня увидит. Наконец, Геннадий взглянул прямо на меня, и тогда я тут же подал ему знак. Он, будучи опытным человеком, мгновенно развернулся и пошел в обратном направлении. Но, как оказалось, и за Геннадием уже был хвост – какой-то мужчина точно так же развернулся и пошел по улице вслед за ним. Я догнал брата, и мы вместе с ним дошли до станции метро «Сокол». Не зная, как быть дальше, зашли в расположенную поблизости столовую. А наш преследователь остался снаружи и, вероятно, ожидал кого-то еще.

Мы с Геннадием остановились в прихожей, недалеко от входа. Я стоял спиной к двери, а мой брат – лицом к ней. Стоим и рассуждаем, что нам предпринять. Геннадий смотрит через открытую дверь на улицу и видит, что наш хвост зашел за торговую палатку, которая находилась напротив столовой, и периодически оттуда выглядывает, чтобы не упустить нас из виду.

Геннадий же тихонько мне говорит: «вот выглянул… вот спрятался… опять выглянул… спрятался…» И так повторялось несколько раз. Брат тогда предлагает: «Давай сейчас, как только он спрячется, выбе-

гаем, и сразу налево – во двор!» Так мы и сделали. С бьющимся сердцем дождались, когда чекист вновь скрылся за палаткой и быстро выбежали из столовой. Потом долго кружили дворами, но никакой слежки за нами больше не было, Господь сохранил. Так и не знаю, встретился ли в тот раз Геннадий с женой и сыном или нет…

– И все же в 1966 году Геннадия Константиновича каким-то образом арестовали?

Его близкие сотрудники рассказывали, что и в злополучном мае 1966 года ареста можно было избежать, если бы Геннадий сам не пренебрег своими обычными мерами предосторожности. «Возможно, – говорили мне, – Геннадий Константинович поступил так осознанно, дабы пресечь сплетни, что вот, мол, одних сажают, и по нескольку раз сажают, а кто-то опять остался на свободе… Поэтому он и не остерегся».

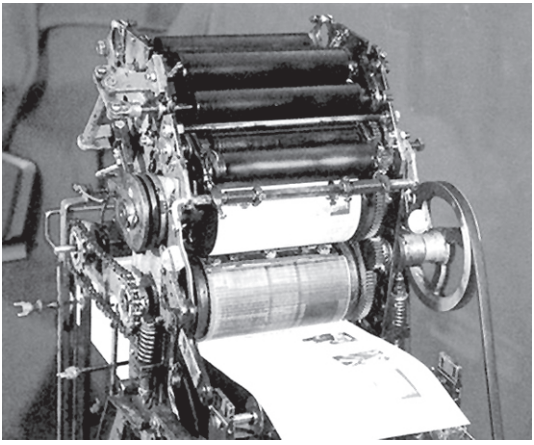
В заключении Геннадий Константинович находился до мая 1969 года. Мне братья поручили встретить его в Забайкалье при освобождении. В то время появилась информация, что на него завели уже новое дело, чтобы добавить срок. Наши братья известили об этом беззаконии правительственные органы и широкую общественность, как в Советском Союзе, так и за его пределами. Мы знали и о том, что Геннадий Константинович в знак протеста отказывается принимать пищу уже около семнадцати суток. Поэтому я поспешил в Читу, где встретился с его супругой Лидией Васильевной, которая там уже ожидала меня. Лагерь находился далеко от города, и добраться до него было нелегко. Найти дорогу туда нам помог один местный таксист. Слава Господу, Геннадия все же освободили.

Когда брат вышел к нам, мы увидели, что он очень слаб и едва держится на ногах. И все же усилием воли Геннадий сумел самостоятельно оформить необходимые для освобождения документы.

Когда мы на такси отъезжали от лагеря, то некоторые заключенные забрались на крышу высокого строения внутри зоны и на прощание махали руками, что-то кричали нам. Это была необыкновенно трогательная картина. Несомненно, многие заключенные любили Геннадия и уважали за твердость духа.

– Юрий Константинович, а как Вам и Вашим друзьям в подпольных условиях удалось разработать качественную офсетную печать?

Пройдя через многолетний период «синьки», мы с братьями покопались в технической литературе и, наконец, смогли собрать несколько малогабаритных печатных станков, однако качество нашей черной пе-



Печатный станок (1970-е гг.)

чати тогда оставляло желать лучшего. Одной из главных проблем в подпольном издательском деле было создание качественного оригинала. Рукописные образцы всегда несовершенны. Оригиналы с пишущих машинок несколько лучше, но и они имеют целый ряд серьезных недостатков. Например, они бледны, в них может использоваться только один вид шрифта, соответственно и печать с такого образца выходила однообразной и примитивной.

И вот, когда в 1970 году Геннадий Константинович вновь вынужденно ушел на нелегальное положение, он однажды нашел очень хороший, доступный и, по сути, неистребимый способ набора текста – посредством аппликации. Конечно, это трудоемкое дело, отнимающее много времени, зато качество печати выходит очень приличным. Геннадий предложил вырезать из различных журналов необходимые буквы и символы, а затем аккуратно наклеивать их на бумагу. Созданный таким образом оригинал фотографировали и уже доступным нам в то время фотомеханическим способом готовили печатные формы. При этом было особенно важным, что наборщики отныне могли находиться в любом конце страны, сидеть в какой-нибудь тихой, теплой комнате и, не привлекая постороннего внимания, спокойно совершать свое дело.

Хотя в полиграфической промышленности и до нас были известны двухсторонние печатные машины, но такой, как у нас, мир еще не видел! Когда, после захвата одной печатной точки Совета Церквей, советские специалисты внимательно изучали наш станок, оценивали его производительность и качество продукции, то искренне удивлялись. К тому же, наша машина, подобно Скинии в пустыне, была проста в использовании, легко разбиралась и переносилась с места на место.

Такое чудо Господь явил в трудные времена среди Своего народа, для того чтобы мы могли издавать большими тиражами столь необходимую верующим людям духовную литературу. Слава Ему за это!

– Можно в заключение задать Вам более трудный вопрос? То, о чем Вы говорили сегодня, преимущественно относится к положительной стороне деятельности Совета Церквей. Однако нам никуда не уйти и от трагедии разделения отечественного братства ЕХБ, атмосферы взаимного недоверия, грубости и поношений, почему-то нередко, увы, тоже сопровождавшей «движение за пробуждение»...

Говоря об успехах движения Совета Церквей ЕХБ, вполне справедливо и естественно сказать и о наших недостатках. Я осознаю, что мои воспоминания далеко не отражают целостной картины пройденного пути, ибо я о многом забыл, о многом не знаю или даже не слышал. Думаю, что и другие братья, участники движения пробуждения, непременно поделятся своими воспоминаниями для более объективной и всесторонней его оценки. Пока же скажу то, что у меня есть на сердце.

К сожалению, так случилось, что некоторые из наших рядов, несмотря на самые чистые и святые цели, уже в самом начале движения задали нездоровый тон в распространении документов Инициативной группы и их разъяснении в общинах. И никто этих братьев тогда, увы, не остановил. А, как известно, сорняки всегда прививаются и растут быстрее, чем полезные и культурные растения. Вскоре нам стало уже нельзя даже встречаться и общаться не только со служителями регистрированных церквей, но и с их

рядовыми членами. Мы перестали принимать от них и передавать им приветы, оказывать какую-либо помощь. Эти братья разрезали единую Церковь по живому и установили между ее двумя частями некий новый «железный занавес». Сегодня мы знаем, что разделения происходили не только во многих общинах страны, но и даже в семьях верующих людей.

Я никогда не понимал этой резкой перемены в нашем движении. Не понимаю ее и сейчас. Сколько раз я задавал братьям вопросы: «Почему? Откуда пришла такая команда? Может быть, так где-то написано в Святом Писании? Может быть, кому-то было послано специальное откровение? Ведь начинал движение пробуждения в нашем братстве Дух Святой, и мы все с этим согласны.

Кто же нас остановил и почему?» Ни разу я не получил на эти вопросы вразумительного ответа.

Во всяком случае, Евангелием этого не оправдаешь. Не закроешь же глаза на фундаментальные христианские заповеди: «идите по всему миру», «любите друг друга», «любите врагов», «благотворите»?..

Журналы Совета Церквей ЕХБ

Приведу только один, но очень показательный пример. Однажды поздней осенью, когда уже шли дожди со снегом, наши молодые братья увидели у соседей недостроенный молитвенный дом. Им нужно было поскорее покрыть крышу, потому что там намокали и портились стены, пропадали дорого-

стоящие стройматериалы. Наши братья вызвались помочь, ибо так их учило Евангелие. Но только они начали это доброе дело, как кто-то из карьеристов уже донес «кому следует», и сверху пришел строгий запрет на помощь «нашим противникам»…

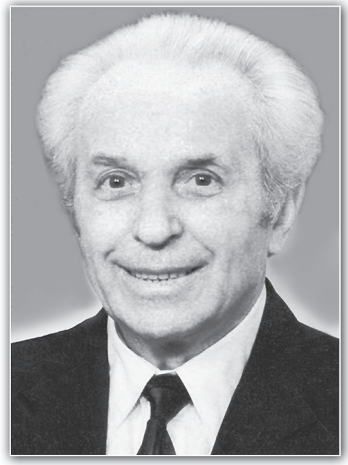
Для меня это «новшество» в движении Совета Церквей явилось таким потрясением, что я долго не находил себе покоя ни днем, ни ночью, и даже физически заболел. Я искал помощи и объяснения у других братьев, но постоянно наталкивался на «бетонную стену» молчания. Трудно себе и представить, сколь большими и славными могли бы быть успехи нашего братства, если бы мы сумели вовремя остановить братьев, поступающих среди нас неправильно. А так – мы выполнили дело Божье лишь частично, не совсем, как бы Он этого хотел. И когда сегодня слышишь громкие сообщения о наших скромных достижениях, то невольно думаешь, что успехов могло бы быть и в десять, и в сто раз больше…

И все же и это «малое Божье» в итоге нанесло смертельный удар советскому государственному атеизму. Слава Господу за все!

– Большое спасибо за интервью!

ПОЗНАВАЙТЕ ВОЛЮ БОЖЬЮ!

Седлецкий Карл Станиславович *



– Уважаемый Карл Станиславович, расскажите, пожалуйста, о том, как Вы в своей жизни познавали волю Божью.

Обратился я к Господу в 1947 году, когда наша семья за веру в Бога была выслана с Украины в Северный Казахстан. Там мы жили в сельской местности, где не было евангельских верующих, но однажды меня направили на кратковременную учебу в город Петропавловск. В первый же воскресный день с утра до позднего вечера я ходил по улицам этого города в надежде найти

* Данное свидетельство было любезно предоставлено для публикации П.К. Седлецким.

собрание баптистов. Я прислушивался к любому пению в домах, много молился, но все было безрезультатно. Вечером, усталый и разочарованный, вернулся на квартиру, куда меня определили на время учебы. И тут произошло чудо! До моих ушей вдруг донесся довольно громкий разговор двух женщин на кухне, молодая соседка громко жаловалась моей хозяйке на свекровь: «Вы понимаете, эта баптистка четыре раза в неделю ходит в молельню, так что мы с мужем по воскресеньям никак не можем выбраться в театр или в кино, потому что просто не с кем оставить детей...» И тут меня словно свет с неба осиял, я с радостью стал благодарить Бога за ответ на мои молитвы.

После услышанного мне уже не составляло труда познакомиться с верующей пожилой соседкой и вместе с ней попасть на христианское собрание. И вот в конце ноября 1947 года на одном из благословенных богослужений в Петропавловской общине я открыто обратился к Господу с молитвой покаяния. Церковь с радостью восприняла это событие, многие со слезами поздравляли меня, а один брат при этом так расположился сердцем, что подарил мне Библию на русском языке! А ведь я в те годы боялся о таком даже мечтать. Трудно передать, с какой радостью и волнением взял я тогда в руки Книгу Книг.

Вскоре у нашей семьи появилась возможность вернуться на Украину. Там я поступил в Каменец-Подольскую агрономическую школу, но через некоторое время меня оттуда отчислили из-за моих религиозных убеждений. А потом еще много раз увольняли с работы, как только узнавали, что я баптист. Помню, я нашел себе уже самую простую работу, устроился пастухом. Однако и здесь меня настигла советская власть. Начальник, немного смущаясь, сообщил мне, что ему

из-за меня крепко досталось «по партийной линии», и мне придется уйти. «Вы, наверное, боитесь, как бы я ваших коров не сделал баптистами!» – грустно пошутил я. «Да, – неожиданно серьезно ответил начальник, – мне сообщили, что вы связаны с какими-то американскими баптистами, и поэтому вам нельзя доверять пасти наших советских коров...» Но и в самое трудное время Господь заботился обо мне, и я не оставался без хлеба насущного.

Шло время, передо мной встал вопрос создания собственной семьи. Мне очень хотелось полностью довериться Богу, чтобы у меня все было не так, как у мирских людей. Тогда мое внимание привлекла 24-я глава книги Бытие, где описана необычная свадебная история Исаака и Ревекки.

Я попросил Бога указать мне ту верующую девушку, которая угодна Ему, и в молитве обещал не противиться Его воле. И вот во время воскресного утреннего собрания я внимательно наблюдал, прислушивался, но, казалось, никакого ответа не получил. Все разошлись по домам, как обычно... Я тоже пошел по улице, но по внутреннему побуждению вдруг остановился на одном месте, подобно Исааку, который, ожидая невесту, вышел в поле поразмыслить... Я не мог избавиться от чувства, что именно здесь я должен стоять до тех пор, пока не получу просимое от Господа. Удивительным образом так и случилось, милосердный Бог пошел мне на встречу! Он привел Полю именно на это место, и когда она, подойдя ко мне, подала мне руку для приветствия, тогда только мы и узнали имена друг друга. «Вот плоть от плоти моей и кость от костей моих!» – радостно отозвалось в сердце моем.

Так Господь вручил в мои руки Свой драгоценный дар, за что я всегда буду Ему благодарен. Мы услови-

лись с Полей о скорой встрече, и фактически встреча та была единственной до дня нашей свадьбы. Решил я так: сначала договориться о дне бракосочетания, и, если этот вопрос будет решен положительно, тогда будем знакомиться… Когда я рассказал об этом Поле, то она выразила большое удивление, но все же поверила моим словам и, подобно Ревекке, радостно согласилась с волей Божьей. Мы подали друг другу руки, возблагодарили Бога и приступили к другому вопросу – знакомству друг с другом…

В 1957 году я был избран Черновицкой церковью ЕХБ на пресвитерское служение. Это было время сильнейшего наступления атеизма на Церковь Христову. Я умолял братьев, чтобы они обратили внимание на мою молодость и неопытность, ведь среди братского совета и проповедников я был тогда самым молодым. Но все было напрасно. Единодушие братьев и всех членов церкви вновь указывало на то, что это была воля Божья.

Когда нас с женой пригласили на членское собрание, чтобы объявить решение церкви, то вся община встретила нас радостными слезами… Оглянувшись по сторонам, я не увидел ни одного человека, который бы не плакал! Так уже первые минуты моего избрания на служение были обильно политы слезами. Я воспринял это как пророческое предзнаменование. А вскоре после моего рукоположения одна сестра в церкви преподнесла мне символический подарок. Это были два платочка, большой и маленький. Вручая их, сестра пояснила, что платок, который побольше, дается мне для плача наедине пред Богом, а маленький – чтоб утирать слезы при людях… Вот такие были тогда времена.

Наша церковь в Черновцах имела официальную регистрацию, но гонений от властей мы испытывали не

меньше других. Я много раз убеждался, что разделение в евангельско-баптистском братстве произошло, прежде всего, в тех общинах, где вместо Евангелия верующие стали руководствоваться человеческими посланиями.

Но были церкви, в том числе и наша, Черновицкая, в которых осознанно не зачитывались никакие послания – ни Прокофьева с Крючковым, ни Жидкова с Каревым. Прежде всего, вот в таких-то общинах, несмотря на все трудности, и сохранилось единство.

Атеисты давили очень сильно. Однажды я взял в руки очередной номер местной газеты, и обнаружил, что моя фамилия, как пресвитера церкви, упоминалась там целых восемь раз и при этом всякий раз склонялась как самое бесчестное имя. Тогда я, весьма огорченный, вскоре показал этот номер уполномоченному по религиозным культам и попытался доказать ему, что в газете пишется неправда. Но тут Господь неожиданно укрепил меня через слова этого воинствующего атеиста. Уполномоченный строго сказал мне, что я добровольно избрал себе христианский путь, при этом он даже сослался на Библию, что последователей Христа, как написано, будут всячески поносить и неправедно злословить…

Где-то в середине 1960-х годов меня однажды пригласили в горисполком и сообщили, что в «просветительских целях» принято решение провести в нашем городе открытые диспуты с представителями религиозных общин. Мне выдали много пригласительных билетов и долго убеждали в необходимости участия баптистской церкви в этих диспутах. На прощание начальник-коммунист, пожимая мне руку, случайно проговорился: «Пожалуйста, не сорвите наше мероприятие!» – «Да, – ответил я ему, – это ваше мероприя-

тие, но мы будем молиться, чтобы Бог употребил его для Своей славы…»

После многих молитв наша церковь решила принять участие в диспуте. В назначенный день мы пришли в указанное место. Зал был переполнен. Выступали известные в городе ученые-атеисты. Суть их речей сводились к тому, что Христос – это миф, легенда, верить в Бога в двадцатом веке нелепо и т.д. Время каждого выступления было ограничено. Интересно, что ни один из атеистов не использовал отпущенное время полностью, говорили они довольно сухо, и мало что могли сообщить нового любознательным слушателям, зато наши братья каждый раз проповедовали до тех пор, пока ведущий испуганно их не останавливал. Все больше и больше аплодисментов доставалось верующей стороне. «Христос – это корень огромной современной христианской Церкви, которая существует по всему миру, – говорил один брат. – Как неразумно было бы утверждать, что дерево может расти без корня, так и христианство не существовало бы без Господа нашего Иисуса Христа! …Я прошу сейчас поднять руки тем людям, кто считает себя маленькой веточкой на этом могучем древе христианской веры…» Последние слова были сказаны с таким вдохновением и духовной силой, что весь зал тут же превратился в море поднятых рук. Со всех сторон раздались возгласы: «Ура! Победа за баптистами! Посадили в галошу атеистов! Ура!» Бурные овации продолжались минут пятнадцать, до тех пор, пока опозоренные атеисты не покинули зал… Так пастушок Давид вновь победил великана Голиафа!

Однако, разумеется, на этом дело не закончилось. Коммунистическая власть задумала отомстить нашей церкви за свое поражение на диспуте. В конце 1967

года все местные газеты, радио и телевидение сообщили о том, что в Черновцах случилось нечто ужасное: некий баптист по фамилии Загарюк убил молодую женщину и разрезал ее на части. Голову, правую руку и правую ногу сжег на огне, совершив некий обряд жервоприношения, а остальные части тела сложил в мешок и намеревался утопить в реке.

Убийцу задержала милиция. Во время допроса он признался, что с убитой им женщиной имел прежде внебрачную связь, а затем, раскаявшись, обратился к пресвитеру Седлецкому с просьбой освободить его от греха. Седлецкий же ему посоветовал принести женщину в жертву, потому что так учит Евангелие: если правая рука соблазняет тебя, отруби ее и т.д. Одновременно с этим сообщением в газетах были помещены фотографии, изображающие окровавленные куски человеческого тела...

В городе тут же поднялось сильное возмущение против баптистов. Несколько месяцев длилось расследование и, наконец, дело дошло до суда. Никто из нашей церкви этого Загарюка не знал. Он спокойно сидел на скамье подсудимых и совсем не был похож на человека, которого долго держали в камере: его лицо выглядело свежим и румяным. Несомненно, Загарюк только играл роль страшного преступника. Сложнее обстояло дело с предположительно убитой женщиной по фамилии Ставчинская. Она некоторое время была членом нашей Черновицкой церкви. Надо сказать, что эта женщина всегда подозревалась нашими братьями в тайном сотрудничестве с властями. Она была молодой, миловидной и одинокой. И мы ее не раз замечали в обществе людей в погонах. Очень вероятно, что Ставчинская потому и стремилась войти в нашу церковь, чтобы нанести ей какой-то вред.

Что произошло на самом деле, едва ли мы когда-нибудь узнаем. Но, несомненно, эта мрачная история была одной из самых ужасных провокаций против христианской церкви в советское время.

Показательно решение по этому делу: Загарюка приговорили к расстрелу, а мое имя в итоговом заключении судей даже не упоминалось. Хотя виновность Седлецкого многим людям казалась несомненной, и все ожидали, что к расстрелу должны приговорить и меня. Присутствующие в зале суда после оглашения приговора тотчас подняли ужасный крик: «Неправильно! Расстрел – Седлецкому! Загарюку – свободу!»

После всех этих событий я уже не мог долго оставаться в Черновцах. Власти меня всячески выталкивали из города и с Украины в целом. Описать всего невозможно. В итоге для нашей семьи обозначилась дальняя дорога: либо в Западную Сибирь, либо в Восточный Казахстан. Вскоре мне было открыто, что в этом есть воля Божья, и я дал согласие на переселение. Так летом 1968 года начался новый период в жизни нашей семьи: мы переехали в Павлодар.

Для меня было большой загадкой, почему Господь направил нас именно в этот город. Я никогда прежде там не бывал и никого не знал в тех краях. Но я всегда верил, что у Бога нет случайностей, и даже черновицкая буря для чего-то была нужна. Вскоре мы узнали, что в Павлодаре уже довольно давно существует баптистская церковь. Много лет она была терзаема разногласиями и разделениями. Несомненно, в этом активно участвовали и внешние силы. Даже в 1968 году, когда в жизни нашего братства уже многое изменилось в лучшую сторону, представители местных властей в Павлодаре посещали почти каждое богослужение, внимательно наблюдая за тем, чтобы в молитвенном

доме не было детей, никакой евангельской активности не проявлялось, особенно среди молодежи. Церковь же просто не знала своих прав. У нее в то время не было даже пресвитера, поскольку братья не ладили между собой.

Однако среди всех этих недостатков присутствовало в Павлодарской общине и доброе начинание. Члены церкви согласились поститься один день каждую неделю до тех пор, пока Бог не пошлет им Своего служителя, который выведет церковь из столь плачевного состояния. Такое решение было принято за пять с половиной месяцев до нашего переезда, и оно безоговорочно выполнялось. Тогда же Господь и начал открывать Свою волю в этой общине. Одна уважаемая старица увидела во сне того брата, который по воле Божьей вскоре должен стать у них пресвитером. Это был некий молодой человек в сером костюме. Он, войдя в молитвенный дом, сразу же начал расставлять по своим местам разбросанные вещи и мебель, и таким образом вскоре навел порядок...

Праздник жатвы в Павлодарской церкви, 1958 год

Братский совет, конечно, не обратил особого внимания на сновидение старушки. Однако спустя некоторое время уже диакон этой церкви рассказал совету свое необычное сновидение, которое на этот раз произвело на братьев довольно сильное впечатление. Диакону приснилось, будто все члены их церкви оказались внутри железнодорожного состава, который вдруг сошел с рельсов. Началась паника, стали искать человека, кто смог бы вернуть поезд на свой путь. Наконец, откуда-то появился молодой мастер в сером костюме и согласился помочь в беде. Он каким-то чудом поставил вагоны на рельсы, и непродолжительное время сам управлял поездом. Проехав вместе с членами церкви несколько станций, таинственный помощник исчез, и тогда составом стали управлять уже другие братья.

Ничего не зная о положении в этой церкви, вскоре после переезда я впервые пришел на богослужение. Особого выбора у меня не было, и я надел свой обычный серый костюм… Едва я вошел в молитвенный дом, как церковь пришла в движение, все как-то по-особенному смотрели на меня. Братья сразу же предложили мне проповедовать. А уже после собрания некоторые члены церкви стали открыто прославлять Бога за услышанные молитвы о служителе. Меня пригласили для беседы и подробно расспросили о том, кто я и как оказался в их городе. Я, как мог, рассказал о событиях в Черновицкой церкви. И тут братский совет, не медля, вынес необыкновенное решение: принять верою, как ответ на пост и молитву церкви, что приезд брата из Черновцов – от Господа; на предстоящем утреннем воскресном богослужении представить меня как нового пресвитера Павлодарской церкви…

Начиная свое служение, я посоветовался с братьями и счел необходимым совершить водное крещение дав-

но ожидавших этого события нескольких душ. В августе, впервые за многие годы – в воскресный день, мы открыто провели крещение на реке Иртыш. На берегу собралось множество народа, пел хор, проповедовалось Слово Божье. Для меня в этом не было ничего особенно удивительного, но в здешних краях крещение до сих пор совершалось только ночью. Поэтому смелость баптистов не очень-то понравилась местным властям. Вторым ударом для них стало массовое посещение наших богослужений детьми.

Началось это так. С первого же дня моего служения наши с Полей дети открыто пошли на собрание. Члены церкви, увидев детей, заволновались и стали спрашивать, неужели несовершеннолетним уже разрешается посещать молитвенный дом? Я всем отвечал, что законодательного запрета в нашей стране никогда и не было, братство ЕХБ под давлением атеистов само ошибочно приняло такое решение, но и оно уже отменено пять лет назад. И тогда множество детей наполнило нашу церковь!

Местные власти, не зная, как быть, стали жаловаться на меня в Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Вскоре меня вызвали в Москву, обещая там во всем разобраться. По дороге, в самолете, мне вспомнилась замечательная басня И.А. Крылова «Волки и овцы»:

Овечкам от волков совсем житья не стало,
И до того, что, наконец,
Правительство зверей благие меры взяло
Вступиться за спасение овец, –
И учрежден Совет на сей конец.
Большая часть в нем, правда, были волки...

Вот примерно такой Совет по делам религий и был учрежден в центре, якобы для защиты овец Христовых, хотя все участники этого Совета являлись коммунистами. И.А. Крылов в своей басне далее пишет, что сытые волки могут иногда и не обижать овец, на это только и была моя надежда. По милости Божьей, в Москве мой вопрос рассмотрели не слишком строго и передали дело не в суд, как просили мои обвинители, а лишь в местную административную комиссию при горисполкоме (в Павлодаре).

В итоге меня оштрафовали на пятьдесят рублей, что было для бюджета семьи довольно чувствительно, но победа церкви – намного важнее: мы стали значительно свободнее совершать свои богослужения, дети вместе со своими родителями регулярно ходили на собрания, в общине воцарился мир.

Пришло время, определенное в Божьем плане, для нашего отъезда из Казахстана, где мы прожили целых пять лет. Украинские власти заявили, что для меня прописки на Украине не будет ни при каких условиях. Тогда руководство ВСЕХБ неожиданно предложило мне стать старшим пресвитером по Молдавии. Слушая слова ответственных братьев нашего Союза, я почувствовал себя в состоянии Елиезера у колодца, который смотрел на все происшедшее и желал уразуметь, благословит ли Господь этот путь…

Мое служение в Молдавии продолжалось девятнадцать лет. Некоторые братья встретили меня там настороженно. Например, церковь села Б. пригласила меня с просьбой помочь разрешить некоторые их церковные проблемы. Бурное членское собрание затянулось до полуночи. А затем самые активные члены церкви еще задержались и в моем присутствии продолжали довольно жесткие разбирательства до самого утра…

На следующий день открылись какие-то новые обстоятельства, и мне пришлось остаться в селе еще на два дня. Все это время братья буквально засыпали меня колкими и каверзными вопросами, так что я был измучен духовно и физически. При этом со мной почему-то все постоянно спорили и ни в чем не соглашались. Наконец, в доме пресвитера вечером была назначена последняя встреча. Придя туда с тяжелым сердцем, я обратил внимание на богатый праздничный стол. Лица всех братьев сияли необъяснимой радостью.

Меня встретили очень дружелюбно и посадили на самое почетное место за столом. Я не понимал, что случилось. Перед трапезой пресвитер церкви, помолившись, обратился ко мне примерно со следующей речью: уже довольно давно в их краях распространилось мнение, что все старшие пресвитеры не столько служат Богу, сколько властям, грубо господствуют над народом Божьим, поэтому братья решили пригласить меня в гости и серьезно испытать, стараясь всячески вывести из равновесия… Столь тяжело давшийся мне результат этой встречи братьям понравился.

Борьба с религией в Молдавии иногда принимала комичные формы. В одном селе местный партийный актив принял решение… снести туалет с территории молитвенного дома! Тогда, дескать, баптисты будут реже ходить на собрание.

Это был, так сказать, новый «научно-атеистический» подход к проблеме. В ответ мы с братьями приняли решение сообщить об этом нововведении республиканскому партийному руководству в Кишинев, а следующим шагом пообещали властям обращение за помощью в Москву, быть может, там сочтут нужным распространить данный метод борьбы с религией по всему Советскому Союзу…

Результат последовал незамедлительно: уже через два дня пострадавшим за счет колхоза был построен новый туалет. Эта история тогда запомнилась многим.

В реальной жизни комические и трагические события часто следуют друг за другом. В 1978 году в армии мученически погиб мой племянник Виктор Седлецкий. Он служил в Сочи, недалеко от того места, где ранее был убит другой солдат-христианин, Иван Моисеев. В воинской части Виктор никогда не скрывал своей веры в Бога. Он прослужил примерно половину срока, когда матери вдруг было сообщено, что ее сын погиб во время исполнения служебных обязанностей. Когда родственники приехали в часть забирать тело, там им сказали, что Виктор якобы утонул во время купания, а цинковый гроб настоятельно просили не открывать… Когда гроб, в присутствии фотографов и врачей, все же был вскрыт, сразу же обнаружилась ложь армейских чинов: на теле Виктора все увидели множество ножевых ран. Перед плачущей церковью предстал еще один мученик за слово Божье. Велика для таковых награда на небесах!

Несмотря на многие трудности и испытания, вспоминая пережитое, я убежден, что прошел именно то поприще, которое Бог в Своей премудрости определил для меня. Познавайте, что есть воля Божья и в вашей жизни! (Еф. 5:17).

– Большое спасибо за Ваше свидетельство!

ЛЕТОПИСЕЦ БАПТИСТСКОГО БРАТСТВА

Савинские Сергей Никитович и Людмила Владимировна

– Уважаемые Сергей Никитович и Людмила Владимировна, расскажите, пожалуйста, о том, что Господь совершил в вашей жизни, как побудил вас к труду на поприще изучения истории евангельско-баптистского братства?

С.С.Н.: – Мой жизненный путь ничем особенным не примечателен. Шестьдесят из прожитых восьмидесяти двух лет прошли в бывшем Советском Союзе в атмосфере бесчисленных притеснений и ущемлений моих прав на свободу совести.

Но такой была жизнь почти у всех христиан в стране воинствующего атеизма. Отец мой в 1923 году оставил православие и, пережив личную встречу с Господом,

стал баптистом. Тогда же, в Саратовской общине, он познакомился с моей матерью, которая была певчей хора. Семья мамы перешла в баптистскую церковь из молоканства. Поженившись, отец с матерью поселились на хуторе Савинский, основателем которого был мой дедушка. Помимо обычного крестьянского труда, родители стали ревностно проповедовать Евангелие в окрестных селах. Господь их благословил, и к 1929 году в районе образовалась поместная община баптистов из тридцати шести человек.

Я родился в 1924 году. Вскоре моего отца судили за отказ от прохождения всевобуча (военной подготовки) из-за религиозных убеждений. Еще во время Гражданской войны он принял решение не брать в руки оружия, ибо это не угодно Богу. Разумеется, советской власти такой подход к воинской обязанности не понравился, и отца осудили на полтора года лагерей. Однако, благодаря его образованию, в действительности он был направлен на работу механизатором в один из совхозов Саратовской области.

В 1931 году, в разгар коллективизации, всю нашу семью, включая родственников, «раскулачили» (что не в последнюю очередь было связано с нашей христианской деятельностью) и сослали в Казахстан, в Джамбульскую область, в село с характерным названием – Бурно-Октябрьское… Там я прожил до начала Великой Отечественной войны.

В школьные годы мне довелось испытать множество унижений и несправедливостей из-за веры в Бога. Не раз мне доставалось от сверстников, поощряемых некоторыми учителями-атеистами. А мой классный руководитель, узнав, что я из верующей семьи, однажды даже заявил, что я не могу быть его учеником, и у меня целую четверть не было никаких оценок по

нескольким предметам. Так тогда боролись с религией. Тем не менее, воспитание в христианской семье принесло свои добрые плоды. Несмотря на все мои несовершенства, я заметно выделялся на фоне своих одноклассников, которые очень рано пошли по пути греха. Перед моими глазами была достойная подражания жизнь родителей, я читал Библию, знал библейские истории Ветхого и Нового Заветов, молился, и Господь отвечал мне.

Все спецпереселенцы и «лишенцы» были обязаны ежемесячно являться для отметки в комендатуру, мы не имели права никуда выезжать за пределы района. Однако призыв на службу в армию на нас распространялся точно так же, как и на «вольных» людей.

В 1941 году я окончил девять классов средней школы, а в 1942 году, когда мне только исполнилось восемнадцать лет, был сразу же призван в армию. Меня направили в полковую школу младших командиров, и, наконец, в феврале 1943 года в звании сержанта я прибыл в расположение Степного фронта, который тогда готовился к участию в боях на знаменитой Курской дуге.

Перед самым выходом на передний край я слезно воззвал к Господу, мне было страшно, как никогда. Мне вспомнилось напутствие отца, который всегда учил меня искать утешение в Боге. И вот теперь я молился о том, чтобы остаться в живых, не попасть в плен и не пролить невинной крови. А еще молился о своих родителях, чтобы, в случае моей смерти, Господь даровал им утешение…

И вдруг после этого разговора с Богом я ощутил в своем сердце полный покой и мир, как будто ничего страшного впереди меня не ожидало. Как поется в старом гимне:

Кто прежде времен существует,
Кто правит с премудростью тьмами планет,
Кто вихрям и морю предел указует,
Тот путь безопасный и нам обретет.

В первом же сражении, находясь в окопе под шквальным огнем неприятеля, я был ранен в правое плечо. Я даже не успел сделать ни одного выстрела, как война для меня закончилась. Окровавленного, меня доставили в госпиталь в небольшой город Острогожск, где я затем несколько месяцев проходил лечение. Здесь я нашел небольшую общину евангельских христиан-баптистов, стал ее посещать и вскоре принял святое водное крещение. Незадолго перед выпиской из госпиталя и отправкой меня в нестроевую часть, я познакомился с верующей девушкой Люсей, которой было суждено через три года стать моей женой.

С.Л.В.: Я родом из-под Острогожска, Воронежской области, из семьи евангельских христиан. Вспоминая поколение своих родителей, могу сказать, что вера тогда у людей была очень живая и горящая. Одна пожилая сестра, которая принимала крещение вместе с моей мамой, имела веру, что в крещальной воде она должна исцелиться от своей застарелой, очень серьезной кожной болезни. Так и произошло! Это было Божье чудо и доброе свидетельство для многих людей. Другая сестра, страдавшая эпилепсией, была исцелена Господом по усиленной молитве всей нашей церкви. Мне хорошо запомнились эти случаи, потому что они укрепляли веру в нашего Господа Иисуса Христа.

Моего отца коммунисты арестовали в начале 1930-х годов, и больше мы его никогда не видели. Нас воспитывала мама. Она работала тогда в госпитале в Остро-

гожске. Во время войны наша местность на полгода оказалась в зоне немецкой оккупации. Было очень страшно. В городе совершались публичные казни. Но христианские церкви начали вновь собираться. Наша община тоже совершала богослужения, молилась и прославляла Господа. Мы ходили в церковь всей семьей. А после войны собрания у нас уже не прекращались.

Хотя я воспитывалась в христианской семье, в страхе Божьем, духовное рождение пережила не сразу. Я была очень обеспокоена этим. Братья и сестры часто говорили: «Какое у нас состоялось радостное благословенное собрание!» А я про себя думала: «Была я на том собрании, вот только никакой радости что-то не заметила...» Я много молилась и просила себе у Бога живой веры. И вот однажды Господь ответил, даровав мне Свою преизобилующую благодать: у меня тотчас потекли слезы, появилась долгожданная радость и покой в сердце, мне хотелось обнять весь мир... Так удивительным образом возрождение у меня произошло значительно позже покаяния и крещения. Несомненно, у Господа для каждого человека есть Свой собственный путь!

В хрущевское время на нас с Сергеем Никитовичем не раз оказывалось давление через трудовой коллектив, чтобы мы отреклись от веры в Бога. И вот однажды на рабочем собрании в 1956 году я сказала нашим обличителям: «Хорошо, мы люди отсталые, верим в Бога. Но дело в том, что вы знаете, мы тоже знаем, в одной стране живем, а вот, что мы, верующие, знаем, вы совсем того не знаете...» Такие слова, произнесенные мною с отчаянием, неожиданно коснулись сердца одной из наших коллег по работе, и она тоже уверовала в Бога.

Однажды, в 1966 году, меня вызвали в КГБ из-за продуктовых посылок, которые мы отправили семьям верующих узников. Следователь никак не мог поверить, что мы не знали лично тех людей, кому оказывали помощь. Он говорил, что так не бывает, подозревал меня в обмане. Но я привела ему пример, что у нас и при социализме люди Христа ради подают милостыню нищим. «Я этого никогда не делаю!» – надменно сказал следователь. «А мы по-христиански – делаем...» – ответила я ему, и страха у меня почему-то совсем не было. Больше меня в КГБ не вызывали, Господь сохранил...

– Какие особенные случаи Божьей помощи вам запомнились?

С.С.Н.: В своей жизни я семь раз был на грани смерти. Немецкую пулю ношу в плече до сих пор (врачи решили, что ее лучше не извлекать). Было несколько серьезных аварий на производстве, когда моя жизнь буквально висела на волоске. Однако Господь для какой-то цели сохранил меня.

В январе 1944 года меня списали из армии и направили на восстановление Ворошиловградского паровозостроительного завода, поскольку по профессии я был слесарем.

С первых же дней своего пребывания в Ворошиловграде я нашел местную общину ЕХБ, в которой имел радость общения с Богом и братьями и сестрами до середины 1946 года. Через год после окончания войны мы с Люсей вступили в законный брак. Бракосочетание совершалось в Острогожской церкви. Сочетал нас браком пожилой благовестник, который только что вышел из заключения и буквально на несколько дней

оказался в нашем городе (а без него там некому было бы и провести тогда свадебное служение). В этом мы с Люсей усмотрели особую милость Бога к нам.

Затем мы уехали к моим родителям в Казахстан, где Господь через них образовал уже христианскую общину в несколько десятков душ. В 1950 году я окончил (после девятилетнего перерыва) десятый класс вечерней школы и в том же году поступил во Всесоюзный заочный политехнический институт (ВЗПИ), избрав специальность геолога. Школу пришлось окончить вечернюю и учиться в заочном институте, поскольку это был в то время единственный шанс для некомсомольца и баптиста получить диплом. Параллельно с учебой мы с женой работали в геологоразведочной партии.

Вскоре после защиты диплома меня назначили старшим геологом, ответственным за группу. Это произошло в 1956 году. Господь обильно благословлял мой труд, так что начальство меня ценило и защищало от завистников и недоброжелателей, которых у баптистов в СССР всегда было в избытке. В моем подчинении одно время даже работали двое коммунистов, что, наверное, со стороны выглядело несколько странно...

Между тем хрущевское «закручивание гаек» в отношении религии постепенно докатилось и до Средней Азии. КГБ стал давить на мое начальство в управлении геологии, и в 1964 году меня, наконец, уволили «по сокращению должности», а на самом деле – за категорический отказ отречься от Бога. Тогда мы стали настоящими беженцами... Пришлось оставить квартиру в Ташкенте и уехать на Северный Кавказ, в Ессентуки. Здесь я проработал в геологическом управлении на разных должностях до самого выхода на пенсию в 1979 году. За тридцать лет работы в геологии мне, с Божьей

помощью, удалось открыть два новых месторождения цветных металлов.

За такое советское государство непременно награждало своих граждан, но только не баптистов...

Что касается духовных вопросов, то жизнь нашей семьи была тесно связана с общинами Кисловодска, Пятигорска и Ессентуков. В период с 1983 по 1993 годы мы с женой служили миссионерами в селе Подгорном Ставропольского края. Получилось это как-то само собой. Мы надумали приобрести там избу с участком под летнюю дачу. А в Подгорном, как выяснилось, жили шесть верующих сестер, эстонок по национальности. Они тосковали по духовному общению и со слезами уговаривали нас пожить в их селе какое-то время безвыездно. Так мы с женой стали сельчанами. Общину вскоре зарегистрировали, и мы стали регулярно проводить богослужения, отмечать праздники, юбилеи, приглашать неверующих. Времена начинали меняться, и никто нам в служении уже не мешал. За первые четыре года община увеличилась втрое. Здесь в 1985 году я был рукоположен на диаконское служение.

Когда вышел на пенсию, руководство ВСЕХБ неожиданно предложило мне заняться написанием истории русско-украинского евангельско-баптистского братства. Пригласил меня как-то в Москву А.М. Бычков, посетовал на то, что у нас нет солидного исследования по истории ЕХБ, и побудил заняться этим делом основательно: от сбора документов до их систематизации и осмысления.

Надо признаться, что к христианской истории я всегда испытывал интерес. К тому же в архивах братства уже имелись некоторые ценные рукописные материалы, собранные нашими предшественниками. Оста-

валось довершить этот важнейший труд. Так, по Божьему промыслу, геолог стал историком.

Работа по сбору исторических документов, их анализу и написанию ряда книг оказалась моим призванием. И я безмерно благодарен Господу за то, что Он нашел меня пригодным для этой кропотливой работы. Вместе со мной бок о бок трудились: П.Д. Савченко, И.П. Дик, М.С. Каретникова. В систематизацию материалов свой неоценимый вклад внесли: В.М. Ковальков, А.И. Мицкевич, Н.Н. Мельников, А.И. Фирисюк, В.Я. Канатуш и многие другие братья.

В редактировании текста, его корректуре приняли участие сестры, сотрудницы Заочных библейских курсов В.И. Кадаева и Т.В. Платова. Большую работу по многократному перепечатыванию текста будущей книги выполнил мой «Варух машинопишущий» – Л.В. Савинская...

Мне очень хотелось, как можно больше узнать о зарождении евангельско-баптистского братства в России, насколько оправдано расхожее мнение, выраженное одним старым православным автором (о Екатерине II), например, так: «Пригласила Катька немца картофельку садить, а он нам штунду насадил...» Многие люди и по сей день считают русский баптизм «немецкой верой». Однако от немецких меннонитских общин наши предшественники, очевидно, заимствовали только церковную структуру, которая позднее тоже заметно обрусела... Отмечу кратко лишь основные черты самобытности первых русско-украинских евангельских общин, которые удалось обнаружить в результате многолетней работы:

1) Братские меннониты возникли на юге Украины, в среде церковных меннонитов и притом не сразу после поселения последних в России, а лишь через два поко-

ления (50-60 лет), причем даже на их прежней родине (в Германии) братских меннонитов не было.

2) Никто из россиян (украинцев, русских) не стал меннонитом, лютеранином, реформатом, каковыми были поселившиеся в России немецкие колонисты, а баптистов среди переселившихся немцев не было. Никто из россиян, таким образом, не принял «немецкую веру».

3) Возникновению первых баптистских общин среди русских и украинцев предшествовало появление в среде молокан «водных» и евангельских христиан-«захаровцев», а в среде православных – штундистов новопиетического направления.

4) Процесс усвоения баптистских принципов общинами, возникшими в разных регионах России (Украина, Закавказье, Таврическая губерния и Петербург), был неодинаковым. Ни одна из них не приняла существовавшие баптистские принципы в готовом виде. Вопрос о признании недействительности крещения детей украинские штундисты усвоили значительно позже вопроса необходимости покаяния и возрождения.

То же было и в среде верующих «петербуржского пробуждения». Молоканами Закавказья вопрос о водном крещении был осознан намного раньше понимания истины о покаянии возрождении и оправдании верою.

5) Первые общины евангельского направления вначале имели различные названия. Верующие, вышедшие из среды церковных меннонитов, именовались «братскими меннонитами», выходцы из лютеран – сразу баптистами. Украинские верующие получили название «штундисты», русские выходцы из молокан – «христиане, крещеные по вере», а верующие петер-

буржского пробуждения – «пашковцы» и, позднее, «евангельские христиане».

6) Убедительным подтверждением самобытности возникновения евангельско-баптистских общин в России явилась их проверка временем: уже к 1917 году единичные разрозненные общины превратились в более чем двухсоттысячное братство, пережив два периода жестоких гонений (90-е годы XIX столетия и второе десятилетие XX века). Искусственное насаждение извне не выдержало бы таких испытаний.

7) Таким образом, обнаруживается историческая правда о том, что русско-украинский баптизм не является результатом деятельности иностранных миссионеров, движением, появившимся в готовом виде, с разработанными доктринами, а является результатом долгих духовных исканий, исходящих из глубины народного духа, пробужденного в 1860-е годы через изданное на родном языке Слово Божье.

Долгожданная объемистая книга под названием «История ЕХБ в СССР» была опубликована в 1989 году, однако начинали ее писать, по сути, еще пионеры русского баптистского братства. Основные вехи здесь были следующие. Первыми в нашем братстве взяли на себя труд историков И.С. Проханов и В.Г. Павлов в начале XX века. В 1911 году В.Г. Павлов написал замечательный исторический очерк «Правда о баптистах».

В 1924 году по инициативе И.С. Проханова был организован сбор материалов по истории евангельских христиан и создан первый в нашем братстве архив, от которого, к сожалению, после сталинского террора сохранилась лишь незначительная часть. Сбором документов занимались также П.В. Иванов-Клышников и П.Я. Дацко, но и их материалы не сохранились. К 100-летию братства ЕХБ, праздновавшемуся в 1967 году,

А.В. Карев написал обстоятельный исторический очерк и сделал юбилейный доклад. В последующие годы историей нашего братства серьезно занимался Ю.С. Грачев, приготовивший прекрасные лекции для Заочных библейских курсов в Москве. Однако его труд не был завершен и не издавался.

После публикации «Истории ЕХБ в СССР» в ней были обнаружены некоторые недостатки, связанные как с деятельностью советской цензуры, так и с нашим упущением некоторых важных первоисточников. Поэтому я принял решение продолжать самостоятельные исследования.

В результате: в 1999 году вышла в свет первая часть «Истории ЕХБ Украины, России, Белоруссии» (период с 1867 по 1917 гг.), а в 2001 году – второй том (1917 – 1967 гг.). После этих публикаций меня стали часто приглашать для преподавания истории ЕХБ в различных учебных заведениях нашего братства: в Москву, Одессу, Донецк, Минск, Ростов, Волгодонск… Мое преподавание продолжалось до самого выезда нашей семьи на постоянное место жительства в США. Сегодня я уже почти отошел от дел, хотя и продолжаю писать некоторые статьи по истории.

Слава Тому, Кто является Совершителем истории нашего многострадального братства! *«Мы же рабы, ничего нестоящие, потому что сделали, что должны были сделать»* (Лк. 17:10).

– Большое спасибо за интервью!

НЕ В НОГУ СО СТРОИТЕЛЯМИ КОММУНИЗМА

Собченко Николай Оникиевич, Караван Петр Данилович и Татьяна Николаевна

– Уважаемые Николай Оникиевич, Петр Данилович и Татьяна Николаевна, расскажите, пожалуйста, о вашем жизненном пути, о том, что вам довелось испытать в советские времена.

С.Н.О.: Я много лет проработал экскаваторщиком на одном из заводов в Житомире. Уверовал в 1958 году и стал членом церкви евангельских христиан-баптистов. В начале 1960-х годов наша семья присоединилась к движению Совета Церквей. Через некоторое время меня избрали кассиром объединения.

В связи с активной церковной деятельностью меня много раз вызывали в КГБ, подолгу допрашивали, трижды в нашем доме проводился обыск. Искали, преимущественно, «запрещенную», т.е. христиан-

скую, литературу (у нас в доме не раз печатали синькой книги и журналы). Во время обысков атеисты очень старались: простукивали стены, пол и даже, помню, – детскую кроватку… В первый раз у нас забрали несколько десятков брошюр и журналов, зато мы приобрели опыт, как следует себя вести в подобной ситуации.

В следующий раз, едва только милиция подошла к нашему дому, как мы уже большую часть христианских книг и журналов попрятали в детские портфельчики и тут же отправили своих сыновей и дочерей «в школу». Научились даже во время обыска, под носом у милиционеров, перепрятывать книги в те места, где уже все было проверено, или передавали детям литературу через окно во двор, а те быстренько уносили ее к соседям…

Так что атеистам в нашем доме доставалось не густо. А сама «синька» у нас была надежно спрятана на огороде, в специальной упаковке. Найти ее чужому человеку было невозможно, потому что над ней густо росла картошка…

Однако утрата некоторых книг или журналов была не столь страшна, как если бы к атеистам попала хранившаяся в нашем доме тоненькая тетрадка с подробным указанием всех пожертвований и расходов в общинах Житомирского объединения церквей. Ведь по движению денежных средств достаточно просто получить точное представление о деятельности любой группы лиц.

И вот пока милиционеры в очередной раз искали у нас что-то «крупное», я незаметно прятал за пазуху скромную ученическую тетрадку, которая, несомненно, перевесила бы все остальные собранные против нашей семьи улики. Не зная, как быть, думал уже эту

тетрадку потихоньку съесть (так у нас однажды при аресте поступил пресвитер со списками членов церкви), но Господь открыл мне возможность ее перепрятать...

– А когда вызывали в КГБ, то какие методы воздействия к Вам применяли?

С.Н.О.: Во время одного из допросов в конце 1960-х годов мне как-то дали в руки большую общую фотографию узников Совета Церквей. Сотрудники КГБ протянули ее мне, многозначительно сказав: «Посиди, подумай...» – а сами тем временем вышли из кабинета. Делать было нечего: посидел, подумал, посмотрел на мужественные лица наших братьев на фотографии и решил, что КГБ, наверное, уже хочет и мой скромный портрет где-нибудь сбоку прилепить. Что ж, думаю, на все воля Божья, и начал молиться... Тут мои следователи возвращаются, продолжают допрос, очень интересуются всем, что касается нашей незарегистрированной общины. Я стараюсь отвечать так, чтобы ничего им, по сути, не сказать. Следователи разочарованы, а в конце допроса меня предупреждают: «О чем у нас тут с вами была речь, смотрите, никому не говорите!» КГБ любил всякого рода секретность.

Однако я уже был научен старшими братьями, как следует отвечать в подобных случаях, и потому сказал: «Ничего я вам обещать не буду! Церковь уже знает, что я сейчас у вас, и если только я отсюда выйду, то сразу братьям все расскажу...» Такой ответ очень разозлил следователей. Поэтому они меня не сразу отпустили, а велели: «Посидите в коридоре на стуле!» Я сел, где мне сказали, и ждал, может быть, минут пятнадцать. Вдруг слышу – громкие душераздираю-

щие женские крики на все здание, как будто кого-то пытают. Мне сначала стало не по себе, а потом догадался, что так КГБ запугивает меня, оказывает психологическое давление… Затем следователи приходят и отпускают домой, как ни в чем не бывало. Еще и вежливо меня спрашивают, не подвезти ли. «Спасибо, – говорю им, – уж как-нибудь сам доберусь!»

– Интересно, а что вам тогда ставили в вину? Что особенно не нравилось властям в вашей церковной деятельности?

К.Т.Н.: Им не нравилось, что мы не хотим регистрировать свою общину и без спроса собираемся по домам. За такое при советской власти наказывали очень строго – и штрафовали, и судили. Далее, атеистов раздражало, что мы даем христианское воспитание своим детям. Они постоянно говорили: «Сами молитесь, а детей с собой не водите на собрания!» В школах учителя возмущались, что дети баптистов упорно не вступают ни в пионеры, ни в октябрята, я уже не говорю про комсомол. А детей в верующих семьях было много, заметно больше, чем у коммунистов! Вот в нашей местности и выходило порою, что полкласса – пионеры, а другая половина – «боговерующие», без красных галстуков, без звездочек… Как тут коммунизм построишь? Но что характерно: в советской школе процветало воровство, неверующие дети постоянно что-то крали друг у друга, и вот, когда учителя и завучи начинали очередное разбирательство по этому поводу, то детей баптистов сразу же отпускали. Тем самым советские учителя негласно признавали нравственное превосходство христиан над неверующими. Одновременно детям баптистов оценки всегда занижали, сразу

же давая понять, что советская власть дальше (в техникумы и институты) учиться их не пропустит.

К нам в дом в 1960-е годы несколько раз приходили различные административные комиссии. Проверяли, что мы едим, на каких постелях спим, не наказывают ли нас сурово. Искали повода лишить папу с мамой родительских прав. Однако у нас в доме всегда было чисто и сытно, условия для детей – очень хорошие. Чтобы у нас всегда было парное молоко, родители даже в городских условиях держали корову (мы жили тогда в частном секторе).

Вспоминая те времена, я даже немного грущу о них. Ведь какая у нас тогда была вера в Господа, не сравнить с сегодняшней! Все дети из нашей многодетной семьи без исключения выросли верующими, ходят в церковь. А посмотрите, что сделала сегодняшняя свобода, как часто дети уже не идут по стопам своих верующих родителей!

– Петр Данилович, а какими были у вас, на Кавказе, отношения с советской властью?

К.П.Д.: Я родился в многодетной христианской семье в городе Батуми. В наших краях преследования верующих были не такими сильными, как на Украине. Хотя, помню, когда я отказывался быть пионером (в конце 1960-х годов), директор школы мне насильно завязал на шее красный галстук. А я стоял и плакал.

Как-то в нашем доме милиция тоже проводила обыск. Дело в том, что в Батуми активно действовал печатный станок Совета Церквей. Однако найти его не могли, потому что наши братья прятали тот станок у регистрированных баптистов. А у них обыски, как известно, делались намного реже. Вообще, у нас с

регистрированной общиной были довольно неплохие отношения, что, конечно, для тех горячих времен было редкостью.

В памяти осталось, как каждую пятницу мы пребывали в посте и молитве, прося у Бога милости для страдающей Церкви в Советском Союзе. Не ели и не пили обычно сутки. Некоторые братья и сестры в Совете Церквей постились и намного дольше: и по пять, и по десять суток, и более (тогда они уже пили воду). Но дольше всех, рассказывают, постился в заключении Б.М. Здоровец, едва ли не сорок дней, и был готов уже умереть, но Господь вовремя его остановил…

– Расскажите, пожалуйста, о том, какие у вас совершались служения в нелегальных условиях?

С.Н.О.: Члены нашей церкви не раз принимали участие в акциях протеста против преследований верующих в СССР, подписывали различные обращения к властям, всячески поддерживали братьев, которых судили за веру в Бога. Однажды в зале суда одна сестра дважды громко произнесла слово «Аминь», чтобы подтвердить слова кого-то из свидетелей по делу. Ее тут же задержали и дали пятнадцать суток ареста.

Так сказать, по семь с половиной суток за каждый «аминь»…

Был еще такой наполовину печальный, наполовину комичный случай: одному проповеднику власти выписали штраф за активное участие в нелегальном собрании молодежи. Однако произошла ошибка: в общении молодежи проповедовал не он, а его родной брат, естественно носящий ту же фамилию. Когда пострадавший попытался опротестовать штраф, ссылаясь на то, что его вовсе не было на разогнанном

милицией собрании, уставший вникать в детали этого дела уполномоченный по делам религиозных культов неожиданно раскричался: «А почему тебя там не было? Все были, а тебя не было? Вот и будешь за это платить штраф!» Мы потом долго смеялись: дескать, советская власть побуждает нас быть ревностными христианами, не пропускать ни одного богослужения...

К.П.Д.: А на Украине мне рассказывали, что накануне аварии на Чернобыльской АЭС где-то под Киевом власти разогнали собрание наших братьев, проводившееся на природе. Звучала христианская проповедь и пение, были приготовлены Хлеб и Чаша для трапезы Господней. И вот неожиданно появляется милиция с дружинниками, которые принялись избивать братьев за «незаконное собрание», а освященный молитвой Хлеб топтали ботинками и полную Чашу презрительно опрокинули на землю...

А через день или два – чернобыльский взрыв! Едва ли это было простым совпадением, братья рассудили,

Богослужение в лесу

что чаша Божьего терпения по отношению к атеистической стране переполнилась.

– Доводилось ли вам когда-нибудь встречаться с Г.К. Крючковым?

С.Н.О.: Хотя наша житомирская церковь в середине 1970-х годов стала автономной, о Г.К. Крючкове я всегда был высокого мнения. Видел его только однажды, потому что он все время вынужденно прятался от атеистов, но Бог хранил его. Ведь КГБ искал его, как говорят, и с гадалками, и экстрасенсами, но так и не смог найти…

К.П.Д.: Нет, один срок у него все-таки был, во второй половине 1960-х годов. В наших краях было распространено такое мнение, что Геннадий Константинович мог прятаться у кого-то из агентов КГБ, сочувствующих верующим, а потому его никак и не могли найти. Время от времени мы сталкивались с такими людьми: вроде сотрудничают с органами госбезопасности, а сами почему-то тайно помогают нам…

Кроме Г.К. Крючкова, в нашей семье всегда очень уважали Г.П. Винса, Н.П. Храпова, Н.Г. Батурина и других братьев-узников за дело Божье.

– Как относились к вам в советские времена на работе, зная о том, что вы верующие?

С.Н.О.: На работе меня, как и большинство других наших братьев, всегда уважали. За то, что мы никогда не пьянствовали, трудились добросовестно. Когда я уходил на пенсию, начальник меня уговаривал остаться, поработать еще. Всех бы этих, говорит (подразу-

мевая, очевидно, коммунистов и комсомольцев), рассчитал, а тебя бы оставил… Так Господь не раз в моей жизни располагал сердца начальствующих. Хотя был и случай, когда меня незаконно уволили с работы. Баптистам все-таки время от времени напоминали, что они – чуждый элемент среди строителей коммунизма…

К.П.Д.: Я немного добавлю на эту тему. Как-то у нас в Батуми один проповедник сказал слово на новозаветный текст, что «земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет. 3:10). Кто-то донес об этом уполномоченному (увы, бывали иуды и среди своих!). А тот проявил свое неудовольствие такими словами: «Мы тут, понимаешь, коммунизм строим, а эти баптисты хотят спалить весь наш труд…»

– Хотелось бы узнать, как вы в своей жизни познавали волю Божью?

С.Н.О.: Трудно сказать однозначно. Вот у моего тестя в Житомире была особенная чувствительность к голосу Божьему. Но для этого ему прежде пришлось десять лет провести на Соловках за веру. И в конце жизни Господь его удостоил ведения, когда возьмет к Себе. Каким-то таинственным образом тестю была открыта точная дата его перехода в вечность в 1964 году. Тогда он спокойно приготовился к смерти, закончил все обычные дела, собрал родных, сделал завещание, помолился и умер точно в тот день, который ему был открыт Господом.

На похороны собрались сотни людей, так моего тестя уважали при жизни. Милиция попыталась воспрепятствовать публичной проповеди, но в итоге все

прошло, как должно быть при прощании с братом по вере.

В моей собственной жизни тоже был подобный удивительный случай, ясно показавший мне волю Божью. Посоветовал нам как-то хороший врач купить корову, чтобы дети ежедневно пили парное молоко (они у нас одно время часто болели). И вот, помню, после того разговора с врачом приснилась мне ночью корова. И не просто какая-то неопределенная корова, а такая видная из себя, выделяющаяся на фоне других. Она мне так хорошо запомнилась, что я бы ее сразу узнал, если бы только встретил. И вот проснулся я утром под впечатлением той коровы и пошел на базар с детской надеждой разыскать ее там и купить. Весь базар исходил, по нескольку раз пересмотрел всех коров, – а их продавалось великое множество, – но такой, как мне приснилась, так и не нашел. Решил уже идти домой, выхожу с базара и вдруг вижу: везут мою коровку на машине, прямо на меня! И она точно такая же, как в моем сне: упитанная, рыжеватая с белыми пятнами, умными глаза и небольшими рожками, в общем – она... Так я даже побежал за этой машиной, и не успели мою корову еще спустить на землю, как я уже, не торгуясь, купил ее у хозяина. Потому что мне открылось, что корова эта – дар от Господа для нашей семьи. Так в точности и оказалось! Много лет она исправно поила нас чудесным жирным молоком. И дети перестали болеть. Молоко пила вся семья и еще делились с соседями. Это было настоящим благословением от Господа. Так, думаю, и нужно: и в мелочах повседневной жизни стараться различать предвечную волю Божью.

– Большое спасибо за интервью!

ПЕРЕВОДЫ ЕВАНГЕЛИЯ В СССР

Сабурские Николай Васильевич и Елена Никифоровна

– Николай Васильевич и Елена Никифоровна, расскажите, пожалуйста, о том, как начинался ваш христианский путь. Где вы тогда жили, что это было за время?

С.Н.В.: Я родился в неверующей семье, в детстве и юности не знал Бога, а супруга моя получила христианское воспитание. Мы познакомились с ней в рабочем общежитии в городе Зеленодольске (Татарстан) в 1954 году. Я ее в первый же день пригласил на танцы, а она туда идти отказалась. Не пошла со мной также ни на каток, ни в кино. «А куда же ты ходишь?» – спросил я ее тогда. «Я хожу в церковь», – ответила она. Затем выяснилось, что церковь эта была баптистской, да еще

находилась в Казани, то есть в сорока километрах от нашего города. Я этому очень удивился и попросил Лену взять меня туда с собой. В ближайшее воскресенье мы поехали в Казань на электричке. Церковь оказалась старой и довольно большой. Там были хорошие проповедники и прекрасные певчие. Господь стал касаться моего сердца, и в начале 1955 года я раскаялся в своих грехах. Так моя будущая невеста привела меня к Богу. Позднее я принял крещение, и затем, в 1959 году, мы с Леной поженились. Нас торжественно сочетали в Казанской церкви ЕХБ.

В те годы в СССР велась усиленная пропаганда против религии, все советские люди (во всяком случае, на словах) строили коммунизм. Казанская церковь была единственной зарегистрированной общиной за сотни километров в округе, и потому власти прижимали нас очень сильно. Помногу лет не разрешали креститься, препятствовали детям и молодежи ходить на собрания. Доходило до того, что местный уполномоченный по религиозным культам требовал себе на проверку конспекты проповедей от наших братьев! Однако чем сильнее давили на нас «внешние», тем большее мы им оказывали сопротивление. К сожалению, такое положение дел привело к тому, что наша община, еще за несколько лет до начала деятельности Инициативной группы, разделилась на две части: на тех, кто полностью поддерживал ВСЕХБ, и тех, кто не желал ему подчиняться (из-за тесного сотрудничества ВСЕХБ с атеистической властью). Потом у нас была попытка примирения, но с начала 1960-х годов Казанская церковь окончательно разделилась надвое.

С.Е.Н.: Я покаялась в Зеленодольске в 1954 году. В то время я работала на заводе и жила в общежитии.

Там мы с Николаем и познакомились. Когда я пригласила его на собрание, мне было радостно видеть, что ему там понравилось. Вскоре Коля рассказал мне один свой сон, в котором он поймал голубя. Это было незадолго до его покаяния, и мы истолковали то сновидение как скорое обретение им Святого Духа.

Затем я получила на заводе тяжелую травму позвоночника и неподвижно лежала около двух лет. Молодежь из церкви вместе с Колей постоянно посещали меня, молились обо мне. Это давало мне силы бороться с болезнью. Затем потихоньку начала ходить, но еще целых восемь лет носила кожаные корсеты. Уже замужем была, рожала детей – и все в корсетах…

– Если я правильно понял, то вы в те годы присоединились к Совету Церквей?

С.Н.В.: Да, мы с супругой пошли в общину, которая поддержала движение Совета Церквей. Я тогда уже начинал проповедовать. Вскоре меня избрали помощником Ю.Ф. Куксенко, который у нас тогда был старшим благовестником по Поволжскому объединению (аналог старшего пресвитера ВСЕХБ), а позднее его перевели в Среднюю Азию. После переезда Ю.Ф. Куксенко на служение старшего благовестника по Поволжью избрали меня. В наше объединение тогда входили уже тридцать три общины (и это в местности, где еще недавно была лишь одна зарегистрированная церковь!). На нелегальное положение я не уходил, работал на производстве. Однако каждый месяц брал по нескольку дней отгулов, и тогда совершал дальние поездки по церквам.

По моему личному мнению, Совет Церквей приблизительно до 1975 года проводил, в основном, правиль-

ную линию в служении, и ему нужно за это воздать должное. Но затем, после смерти нескольких старых опытных братьев, в руководство пришел ряд «казаков», начавших махать шашками направо и налево... И тогда многие общины вышли из СЦ ЕХБ и зарегистрировались как автономные или независимые.

– Расскажите, пожалуйста, о том, как было поставлено печатное дело в вашем объединении.

С.Н.В.: У нас была хорошая группа печатников, качественно работавших на гектографе (а позднее и на печатном станке). Мы размножали братские журналы и другую христианскую литературу для всего Поволжья. А в 1970 году на меня каким-то образом вышел Стокгольмский институт перевода Библии. Его сотрудники предложили мне возглавить работу по переводу Священного Писания на языки малых народов Поволжья: татарский, марийский, башкирский, удмурдский, мордовский и чувашский. Вся эта работа выполнялась тайно и совершенно бесплатно, мы брали деньги только на оплату железнодорожных билетов в Москву.

С Божьей помощью, я нашел достаточное количество верующих людей, хорошо владевших местными национальными языками. Должен сказать, что никто из них не отказался от такого опасного предложения! Все эти люди были по-настоящему посвященными Богу.

Работа наша была организована так, что никто из переводчиков, в целях конспирации, не знал других братьев и сестер, занимавшихся тем же трудом. Всех переводчиков лично знал только я, и мне же они сдавали готовую работу. А я уже через курьеров, приез-

жавших из Швеции и Финляндии в Москву (иногда – в другие города), передавал рукописи в Стокгольмский институт перевода Библии. Благословение Божье обильно пребывало на нас: за шестнадцать лет такого подвижнического труда в атеистической стране мы не потеряли ни одного переводчика и ни одной странички из Священного Писания на национальных языках Поволжья!

Хотя, конечно, КГБ всячески обхаживал меня, вынюхивал про наших печатников и переводчиков. Меня много раз допрашивали, впрочем, очень вежливо, культурно. Обходительности нам у КГБ можно было бы и поучиться. Одну печатницу нашу, Надю Иванову, чекисты все-таки арестовали. Но она вела себя очень мужественно, никого не выдала, и ее посадили одну.

– А каким образом вы выходили на связь со Стокгольмом, как договаривались о встречах в Москве?

С.Н.В.: Сейчас, наверное, уже можно и рассказать, хотя всю жизнь я хранил об этом молчание. Нами был придуман специальный шифр, очень простой и, одновременно, едва ли доступный для расшифровки посторонними, не посвященными в детали нашей работы, людьми. Мы отправляли друг другу (в Стокгольм и обратно) обычные почтовые открытки на русском языке, с самыми невинными словами и поздравлениями с праздниками. Однако, получив очередную открытку, я точно знал, где, когда и в котором часу мне назначена встреча с курьером. Тогда я брал с собой очередную партию накопившихся к тому времени переводов и потихоньку уезжал в Москву (реже – в Ленинград или в Прибалтику). Чтобы не вызывать подозрений, я обычно уходил с работы прямо в грязной рабочей одеж-

де. Лена тайно приносила мне нужные вещи в условленное место, я переодевался в кустах, а затем вдруг подбегал к уже тронувшемуся поезду и вскакивал на подножку последнего вагона под возмущенные реплики какой-нибудь проводницы. Иногда я все же замечал за собой слежку в поезде, и тогда на первом же повороте спрыгивал на ходу (и такое бывало не раз).

Что касается деталей нашего шифра, то пусть уж лучше это останется тайной. Скажу только, что зашифрованная информация была не во всех словах наших писем, а только в некоторых, и распознать чужому это было практически невозможно. Что и было подтверждено на практике: КГБ, несомненно, проверявший мою переписку (тем более – заграничную!), так ни о чем за все годы и не догадался…

– Вы как-то по-доброму отозвались о КГБ, такое не часто услышишь, с чем это связано?

С.Н.В.: Несколько лет назад я столкнулся на улице в Зеленодольске с одним из офицеров КГБ в отставке, прежде «курировавшим» меня. Мы оба обрадовались нашей встрече и пару часов проговорили, вспоминая прошлое. На вопрос, чем теперь занимаюсь, я ответил:

– Тем же, чем и прежде…

– Я так и знал! – воскликнул старый чекист. – Вас ведь не переделаешь.

Я поблагодарил его за то, что меня только однажды незаконно уволили с работы на заводе, якобы за систематические прогулы в рабочее время.

– Не держи зла! – миролюбиво сказал мой собеседник. – У нас бывали и более жесткие наказания для непокорных…

– Я много раз возвращался домой поздно ночью, –

согласился я. – Наверное, ваши люди могли меня где-нибудь и пристрелить, сославшись на высокий уровень преступности в городе…

– Ну вот, а мы тебя даже не посадили! – улыбнулся чекист. – За это, наверное, и ваш Бог меня благословил, я теперь спокойно доживаю свой век… Я не стал волновать человека на старости лет рассказами, что мы много лет делали у него под самым носом.

Да, атеисты меня не посадили, но могло бы быть, конечно, и по-другому. Однажды в середине 1970-х годов у нас в квартире в Зеленодольске проводили очередной обыск, а у меня в секретере как раз было много христианской литературы, кассет, адресов церквей…

В обыске участвовали: помощник прокурора города (довольно строгая женщина), один капитан милиции и двое сотрудников КГБ в штатском. Этот капитан первым заглянул в секретер.

Разумеется, все увидел, однако не подал виду, а, наоборот, приставил стул и сел на него, заслоняя собой дверцу. Когда чекисты захотели проверить секретер, капитан милиции довольно резко им ответил, что он там уже все посмотрел. В результате, улик для моего ареста было собрано недостаточно. А наша мама еще и умудрилась спрятать под шалью большую Библию и старый прохановский песенник, и таким образом сохранила их.

Никогда не забуду того богобоязненного капитана, под мундиром которого, несомненно, скрывалось ищущее Бога сердце! Если бы не он, то улик для моего ареста, да и для тюремного срока, вполне было бы достаточно…

– А приходилось ли вам когда-нибудь постоять за христианскую веру против язычников?

С.Н.В.: Да, однажды был такой случай. Только-только начиналась перестройка, и в нашем Зеленодольске, как и во всей стране, стали в невероятном количестве плодиться различные колдуны и экстрасенсы. И вот в городском клубе как-то объявили о проведении вечера, посвященного подобного рода «целительству». А меня туда пригласили, так сказать, в качестве «духовенства», потому что мы с братьями к тому времени уже основали в Зеленодольске довольно многочисленную баптистскую церковь. На том диспуте кто только ни выступал: и ученые, и экстрасенсы, и исцеленные больные, вот только ни одного духовного слова там сказано не было. Смотрю на часы: время, отведенное для встречи, уже заканчивается. Думал, до меня очередь уже не дойдет. Однако в самый последний момент слово мне все же дали, попросив, правда, выступить кратко. Как тут быть? Что сказать против тысяч слов нечестия? А был тогда еще только третий или четвертый день после Пасхи. И вспомнился мне один подобный случай из раннего советского периода, когда атеисты сильно наседали на христианство…

И вот говорю я тогда залу о том, что все мы находимся в руке Божьей. И здоровье наше, и нездоровье – от Господа лишь зависит. Тот, Кто исцелял других, силен и нас исцелить. Тот, Кто воскрес из мертвых Сам, может воскресить и нас. А потому не нужно ни к кому другому обращаться, как только к Иисусу Христу. Наверняка и в этом зале, говорю я слушателям, есть верующие люди, которые праздновали на днях Пасху. К чему спорить, скажу только, что: «Христос воскрес!» И весь зал отвечает дружно, громко: «Воистину воскрес!» И так – трижды. На том диспут с экстрасенсами и закончился.

– Был ли какой-нибудь особый случай в вашей жизни, когда Господь проговорил к вам?

С.Е.Н.: Самым большим чудом в моей жизни было исцеление после почти двух лет неподвижности. Хотя у меня и осталось «жало в плоти», но сегодня я могу нормально двигаться, и это великая Божья милость. Во время долгой болезни мне был открыт духовный смысл моего страдания. До своего обращения к Богу я любила плясать и петь частушки, и вот благодаря болезни я освободилась от всего мирского. У меня действительно началась новая жизнь. К тому же я стала женой служителя Божьего. Мне всегда нужно было быть готовой принять множество гостей (нашу квартиру часто называли «казанским вокзалом»!), приготовить пищу, накрыть стол, воспитывать детей…

Я благодарна Господу за то, что Он сделал меня способной для этого очень важного женского служения!

– А какие были недостатки у христиан в прежние времена, может быть, что-то вам не удалось сделать? А то мы с вами, как это часто бывает, говорим в основном о хорошем…

С.Н.В.: Конечно, были и недостатки, случались и предательства, распространялись и лжеучения… Помню, в конце 1950-х годов в Казани появилось необычное истолкование евангельского стиха: *«Имеющие жен должны быть, как не имеющие»* (1 Кор. 7:29). Несколько человек из наших баптистов дали обет не жениться и не выходить замуж, а одна средних лет семья отказалась от сексуальных отношений, чтобы жить «как ангелы», или «как брат с сестрой»… Возможно,

это было влиянием «чистых» баптистов. Однако всех этих людей у нас вскоре строго вразумили, и их учение перестало пользоваться успехом.

Конечно, в церкви и раньше хватало трудностей и проблем. Однако в старые добрые советские времена КГБ «пас» наши общины лучше любых сегодняшних пресвитеров. Ни один серьезный проступок баптиста не оставался незамеченным, рассматривался как пятно на всю церковь. И потому мы старались жить действительно свято, насколько это возможно на земле, чтобы угодить Господу, не быть ни для кого соблазном и самим не попасться на крючок КГБ…

Старые проповедники не были такими грамотными, как сегодняшние, но говорили прямо к сердцам слушателей. Наши ранние гимны не поэты сочиняли, их Сам Дух Святой писал! У нас в молодости, думаю, больше десятка христианских книг и не было. Но как мы их читали, ценили, переписывали от руки! Это, прежде всего, было Священное Писание.

Также большое значение для нашего христианского духовного роста имели книги: «Путешествие пилигрима» Буньяна, «Штундист Павел Руденко» Степняка-Кравчинского, книги П. Рогозина и др.

Сегодня молодежь всячески заманивают на христианские вечера, а раньше было не так. Помню, у нас на одном молодежном общении даже пол в доме просел под тяжестью собравшихся… И крещения мы совершали не только летом, но и осенью и даже зимой! Желаю современным христианам такой же ревности в служении Господу!

– Большое спасибо за интервью!

ЛЮБОВЬ ХРИСТА ПРОТИВ БРОШЕННЫХ КАМНЕЙ

Шевчук Яков Степанович и Александра Сергеевна, Вирх Вера Яковлевна

– Уважаемые Яков Степанович, Александра Сергеевна и Вера Яковлевна, расскажите, пожалуйста, о вашей христианской жизни в бывшем Советском Союзе. Где вы жили, работали, какое совершали служение?

Ш.Я.С.: Начну свои воспоминания с 1930-х годов. Родился я в Сибири, но прожил там недолго. После смерти отца мы с мамой переехали жить в Киргизию, к родственникам. Было это в 1935 году. Там мы поселились в Канте, в доме моего дедушки, и вместе с ним посещали собрания евангельских христиан до 1937 года, пока последние церкви в округе не были закрыты. До молитвенного дома – а он находился в Красной Речке – ходили пешком двенадцать километров.

В церкви тогда было около ста человек, собрания проводились на русском языке. Когда молитвенный дом закрыли, то наиболее активных братьев и сестер арестовали. В их число попал и мой дедушка. Это был уже его третий арест за евангельскую веру: впервые дедушку посадили еще при царской власти – за «сектантское» объяснение Библии православным, затем при Ленине – отказался брать в руки оружие, и, наконец, при Сталине как «врага народа», его расстреляли (в начале 1938 года).

Затем верующие до конца войны собирались небольшими группами по домам. На одном из таких домашних общений в 1939 году я покаялся и обратился к Господу. Присутствовало на собрании тогда восемь старичков, и для всех это событие стало великой радостью. Крестили меня и еще двоих молодых братьев ночью, в том же 1939 году.По тем временам мы все сильно рисковали, но любовь к Господу в христианских сердцах все же была сильнее страха перед людьми.

В 1941 году, когда началась война, меня сразу призвали в армию. Там я отказался принимать присягу, открыто заявив командирам о своей вере в Бога. Военный трибунал приговорил меня к десяти годам заключения. Так что воевать мне не довелось, но зато пришлось вкусить лагерной баланды.

Я сидел в Унжлаге, в Горьковской области… После войны Сталин объявил амнистию для многих заключенных, и в итоге я просидел только половину срока – пять лет. Вернувшись в Кант, узнал, что власти не так давно разрешили верующим собираться для богослужений. Трудности военного времени почти не оставили в стране атеистов, люди очень сильно тянулись к Богу!

Пресвитером восставшей из руин поместной евангельской общины стал И.И. Иванов, благословенный старец, отсидевший за веру десять лет. Он, будучи ин-

валидом, на одной ноге и на костылях потихоньку прошел по домам и собрал рассеянных овец Христовых со всей округи. Затем И.И. Иванов зарегистрировал общину Канта и провел освящение дома молитвы, во время которого все братья и сестры слезно каялись, исповедуя свои грехи за те годы, пока не было общих собраний. Когда церковь окрепла и вновь собиралось уже более ста человек, Господь призвал в Свои вечные обители нашего дорогого пресвитера. Верю, что велика будет его награда на небесах!

Церковь продолжала расти, у нас насчитывалось уже около четырехсот членов, а опытного служителя не было. Тогда мы направили письма старшим братьям с просьбой, чтобы они прислали к нам в Кант пресвитера. И вот вскоре приехал способный человек, хорошо проповедовал, всем понравился, вот только зачем-то на 7 ноября, в день большевистской революции, на молитвенном доме красный флаг вывесил... Так постепенно стало выясняться, что наш новый пастырь служил не только Церкви Божьей. А позднее, когда открылось, что в 1930-е годы он был отпущен НКВД, поскольку отрекся от Бога, нам пришлось от такого пресвитера и вовсе отказаться и избрать на служение брата все-таки из своих рядов.

Ш.А.С.: Я раскаялась в грехах в 1945 году, вскоре после того, как мой отец вернулся с фронта. Наша семья жила тогда в Новосибирской области. А крестилась я летом 1947 года в Оби. То памятное служение состоялось рано утром, на рассвете. На реке тогда были только пресвитер и мы, двое крещаемых. Я выходила из воды в тот момент, когда предрассветный сумрак прорезали самые первые ослепительные лучи солнца, медленно восходившего над горизонтом, и всю меня

тогда переполняла непередаваемая радость. Затем мы вместе с пресвитером прославили Господа на берегу. Мне тогда было всего пятнадцать лет.

Из-за веры в Бога у меня вскоре возникли трудности в учебе. Некоторые преподаватели открыто смеялись надо мной, всячески унижали, специально ставили низкие оценки, хотя училась я неплохо. Если я чего-то не понимала, мне говорили: «Пусть Господь Бог тебе объясняет!» Наконец, атмосфера в школе стала настолько тяжелой, что я не выдержала и, не окончив последний класс, уехала в Киргизию, где к тому времени уже обосновались некоторые наши родственники.

Так я оказалась в Канте. Там меня встретили очень хорошо, отношение к верующим в этой республике в те годы было более терпимое (по сравнению с Россией). В церкви меня сразу пригласили петь в хоре, я стала охотно посещать молодежные собрания. Затем вышла замуж за Якова Степановича, который был очень хорошим и преданным Богу юношей. В конце свадебного пира в то время существовал такой обычай: «снимают венок, надевают платок»... С тех пор я и ношу этот христианский знак своего замужества.

В.В.Я.: С самого раннего детства я ходила на собрания, всегда участвовала в общениях и труде христианской молодежи. В Канте мы посещали пожилых братьев и сестер, помогали им по дому: делали уборку, готовили пищу, мыли прикованных к постели больных... По воскресеньям в разных домах устраивали интересные молодежные вечера. При этом собиралось нас столько, сколько дом мог вместить – по пятьдесят-шестьдесят человек и более. Там мы вместе молились, читали Писание, пели гимны, рассказывали стихи – и нам никогда не бывало скучно!

В нашей школе училось очень много детей из баптистских семей. В некоторых классах они даже составляли большинство. Пионерские галстуки никто из нас не носил. На переменах мы обычно собирались отдельно от неверующих школьников. Когда в начале 1960-х годов вышел запрет на посещение детьми богослужений, то завучи и учителя нередко врывались в молитвенный дом и прямо во время проповеди переписывали всех присутствующих там своих учеников.

Я помню, как прятала от проверяющих лицо, но все было бесполезно. Затем нас позорили при всей школе на линейке… Вызывая к доске, учителя часто язвили: «Ходить в церковь у вас всегда время найдется, и молиться вы всегда готовы, а вот на уроки времени вам не хватает!» Оценки баптистам, как правило, сильно занижали, поэтому и особенного стимула стараться в школе у нас не было.

Когда в братстве произошло разделение, то это коснулось и нашей молодежи. Мы мало разбирались в делах взрослых. Однако, оказавшись в разных церквах, очень страдали оттого, что появились какие-то трудности даже в простом христианском общении и совместном прославлении Господа. Нам было непонятно, почему нельзя собираться всем вместе, как прежде.

– Расскажите, пожалуйста, как проходило хрущевское наступление на Церковь в вашей местности?

Ш.А.С.: В начале 1960-х годов у нас очень обострился конфликт с властями из-за посещения детьми молитвенного дома, а также из-за того, что наши регенты отказывались подавать в горисполком списки хористов, как того от них требовали. В итоге, здание нашей церкви даже на какое-то время закрывали на замок!

Представьте: приходим однажды на служение, а на церковных дверях – большой замок, и никто не может войти внутрь…

Ш.Я.С.: Несмотря на сильные нападки атеистов, ревность в служении Господу Иисусу Христу в наши дни была очень большой. Если, скажем, кого-то начальство заставляло трудиться в воскресный день, то братья и сестры сразу же увольнялись и находили себе другую работу, пусть даже и менее оплачиваемую. Можно сказать, вся община проявляла стойкость в конфликте с властями, когда нам предъявлялись несправедливые требования.

Например, когда мы категорически отказались подавать списки певчих, то вскоре в молитвенном доме состоялась встреча двух наших хоров (около восьмидесяти человек!) с уполномоченным по делам религиозных культов и представителями горисполкома. На этом «мероприятии» нас пытались прижать следующим небезобидным вопросом: как, дескать, вы смеете противиться советским законам, самым лучшим и гуманным в мире?!

Мне бы тогда помалкивать, но молодым людям это всегда трудно. И вот я, в числе других братьев, высказался по поводу советских законов. «Уж насколько, – говорю, – хороша была сталинская Конституция, главный социалистический закон, а в 1937 году забрали милиционеры моего дедушку и многих других членов нашей церкви, и пропали они без вести, навсегда. Вместо того чтобы хвалить такие законы, сказали бы лучше, где похоронены наши близкие…»

Конечно, такие речи могли плохо окончиться, но в Советском Союзе в то время началась хрущевская «оттепель», и потому меня не тронули. Выслушав много

критических замечаний от верующих, представители власти так ни с чем и ушли.

Тогда власти предприняли попытку просто силою закрыть наш молитвенный дом. Официальная причина, которая была нам объявлена, – это якобы эпидемия холеры в Индии! А вы тут, дескать, на собраниях много целуетесь и можете разнести заразу по всей республике… И вот повесили замок на дверях молитвенного дома, а у нас в Канте тогда уже было около семисот членов церкви и примерно столько же – христианской молодежи (еще не принявшей крещения). В ближайшее воскресенье вся наша община разделилась на группы и одновременно собралась в тридцати – сорока местах по всему городу.

Тут уже власти схватились за голову, вдруг осознав, что проконтролировать все эти домашние богослужения им никак не удастся. Милиция сбилась с ног, устанавливая адреса собраний, горисполком по воскресеньям вынужден был работать… В общем, ровно через месяц наш молитвенный дом снова открыли и больше уже не препятствовали в проведении богослужений.

Правда, несколько раз власти еще старались помешать христианским свадебным вечерам. А собиралось у нас по такому поводу обычно по семьсот-восемьсот человек… У кого-нибудь на огороде делали из кусков брезента большой навес, из досок сколачивали столы и скамейки, и проводили радостный брачный пир. Руководству города очень не нравилось, что во время таких вечеров громко читается Библия, звучит слово проповеди и пение христианских гимнов. Нам не раз откровенно намекали: «Вот если бы вы водку пили, то вам бы никто слова не сказал…»

Как-то раз, помню, приезжали на свадьбу пятеро милиционеров. Но что они могли сделать против сотен

людей? Немного пошумели, мешая нам петь, немного поугрожали и, видя свою беспомощность, уехали за начальством. Затем прибыл какой-то полковник, спрашивает: «Ну, что здесь у вас?» Ему спокойно объясняют, что проходит христианская свадьба. Тогда полковник, оценив обстановку, неожиданно дружелюбно поздравляет жениха и невесту, а своих милиционеров гонит прочь: «Уезжайте и никому не портите настроение!» Какой-то представитель общественности начинает возмущаться: «Но эти баптисты распевают здесь свои песни!» На что полковник замечательно ответил: «У всех, понимаете ли, есть свои свадебные традиции...» Тем дело и кончилось.

– Как долго вы прожили в Киргизии и когда вернулись в Россию? Каким было положение баптистских церквей в русской глубинке?

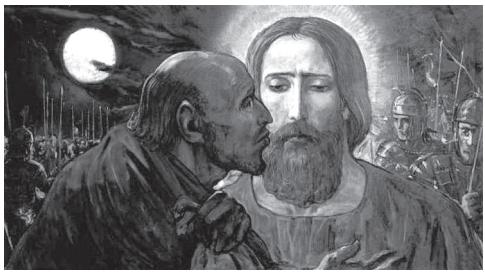
Ш.Я.С.: В 1975 году наша семья по ряду причин переехала в российский город Сызрань. Церковь там была небольшой, около ста человек. Нас хорошо приняли, мы сразу же стали петь в хоре. Вскоре меня избрали на диаконское служение. Однако молодежи в церкви было очень мало, с Киргизией не сравнить. Руководство общины, если называть вещи своими словами, боялось властей и не давало юношам и девушкам серьезно трудиться для Господа. А местный уполномоченный по религиозным культам свободно приходил на членские собрания в церковь, когда хотел. Но самое ужасное заключалось в том, что в этой общине открыто действовал «иуда», назовем его Василием Степановичем (имя изменено), пожилой проповедник и осведомитель госбезопасности одновременно. И все об этом знали, и ничего не могли поделать, по-

тому что пресвитер наш уж очень всего боялся, и мы постоянно слушали в церкви тринадцатую главу послания к Римлянам...

Несколько месяцев я терпел такое положение дел, а потом не выдержал и обличил пастыря, сказал ему, что до такой степени поддаваться безбожной власти христианам не подобает. Мы с ним тогда откровенно поговорили. Оказалось, что в сталинские времена пресвитер наш уже свое отсидел, и страх навсегда поселился в его сердце. Я же рассказал ему о том, как наши братья много и благословенно трудятся в Киргизии, и Бог защищает их от мести атеистов. «Ладно, – в конце беседы заключил пресвитер, – за искренность свою останешься диаконом, а то я уже думал тебя снимать...»

После той памятной беседы мы с нашим пастырем примирились, однако присутствие в общине нераскаявшегося доносчика продолжало меня сильно смущать. Тем более что одна старица со слезами на глазах поведала мне, как этот самый Василий Степанович перед войной выдал НКВД тайное место собраний части общины, и тогда почти всех братьев сразу арестовали. С тех пор эта сестра осталась без мужа (он тоже был арестован, а затем умер в заключении)...

А предатель до сих пор «проповедовал» у нас и даже участвовал в хлебопреломлении! Я много молился о том,



И. Глазунов, «Поцелуй Иуды»

как мне по-христиански правильно в данной ситуации поступить. И вот, наконец, Господь нас рассудил.

Как-то – кажется, в 1977 году – Василий Степанович занемог, долго лежал дома, не поднимаясь с постели. И меня от церкви направили к нему с вечерей Господней. Сначала я сильно усомнился, нужно ли мне туда идти, а потом вдруг подумал: кто знает, не ответ ли это от Господа на мои молитвы? И тогда я в волнении взял хлеб и вино и пошел по указанному адресу. Вхожу в ухоженную квартиру Василия Степановича, расположенную в хорошем новом доме, и первое, что мне бросается в глаза в прихожей, – это большой, во весь рост, портрет Брежнева! А изображения Иисуса Христа, хотя бы самого маленького, что-то нигде не видно… Подхожу к постели больного. Он с трудом приподнялся и сел. Вижу – ждет. Тогда, набравшись смелости, я говорю:

– Василий Степанович, чтобы участвовать в трапезе Господней, вам нужно прежде покаяться в предательстве братьев!

Он мрачно на меня посмотрел, сжал кулаки, а потом как рявкнет:

– Это что за прокурор ко мне пришел? Перед кем я должен каяться?!

Если бы Василию Степановичу хватило сил, вероятно, он бы с удовольствием меня ударил. Но сил уже не было.

– Извините, тогда вы не можете участвовать в хлебопреломлении! – как мог, твердо сказал я и поскорее бежал из этого дома.

Очень скоро после той нашей встречи Василий Степанович умер. А мне Господь открыл, что Он действительно посылал меня с последним призывом к покаянию к этому когда-то верующему человеку…

Ш.А.С.: Когда мы только переехали из Киргизии в Сызрань, купили там дом и стали выгружать возле него контейнер с вещами, то неожиданно были очень враждебно восприняты своими новыми соседями. Особенно они как-то болезненно отреагировали на наше пианино. Увидев его, соседи сказали: «Посмотрите, какие богачи к нам приехали!» И только мы вошли в дом и накрыли для обеда стол, как в наши окна полетели камни. Представьте: звон разбившихся стекол, новый и еще чужой для нас город… Сыновья хотели уже бежать на улицу, чтобы схватиться с обидчиками. Но мы их удержали такими словами: «Это сатана нас искушает, не ходите туда сейчас, давайте помолимся!»

Мы всей семьей преклонили колени и помолились, попросив себе духовных сил и мудрости у Господа. А когда вышли во двор, то увидели, что ворота наши со стороны улицы полностью завалены какими-то бревнами и мусором. Мы сначала не знали, как и быть. Затем сыновья перелезли через забор, разобрали завалы и открыли ворота. Улица была пустынна, но наверняка за нами в тот момент наблюдали…

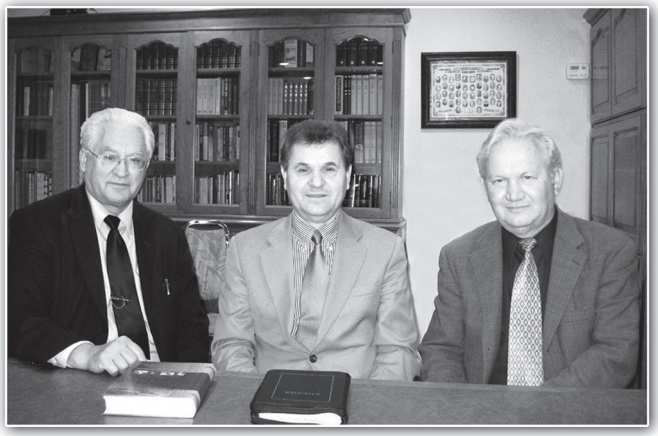
И тогда мы, пересилив обиду, пошли по соседям, приглашая их к нам в дом, говоря о том, что стол уже накрыт для этих добрых людей…

Никто тогда, конечно, в гости не пришел, зато соседи очень быстро изменили свое отношение к нам, и больше уже не вели себя враждебно. Возможно, это самое удивительное событие, которое Господь Иисус Христос совершил Своей любовью в жизни нашей семьи.

– Большое спасибо за интервью!

ПАМЯТНЫЕ ДНИ В СССР

Кунда Петр Филиппович, Крамаренко Николай Семенович и Зинченко Виктор Васильевич



– Уважаемые Петр Филиппович, Николай Семенович и Виктор Васильевич, расскажите, пожалуйста, о вашем обращении к Господу, а также о том, что представляли собой церкви ЕХБ в начале вашего христианского пути.

К.П.Ф.: Родился я в небольшом селе в Брестской области, на границе с Польшей. Баптистская община здесь была основана в начале 1920-х годов. Первыми евангелистами в нашей местности, по рассказам старцев, стали вернувшиеся из немецкого плена верующие солдаты (после первой мировой войны). В те годы для проповеди Евангелия власти предоставляли относительную свободу, и общины быстро росли, проводи-

лись занятия с проповедниками, работали местные регентские курсы. А один церковный хор из нашей области, по рассказам старцев, даже ездил в Америку для служения и обмена опытом.

В 1939 году Брестская область была присоединена к Советскому Союзу, и, по известным причинам, жизнь там сразу изменилась. Церковную деятельность новые власти сильно ограничили. Затем началась война с Германией, и в брестских лесах скрывалось много коммунистов. Один из партизанских отрядов однажды ночью вошел в наше село и убил там пресвитера баптистской церкви просто за то, что тот был известным проповедником Евангелия. Конечно, и со стороны немцев наши братья и сестры испытали немало жестокости.

Вскоре после войны молитвенный дом у верующих в моем родном селе отобрали и превратили его в советскую школу. И в более поздние времена, вплоть до перестройки, евангельским общинам пришлось испытать еще множество унижений и несправедливости.

В начале 1960-х годов я переехал в Минск, несколько лет там учился, работал и совершал служение в церкви. Когда началось движение Совета Церквей, активно его поддержал. Затем переехал в Киев, где стал членом церкви в общине Г.П. Винса. Власти нам тогда всячески препятствовали собираться для богослужений, поэтому мы часто проводили молитвенные общения в лесу, под открытым небом. Причем, делали это не только летом, но и зимой, посреди сугробов и деревьев, украшенных пушистым инеем… Там же совершали хлебопреломления. Но и в «советском лесу» власти не давали покоя: милиция то и дело нас выслеживала, разгоняла, штрафовала, а руководителей собраний – арестовывали и судили за нарушение за-

конодательства о «религиозных культах». Я был тогда еще молод и потому обычно отделывался штрафами. Позднее, в 1970-е годы, наша община зарегистрировалась как автономная, однако вплоть до второй половины 1980-х годов мы еще чувствовали на себе тяжелую руку советской власти…

К.Н.С.: Мой отец погиб на войне, мать осталась вдовой. Мы жили с ней вдвоем. В школе меня насильно приняли в пионеры, не раз выгоняли из класса, снижали оценки за то, что мы с матерью ходили в баптистскую церковь. Затем мы переехали в Минск. Но и там положение верующих было не лучше. Мне рассказывали, как за исполнение гимна «Над родиной нашей восходит заря…» власти сняли со служения регента минской церкви. Бдительный уполномоченный по делам религиозных культов усмотрел в том песнопении антисоветский подтекст. Дескать, заря над нашей Родиной взошла еще в 1917 году, а у вас, баптистов, она почему-то только восходит…

Крещение я принял в 1957 году неподалеку от Барановичей в Белоруссии. Крестили тогда негласно, без присутствия церкви. Рано утром на небольшом озере мы, восемь обратившихся к Господу душ, встретились с пресвитером, который в благоговении пред Богом, без лишнего шума, крестил нас.

В те годы, где бы я ни устраивался на работу, меня тут же увольняли. Сначала интересовались, почему не комсомолец, и потом быстро выяснялось, кто я такой… Тогда начинали «принимать меры», но поскольку я довольно плохо поддавался «воспитанию», то вскоре вновь оказывался без работы. Так к двадцати годам практически вся моя трудовая книжка уже была исписана…

И вот, в таких отчаянных обстоятельствах, я получаю письмо от одной знакомой сестры, которая недавно вышла замуж и переехала жить в Сухуми (Абхазия). Она написала, что у них на Кавказе верующих людей никто не преследует, что там прекрасные церкви, много молодежи, и приглашала меня приехать в гости.

Я тогда был холостяком, легким на подъем, и захотелось мне посмотреть «хоть одним глазком» на такую удивительную жизнь, в существование которой в те годы трудно даже было поверить. Приехал в Сухуми, погостил у своих знакомых, походил в их церковь. И так мне там понравилось, что я решил остаться в этом городе жить. Так, по милости Божьей, начался новый, более благополучный период моей христианской жизни.

В Сухуми мы с братьями много потрудились на строительстве молитвенного дома, который стал украшением города, местом, куда потянулись люди, чтобы услышать Слово Божье. Там я нашел себе невесту, и после свадьбы мы с супругой много лет пели в церковном хоре. Когда у нас родились дети, мы их воспитывали в страхе Божьем. Господь же обильно благословил: все шестеро наших детей выросли верующими людьми, подарили нам внуков, которые тоже уже начинают служить Иисусу Христу.

Единственный раз сухумский КГБ потревожил меня в 1984 году, когда я начинал свое пресвитерское служение. Однако, увидев твердость и несговорчивость в вопросе сотрудничества с госбезопасностью, меня, по милости Божьей, оставили в покое. Я очень благодарен Господу за то, что Он дал нам силы выстоять в те трудные советские времена.

З.В.В.: Мне не так просто определить, где моя земная родина, потому что я родился в вагоне, когда мою мать, вместе с другими юношами и девушками, немцы везли с Северного Кавказа для работы в Германию. И вот я родился в пути, в Каменец-Подольском, зимой. Затем наша семья некоторое время жила в Польше. Поэтому мое родное наречие – польское, а русский я уже учил как второй язык.

В 1957 году мы вернулись в Советский Союз и поселились в Исилькуле, Омской области, на родине моей мамы. Примерно через год я уехал в Омск, где поступил в строительное училище и посещал местную баптистскую общину. Мы собирались тогда в небольшом частном доме у верующих старичков, живших на берегу Омки. Это были для меня очень памятные дни, потому что здесь я впервые столкнулся с преследованиями за веру. Но крещение я тогда еще не принимал, поэтому смог окончить училище.

Затем, в 1961 году, переехал жить в Алма-Ату, где укоренился более основательно. Мне запали в душу восхищенные рассказы омских старцев о религиозной свободе в Южном Казахстане: «Представьте себе, в Алма-Ате на верующих никто внимания не обращает, они там на собрание на мотоциклах ездят!..» Большей свободы в то время в Советском Союзе трудно было и вообразить.

Я попал в Алма-Ату как раз в тот период, когда по всей стране начиналось движение, вызванное деятельностью Инициативной группы. Как известно, молодежь принимала в этом самое активное участие. Однако меня вскоре призвали в армию, и я самые горячие события пропустил. Когда после службы вернулся в свою Алма-Атинскую церковь, то молодежи там уже почти не было. Я стоял перед выбором: либо присое-

диниться к своим друзьям в Совете Церквей, либо совершать служение среди подростков в нашей зарегистрированной общине (мне тогда поручили такой труд). Помолившись, я избрал второе, и никогда об этом не пожалел. Хотя со многими братьями из СЦ ЕХБ у меня и позднее сохранились добрые отношения. И на уровне церквей мы в Алма-Ате не раз проводили совместные молодежные общения, обменивались литературой и т.д.

В 1969 году я ездил в Польшу, где впервые в жизни увидел относительное изобилие христианской литературы. Братья по вере, зная нашу нужду в Советском Союзе, подарили мне целых две сумки с маленькими русскими Библиями. Это было невообразимое сокровище по тем временам.

Но передо мной стояла серьезная проблема: как это все провезти в СССР? В Бресте советские пограничники, как обычно, высадили пассажиров из вагонов и принялись тщательно проверять у всех вещи. Скрыть такое большое количество Библий, которое было у меня, оказалось невозможным...

Потом меня допрашивали уже в Алма-Атинском КГБ, обвиняли в контрабанде и антисоветской деятельности. Говорили о том, что в иностранных изданиях Библии между строк может быть напечатано нечто, порочащее социалистический образ жизни, поэтому нашим верующим можно пользоваться исключительно советскими публикациями Священного Писания. Вот такие это были времена!

– Доводилось ли вам в хрущевский или брежневский периоды участвовать в диспутах с атеистами? Возможно ли было публичное отстаивание христианской веры в те времена?

К.П.Ф.: У меня нечто подобное случилось во время службы в армии, в середине 1960-х годов. Я служил в небольшой части под Воронежем. И вот к нам как-то приехал лектор-атеист, и всех солдат согнали слушать его тягостное для верующего человека выступление. Поводом для приглашения этого лектора, очевидно, послужило то, что я осмелился, «из-за религиозных убеждений», не работать на Пасху (когда все в нашей части, хоть и неохотно, трудились). Тогда мне объявили десять суток гауптвахты, всячески запугивали. Однако отсидел я только три дня, потому что затем нашим командирам вдруг срочно понадобилась какая-то работа по моей специальности, и им пришлось меня освободить. Так вот, атеистические лекции должны были, вероятно, каким-то образом меня «вразумить». Но Господь дал мне сил достойно отвечать на вопросы этого безбожника, и в результате такая лекция только еще больше привлекла внимание к христианской вере у моих сослуживцев.

Обо мне однажды даже было упомянуто (разумеется, критически) в каком-то номере общесоюзной военной газеты «Красная звезда». После такого позора для всей части, ко мне приставили старослужащего сержанта-коммуниста, в обязанности которого входило следить за мной, спать на соседней кровати, носить мне атеистические книжки и всячески мешать молиться. Однако, по милости Божьей, и этот коммунист быстро изнемог, а я беспрепятственно продолжал делать, что считал нужным. Командование части мне отомстило тем, что за все три года службы я ни разу и не был в отпуске, да и в увольнения ходил реже других. Однако и моих командиров можно было понять: я ведь у них был единственным, кто служил, не приняв присяги, самый что ни на есть «махровый баптист»...

К.Н.С.: У меня было несколько столкновений с парторгом на заводе из-за того, что я рассказывал людям о Боге прямо на работе. У нас нередко случались простои, когда рабочим нечем было заняться, но и домой до конца смены не отпускали. И тогда частенько вся бригада начинала расспрашивать меня о том, что говорит Библия на ту или иную тему. А потом мы с ними подолгу увлеченно беседовали, иногда вокруг меня собиралось человек по тридцать! Парторг относился к этому очень ревниво, возможно, потому, что его самого с наскучившими всем цитатами из Маркса-Энгельса никто не хотел слушать. Конечно, я рисковал, проповедуя на рабочем месте, но чего не сделаешь ради спасения человеческих душ…

З.В.В.: Я много лет проработал на скорой помощи в Алма-Ате. Узнав, что я верующий, молодые медсестры живо интересовались вопросами веры. И Бог так устроил, что через мое свидетельство уверовала девушка, секретарь комсомольской организации у нас на работе. Тогда мне тоже пришлось однажды выдержать трудный разговор с грозным парторгом… В итоге, мне не дали рекомендацию для поступления в мединститут, о чем тогда мечтал, но и это я воспринял как волю Божью в своей жизни.

– Спасибо! Расскажите, пожалуйста, о каком-нибудь особенно интересном или необычном случае из вашей христианской жизни.

К.П.Ф.: Когда я принимал святое водное крещение, – а было это в Осиповичах, под Минском в 1967 году, – я увидел чудесное видение, которое невозможно забыть. Был вечер, смеркалось, местный пресвитер тай-

но крестил нас двоих с моим другом, и вот когда мы уже выходили из речки, вдруг вижу: радуга поднимается кругами от воды и стоит до неба! Я в восхищении замер, для меня это было чудесным подтверждением Божьего присутствия на том месте…

К.Н.С.: Интересно, что в нашей семье, тоже в 1967 году, произошло чудо. У моей дочери Ани неожиданно отказали почки. Температура поднялась выше сорока градусов. Мы вызвали скорую помощь, врачи сказали, что ребенка необходимо срочно везти в больницу, однако мы отказались, рассудив, что маленькая девочка без родителей там будет тосковать и это будет еще хуже для нее. Мы попросили врачей только выписать нам лекарства. Те сказали: «Нет, нужна срочная госпитализация!». Когда мы вновь отказались, врачи взяли с нас расписку, что мы предупреждены о возможной смерти ребенка, и уехали. Тогда мы всей семьей встали на колени. Наверное, никогда в жизни мы больше так сильно не молились. Когда, спустя долгое время, поднялись с колен, Аня перестала бредить и уснула. К утру температура спала, и вскоре ребенок – без лекарств, без врачей – пошел на поправку и полностью выздоровел. Слава Господу за услышанные молитвы!

З.В.В.: А я хотел бы напомнить о том, как наш советский лидер Н.С. Хрущев называл уже конкретную дату, когда всей стране будет показан по телевидению, словно некая диковинка, последний верующий человек… И, казалось, что Хрущеву мешает осуществить задуманное? Вся полнота власти была сосредоточена в его руках, вся мощь советской государственной и атеистической машины, однако ничего коммунисты с верующими людьми так и не смогли поделать. Врата

ада не одолели Церковь! И это, мне думается, самое большое Божье чудо из всех возможных.

– Сегодня в церквах нашего братства ведутся бесконечные дискуссии по поводу кальвинистского понимания спасения. А встречали ли вы подобные взгляды до перестройки?

К.Н.С.: Нет, раньше такого учения среди наших братьев никогда не было. Всегда у нас верили, что Бог умер за всех людей, всех любит и всем предлагает спасение!

К.П.Ф.: В наших краях, в Белоруссии и Украине, где мне довелось жить и совершать служение, я тоже никогда раньше подобных споров не слышал…

З.В.В.: Я думаю, что мы в нашем братстве всегда находились между полюсами кальвинизма и арминианства. Ведь мы верили и верим в спасение не от дел, но по благодати и милости Божьей, учили об уверенности в спасении (в отличие, скажем, от православного вероучения).

А, с другой стороны, наше братство признает и реальность свободной воли человека. Возможно, отечественное богословие не было хорошо разработано, но все же, думаю, оно всегда учитывало обе стороны этой проблемы…

– Вы упомянули православие. Сегодня в России диалог между Русской православной церковью и Союзом баптистов идет очень непросто. А как складывались ваши отношения до перестройки, в той местности, где вы жили?

К.П.Ф.: Некоторое время к нам в киевскую церковь довольно часто приходил один православный монах, мы с братьями не раз с ним беседовали. Он производил приятное впечатление, имел неплохие познания в Священном Писании. Объяснял нам, ссылаясь на необходимость постничества и вкушения преимущественно растительной пищи, как даже молодому человеку можно соблюдать обет безбрачия. Возможности проповедовать в нашем собрании у него не было, но личные контакты с членами церкви мы не запрещали, поскольку видели, что это способствовало атмосфере христианского миролюбия и взаимопонимания.

З.В.В.: На юге Казахстана в советское время тоже были неплохие отношения между баптистами и православными. Помню, как мы с молодежью ходили на Пасху в православный храм. Попасть туда было не просто. Милиция, в основном, старалась пропускать в церковь людей пожилых. Тогда кто-то из братьев-немцев заговорил с милиционерами по-немецки, нашу группу молодежи приняли за иностранцев и тотчас пропустили…

А вот в Талды-Кургане, братья рассказывали, местный православный священник даже приглашал хористов из баптистской церкви петь в храме во время богослужения, а сам батюшка захаживал на наши собрания. До такой степени близости доходило общение. Правда, кажется, священника того вскоре сняли со служения…

– Случались ли отступления от веры в ваших церквах? Отрекался ли кто-то публично от Бога, сотрудничал с атеистами, выступал на их стороне в средствах массовой информации? И еще: как часто в совет-

ское время дети верующих родителей не становились христианами?

К.Н.С.: Хотя и нечасто, но такие случаи имели место. Я знаю даже одного бывшего служителя церкви, который отрекся от Бога через коммунистическую газету. Но чаще бывало второе: атеистам время от времени удавалось через советскую школу духовно разделить детей и их верующих родителей. То есть дети у некоторых христиан вырастали неверующими и порочили Церковь. И у самых достойных служителей, но не уделявших достаточного внимания семье, случалась такая беда.

З.В.В.: Я бы обратил наше внимание на то, что в верующей семье автоматически не рождаются верующие дети. Конечно, многое зависит от христианского воспитания, но если Дух Святой не войдет в сердце сына или дочери, то неправильно и говорить, что они *утратили* веру, потому что, по сути, никогда ее и не имели. Сегодня дети из христианских семей еще чаще, чем прежде, не идут по стопам своих родителей. Раньше было больше посвящения и благоговения в служении Господу, а сегодня, как выразился один брат, наши собрания стали превращаться в некие духовные концерты…

К.П.Ф.: А я бы, не умаляя действия благодати Божьей, все-таки больше обращал внимание на роль родителей. Помню такой случай. После выхода в свет печально известного Инструктивного письма старшим пресвитерам ВСЕХБ один очень преданный Господу служитель все-таки перестал брать свою дочь на собрание. А когда времена изменились, и детям и подросткам

стало можно ходить в церковь со своими родителями, эта девочка, дочь служителя, уже сама не желала, и так, по-видимому, и осталась неверующей… К счастью, таких случаев было не так уж много. Но с родителей, думаю, Бог прежде всего спросит за души детей.

– Как часто в ваших церквах прежде практиковался пост? Как объяснялась его необходимость? Пили ли воду, когда постились?

К.П.Ф.: В тех церквах, в которых мне довелось быть, братья и сестры всегда постились каждую пятницу. И происходило это по Слову Божьему, как написано: «не ели и не пили»…

З.В.В.: Я, вообще, уже только в Америке услышал о том, что кто-то пьет воду во время поста. У нас это было немыслимо, хотя мы жили в жарком южно-казахстанском климате. А перед Пасхой многие братья и сестры (по своему желанию) постились и молились даже по трое суток, и это было для церкви большим благословением. Бог слышал такие молитвы особенно и отвечал на них!

К.Н.С.: Наша община обычно постилась раз в месяц, в пятницу перед хлебопреломлением, а также непременно – в особых случаях, скажем: перед избранием братьев на служение, при выборе спутника жизни, при поиске угодной Богу работы, во время чей-то тяжелой болезни и т.д. Да, раньше постились намного чаще, чем сегодня! Это была одна из довольно характерных черт славянского евангельско-баптистского братства.

– Большое спасибо за интервью!

ЛУЧШЕ НАМ ИЗНОСИТЬСЯ, ЧЕМ ЗАРЖАВЕТЬ!

Семерюк Петр Андреевич

– Уважаемый Петр Андреевич, расскажите, пожалуйста, о Вашей жизни и христианском служении, о том, что удалось совершить с Божьей помощью.

За свои семьдесят восемь лет мне довелось испытать многое. Как-то с молодежью из нашей церкви мы подсчитали, что только на территории бывшего Советского Союза я побывал с проповедью Евангелия более чем в 250 больших и малых городах, а в некоторых из них – и по нескольку раз. А если к стране Советов теперь добавить и другие страны, где Господь позволил проповедовать, то общее количество городов не просто будет и сосчитать. Так что лучше сказать: слава Богу за все!

Хотя я уверовал в Господа Иисуса Христа в ранней юности, покаялся и принял крещение, затем у меня произошла жизненная трагедия, в результате которой я оставил христианский путь, и более двадцати лет, до 1970 года, блуждал в этом мире. Я жил в Душанбе, Таджикистане, и там полюбил одну своенравную красавицу, которая, увы, меня не любила. Я выпросил ее себе у Бога, мы поженились, но наша семейная жизнь, мягко говоря, не сложилась. Мы вскоре расстались с ней навсегда и потому одновременно оказались вне Церкви Христовой…

Мне очень тяжело об этом вспоминать, потому что вскоре мир захватил меня на много лет, и я, как соломинка, был увлечен волнами стремительного потока, влекущего людей в погибель. Я не просто упал, а рух-

Атеистические плакаты советской эпохи

нул, я был буквально втоптан в грязь, ниже пасть было уже невозможно.

И в то же время, в годы своего тяжкого отступничества, помню, почему-то не раз горячо доказывал неверующим, что есть Бог. А вот перед верующими, наоборот, ставил самые трудные духовные вопросы и много сомневался в Господе…

Мое возвращение к Богу было подобно прозрению слепого или воскресению мертвеца. Однажды я пришел на собрание, и вдруг увидел, насколько велика Господня любовь ко мне, грешнику. Господь Иисус воскресил меня подобно разлагавшемуся Лазарю. Во время самой обычной проповеди меня коснулась великой силы Божья благодать. Я оглянулся вокруг себя и словно впервые увидел, насколько прекрасно Его творение… Мое покаяние длилось больше года, и затем прошло еще долгих десять лет, прежде чем братья разрешили мне служение словом в церкви. Несомненно, я понес справедливое наказание, но так же несомненно, что милосердный Господь любит и прощает и самых больших грешников.

И вот с начала 1980-х годов, почувствовав Божий призыв и получив благословение братьев из нашей душанбинской церкви, я начал совершать благовестническое служение, по сути, по всему необъятному Советскому Союзу. Можно сказать, я стал странствующим (или «бродячим», как выражались недоброжелатели) проповедником. Бог располагал сердца слушателей, наших братьев и сестер по вере в Господа Иисуса Христа: меня приглашали и на север, и на юг, и на запад, и на восток – повсюду, где только были церкви нашего евангельско-баптистского братства. Разумеется, КГБ (или «комбинат глубокого бурения», как я подшучивал над этой организацией) быстро приметил

такого бродягу, за мной следили, часто давили на меня (иногда, увы, даже через некоторых наших братьев), угрожали, распускали обо мне всякие сплетни... Однако в ту пору я уже полностью предал себя в руки Божьи и никого из людей не боялся.

Однажды, еще до перестройки, на богослужении в молитвенном доме Красноярской церкви присутствовали, не скрываясь, несколько сотрудников госбезопасности. После моей продолжительной проповеди на тему «Кто во Христе, тот новая тварь», на кафедру прислали записку со следующим весьма опасным, «политическим», содержанием: «Вот, Вы говорите о новом человеке, а разве мало наша Советская власть делает для воспитания нового человека?» От ответа на этот вопрос, надо сказать, в то время зависело, не задержусь ли я в «солнечной» Сибири на несколько лет...

Однако и быть в конфликте с собственной христианской совестью я не мог.

Мысленно помолился, и Господь послал мне нужный ответ. «Конечно, – сказал я тогда залу, – наша власть очень много делает для воспитания нового человека, но давайте посмотрим на вещи реально. Представьте, что ваши красноярские магазины по какой-либо причине останутся на три дня и три ночи без сторожей и запоров. Что сделает тогда «новый человек» с этими магазинами? Боюсь, что из них вынесут абсолютно все, и ни одной иголки там не останется...

А вот у настоящих христиан никогда ничего не пропадет. Потому что Бог нас подлинно изменил во Христе Иисусе...» Несмотря на то, что приходилось иногда давать и такие, весьма неприятные для атеистов ответы, Господь сохранил меня от ареста. Хотя слежку за собой я ощущал постоянно.

В другой раз какая-то советская учительница, противившаяся вере в Бога, сказала мне, что, мол, у вас, верующих, дважды два выходит не четыре, а пять, и все учение христианское – надуманное и нежизненное. А в той местности, где я тогда проповедовал, как раз только что произошло сильное наводнение, погибли люди. Местная газета сообщила, как несколько человек, в основном мужчин, к тому же умевших неплохо плавать, пытались спастись на каком-то деревянном щите. А вот в живых из них осталась лишь одна слабая женщина, вовсе не умевшая плавать, однако в отчаянии молившаяся Богу…

Напомнив своим слушателям эту недавнюю историю, я подвел их к тому, что в реальной жизни не столь редко дважды два превращается не в ожидаемые четыре, а в неожиданные пять, т.е. погибает не слабая женщина, что было бы закономерно, а молодые и сильные мужчины.

– Какие случаи были особенно памятны в Вашей жизни?

Мое детство выпало на тридцатые годы, на время великого террора, когда все евангельские церкви в Средней Азии, как и почти повсюду в СССР, были закрыты, а любые религиозные собрания запрещены. Однако верующие люди все равно собирались по домам. Кто-то это делал тайно, а вот в нашей местности придумали намного лучший способ для собраний. В сталинские годы даже плотно завешенные окна привлекали внимание бдительных советских активистов. Это могло быть расценено как незаконная сходка. Если люди таятся – значит, им есть, что скрывать. Поэтому наши верующие, собираясь небольшими группа-

ми, никогда не закрывали штор, а ставили на стол самовар и какую-нибудь скромную пищу. И никто из прохожих, время от времени непременно заглядывавших в окна, не мог себе даже представить, что в это время под столом сидел проповедник и, скрытый скатертью, потихоньку читал Писание и изъяснял его...

Да, старцы в прежние времена имели особенную духовную мудрость, которая им вполне заменяла наше современное образование. Вот еще один пример на эту тему. К сожалению, нередко у нас в общинах еще можно встретить людей самоправедных, почитающих себя особо святыми и совершенными.

Один старец-баптист из Майкопа в начале 1980-х рассказал мне, как однажды он в каком-то селе попал в общину так называемых евангельских христиан-совершенных. И вот наш брат помолился среди них такими словами: «Благодарю Тебя, Господи, что ты дал мне уже здесь, на земле, узреть совершенных Твоих учеников, аминь!» – «Аминь!» – важно ответили совершенцы.

Затем стали беседовать на духовные темы. Наш брат им тогда и говорит: «А вот мы в нашей церкви далеко несовершенные люди. Ведь раньше, написано, тень проходившего по улице апостола Петра исцеляла больных, а мы до сих пор вынуждены таблетки глотать... А как у вас с этим?.. Вот раньше, сказано в Святом Писании, христиане молились так, что земля сотрясалась от их вдохновенных слов, а в наших собраниях уже нет таких сильных молитв... А у вас?.. Вот раньше, читаем в Деяниях, верующие дома продавали, а деньги раздавали нищим, ничего на земле не называя своим, мы же, увы, все в своих домах живем... А у вас с этим как?..» И, продолжая таким образом поучать из Писания, старец подвел совершенцев к тому, что и они, скорее, «рабы, ничего не стоящие», чем совершен-

ные христиане. Так же и всем нам сегодня нужно смириться пред Господом, а не мыслить о себе, как о мужах веры, чего-то достигших.

– Прекрасные примеры из дней былых! А можно спросить, учил ли Вас лично Господь смирению, или в том не было нужды?

Учил, и еще как! Помню, в начале 1980-х годов пригласили меня для проведения духовных бесед в Уфу. Дело было холодной снежной зимой. Я, как южанин, был одет в демисезонное пальто и легкие ботиночки. Приехал поездом в Уфу, в кармане у меня лежала записка с адресом молитвенного дома и фамилией пресвитера местной баптистской общины. Я не хотел никого беспокоить, не просил встречать, ведь у меня были координаты церкви, и я думал, что этого будет достаточно.

А поезд прибыл поздно, автобусы уже не ходили, пришлось ехать на такси. Водитель высадил меня вблизи молитвенного дома, среди сугробов, и сразу уехал. Я подошел к дверям и стал стучать. Сквозь закрытые ставни виднелась полоска света, однако почему-то мне никто не открывал и даже не спрашивал: «кто там?». Я стал понемногу замерзать, и мне пришлось буквально прыгать и заниматься другими физическими упражнениями во дворе молитвенного дома. А главное, я не знал, как быть. Ведь стояла уже поздняя ночь, а я в этом городе оказался впервые и абсолютно никого здесь не знал.

Так прошло около часа, ставшего временем моего отчаяния и молитв. Затем в дверях неожиданно показался какой-то старичок и настороженно спросил, кто я такой. Обрадованный, я стал рассказывать, что при-

ехал по приглашению, назвал имя пресвитера и думал, что меня тут же впустят. Но не тут-то было! Старичок-сторож почему-то усомнился в моем проповедническом служении. Очевидно, его никто не предупредил о приезде гостя, и потому старец боялся пускать ночью в дом незнакомого мужчину. «Приходи утром! – посоветовал мне сторож. – Нам уполномоченный не разрешает никого принимать ночью!»

Я к тому времени уже сильно замерз и потому взмолился: «Дедушка, но ведь мы с тобой люди верующие! Что нам уполномоченный – он и днем был бы рад никого не впускать в молитвенный дом…» Однако бдительный старец, не отличавшийся многословием, все равно закрыл дверь, и я еще несколько часов, почти до самого утра, прыгал и бегал по двору, только чтобы не умереть от холода. О, как я тогда взывал к Господу, как молился! Время от времени старец озабоченно выглядывал из-за двери, однако в дом меня все равно не впускал. Я его уже спрашивал, может быть, где-то рядом живут верующие, кто мог бы меня принять на ночлег, однако все было бесполезно. Хоть умирай у порога этого молитвенного дома! За всю свою жизнь я в первый раз столкнулся со столь своеобразным пониманием христианского гостеприимства.

Впустил меня сторож только в шестом часу утра… Я повалился без сил возле теплой печки и проспал, наверное, часов до одиннадцати. Когда проснулся, старец и его старушка (которая тоже, оказывается, была в доме), ласково напоили меня горячим отваром шиповника и накормили вкуснейшей яичницей. В душе я отчаянно боролся с осуждением этих стариков, пока не услышал от них самые искренние извинения и неожиданное объяснение совершенно непонятной мне ситуации.

Оказывается, несколько лет назад с этой семьей сторожей случилась ужасная история. Ночью к ним в молитвенный дом ворвалась банда грабителей (старец неосторожно открыл дверь в ответ на просьбу, подобную моей). Преступники забрали сейф, а стариков поставили к стене, чтобы убить, как лишних свидетелей. Те, закрыв глаза, стали шепотом молиться. Очевидно, это и спасло им жизнь. Забрав, что только можно было унести с собой, грабители ушли, не решившись убить взывавших к Богу людей. И вот после таких событий я стучусь к ним в темноте!

Оказывается, старцы тоже не спали всю эту ночь, проведя ее в молитве. Услышав, что и я молюсь Иисусу Христу и из последних сил распеваю во дворе гимны, они обнялись и попрощались друг с другом, решившись все-таки открыть дверь. «Даже если это бандит, и там, за углом, таятся еще несколько человек, мы все равно откроем, потому что этот человек упорно призывает имя Иисуса Христа!» – решили старцы, буквально попрощавшись с жизнью. Услышав эту трогательную историю, я уже ничуть не осуждал моих собеседников за события минувшей ночи; эти старцы мне даже показались бесстрашными героями, и, очевидно, так это и было.

Затем целую неделю проходили благословенные богослужения и духовные беседы в том памятном для меня молитвенном доме. Значит, не напрасно я сюда приехал! Господь допустил те ночные испытания, несомненно, для моего смирения, чтобы не мыслил о себе многого. Ведь в других городах меня часто встречали едва ли не как какого-то знаменитого человека, что совсем не было мне на пользу.

И Господь это поправил…

– Правда ли, что Вы сочиняли христианские песнопения? Говорят, один из «безымянных» гимнов в «Песни возрождения» принадлежит Вам?

Действительно, в своей ранней христианской юности я однажды сочинил гимн, который начинался такими словами:

Среди мрачного темного мира,
Среди жгучих колючих кустов,
Где нет правды, нет света, нет веры,
Там проложен путь узкий Христов...

Записал эти слова в тетрадку, напел простую мелодию, подыгрывая себе на гитаре (нот тогда я не знал). Затем, за годы блуждания в миру, я совсем забыл эту песню, но Богу было угодно ее сохранить. И вот прошло уже более пятидесяти лет, а гимн «Среди мрачного темного мира» до сих пор поется в некоторых церквах нашего братства. И в новых, наиболее полных сборниках «Песнь возрождения» он опубликован под номером 2332. Я совсем недавно узнал об этом и возблагодарил Господа. Такую радость и утешение послал Он мне на старости лет!

– А как Вы готовитесь к проповеди? Есть ли у Вас какие-то секреты ораторского искусства?

Особых секретов у меня нет. Конечно, я всегда готовлюсь к предстоящей проповеди или духовной беседе, непременно в молитве прошу Господа, чтобы Он Сам говорил через меня. Выписываю себе на листочек кое-какую информацию из справочной литературы, однако подробного серьезного конспекта никогда не делаю, предпочитая исполняться Духом во время про-

поведи. Бывает, меня критикуют за это. Помню, молодые братья в одном городе хотели понаблюдать за моей подготовкой к проповеди. А у меня, как обычно, был очень плотный график служения, меня из одного места перевозили в другое, и беседы продолжались за полночь. Поэтому я не досыпал, и как только выпадало хоть немного свободного времени, даже днем, я тут же ложился отдыхать.

И кто-то сделал такой вывод: Петр Андреевич совсем не готовится к проповедям, а только спит и спит… На самом деле не все так просто!

Еще у меня есть такая особенность: во время проповеди я много жестикулирую, возможно, это последствие того, что я долгое время общался с глухонемыми людьми, а с ними без жестов нельзя. Как-то в церкви братья мне даже пытались запретить жестикулировать. Говорили: это нехорошо, лучше возьмись обеими руками за кафедру и так проповедуй. Я хотел их послушаться, попробовал держаться за кафедру, однако чувствую – мысль не идет, если я ее не изображаю руками. Как только мои руки оказываются неподвижны, я сразу как будто тупею…

Объяснил церкви свою проблему, слава Богу, братья смилостивились и разрешили мне немного помогать голове руками. Вот такие секреты гомилетики!

А еще проповедникам нужна хорошая память, ведь нам задают много вопросов. К счастью, эти вопросы не всегда бывают совсем новыми, а имеют обыкновение время от времени повторяться. И потому их следует запоминать, анализировать, что особенно интересует и волнует слушателей.

– Был ли у Вас какой-нибудь жизненный девиз, слова которые Вам помогали в служении Господу?

Может быть, вы будете смеяться, но моим девизом всегда были такие слова: лучше нам в этой жизни износиться, чем заржаветь! А что касается познания воли Божьей, то вот вам лишь один из многих примеров на эту тему из моего личного опыта.

Однажды меня пригласили по срочному делу, связанному со служением, в Одессу. Из Душанбе туда – путь неблизкий, к тому же у меня совсем не было денег на дорогу. Жена усомнилась в целесообразности поездки. А я ей говорю: если это от Господа, то деньги будут, не знаю, откуда, но будут. И вот время подходит, нужно покупать билеты, а денег нет. И в самый последний день один брат из нашей церкви (он был, говоря по-современному, небольшим бизнесменом) отзывает меня в сторону и говорит: «Три ночи спать не могу, Господь сказал мне помочь тебе финансами». – «Ну, что же, – говорю, – давай их сюда, не мучайся!» Брат протягивает мне деньги, смотрю на них: на дорогу в одну сторону в Одессу будет достаточно.

Сердечно благодарю, иду тут же покупать билет. На обратную дорогу денег по-прежнему нет, но уповаю на Господа. И вот нужно уже ехать. И тут вдруг опять подбегает ко мне тот же брат и почему-то просит прощения. Я никак не возьму в толк, в чем дело. А он меня чуть ли не умоляет: «Прости! Я ведь тебе отдал только половину той суммы, которой мне велел поделиться с тобой Господь, прости Христа ради!»

Велика сила Божья, познавайте Его волю в своей жизни, и никогда не будете оставлены Им!

– Большое спасибо за интервью!

БАПТИСТ, ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Агафонов Леонид Филиппович, Панченко Иван Григорьевич, Юркевич Иван Романович, Дерябин Николай Васильевич, Бабич Николай Дмитриевич, Гавеловский Николай Николаевич

– Дорогие братья, расскажите, пожалуйста, о наиболее интересных и значимых событиях в вашей христианской жизни в бывшем Советском Союзе.

А.Л.Ф.: Я родом из Молдавии, из верующей семьи. Крещение принял в 1956 году в церкви города Унгены. Особенностью нашей поместной общины было то, что мы собирались вместе с пятидесятниками. Ведь после войны у советских баптистов был официально общий Союз с пятидесятниками. Мы относились друг к другу уважительно, жили в мире, стараясь избегать крайних взглядов. Когда в начале 1960-х годов в братстве случился раскол, то у нас в Молдавии многие обратили внимание на то, что разделение произошло преиму-

щественно в тех общинах, где активно исполнялись предписания Инструктивного письма из ВСЕХБ (не пускали детей на собрания и проч.), а где пресвитеры церквей проявили мудрость и никому даже не показывали тот печально известный документ, там сохранилось единство. Думаю, это та духовная польза, которую мы можем извлечь из событий прошлого.

В 1974 году я переехал в Кишинев и стал там членом центральной церкви ЕХБ. Вскоре меня избрали на диаконское, а затем и на пресвитерское служение. И я совершал этот духовный труд с 1978 по 1992 годы, до момента своего выезда в Америку.

В начале 1980-х годов наша кишиневская церковь очень жертвенно строила большой молитвенный дом. Высокопоставленные атеисты, в лице городской власти, активно этому противились. Нас постоянно проверяли и придирались к любой мелочи. Одновременно нам всегда встречались и «тайные ученики», Никодимы, которые со всех сторон оказывали помощь. Нас предупреждали, что у властей есть план отнять строящееся здание и превратить его в очередной Дом пионеров. Однажды власти строительство церкви на два месяца заморозили, допытывались, где мы берем стройматериалы, сколько платим рабочим, и никак не могли поверить, что весь труд нашими братьями и сестрами совершался жертвенно, в свободное от основной работы время. Чтобы защитить прекрасное здание, мы много молились, постились, прося у Господа помощи и заступничества. И враг душ человеческих ничего не смог сделать, свою церковь мы, с Божьей помощью, отстояли!

П.И.Г.: Я родился в Краснодарском крае, однако в начале 1930-х годов наша семья перебралась на Ук-

раину, сначала в Черниговскую область, а затем в Киев. Во время войны оказался на оккупированной немцами территории. Поскольку в боевых действиях я не участвовал, после войны советская власть направила меня в трудовую армию – на работу в шахту в Макеевку. Позднее я трудился в Донецке, где получил тяжелую производственную травму и остался без рук. Вера в Бога (а тогда я уже ходил на собрания) помогла мне пережить этот очень трудный период в моей жизни. Лишившись рук, я неожиданно открыл в себе способности к живописи. Начал писать большие картины масляными красками, держа кисть протезом... Так меня утешил Господь.

В это время вернулись из лагерей многие благословенные служители нашего братства, началось новое духовное пробуждение. В Донецке в конце 1950-х годов действовало уже семь общин евангельских христиан-баптистов. Пресвитером в нашей церкви был замечательный брат, Кияшко Дмитрий Семенович, герой Советского Союза. О нем не раз писали в военных мемуарах его командиры.*

* Например, в книге К.С. Москаленко «На Юго-Западном направлении, 1943-1945. Воспоминания командарма» (М.: Наука, 1973) есть такое свидетельство: «Деревня Лавровка на противоположном берегу [Южного Буга] казалась вымершей, но бойцы знали, что там притаился враг. Именно туда нужно было перебросить и закрепить трос для переправы. Сделать это вызвался рядовой Дмитрий Семенович Кияшко, полтавчанин. Он уже не раз в предшествующих боях проявил смелость, находчивость и хладнокровие при исполнении боевых заданий. Так действовал Кияшко и теперь. На маленькой лодке он бесшумно отчалил от берега и скрылся в темноте. Разыгравшаяся снежная буря благоприятствовала ему. Однако на самой середине полноводной реки порывистый ветер вырвал из рук весло, и стремительное течение унесло его. Кияшко не растерялся, принялся грести руками.

Дмитрий Семенович был верующим еще до войны, его призвали из Полтавы. Свой подвиг он совершил при форсировании Буга без единого выстрела, а с молитвою, «как прилично святым». Дмитрий Семенович попросил Бога указать ему наилучшее место для переправы, затем под покровом темноты переплыл реку на лодке, протянув через нее длинный трос. По милости Божьей, никто из немецких часовых его не заметил…

Когда неожиданная переправа солдат на многих плотах была уже завершена, а немцы вынужденно отступили, Дмитрию Семеновичу командиры сообщили, что он представлен к званию героя Советского Союза. Причем, непосредственный командир знал, что Кияшко – баптист (поэтому, возможно, ему и поручили столь трудное и рискованное задание), а вышестоящие офицеры, конечно, ничего не знали о его религиозных убеждениях. Поэтому, когда дело выяснилось, Дмитрия Семеновича «комиссары» всячески уговаривали отречься от Бога, чтобы быть уже «настоящим советским героем». А как только Кияшко категорически отказался стать вероотступником, советская власть сразу же показала свое истинное лицо: Дмитрия Семеновича вовсе оставили без награды, как будто никакого подвига не было. Правда, бедствующей в тылу семье Кияшко, жене и малым детям, государством была оказана некоторая помощь, но не более того. Главная же награда нашему брату, я верю, будет на небесах, за то, что он проявил подлинную верность Богу и не про-

---

И вот днище лодки, наконец, зашуршало по прибрежному песку. Буквально в сотне шагов от вражеского дзота бесстрашный воин, действуя по-прежнему бесшумно, надежно закрепил трос, облегчавший форсирование. Тотчас же от восточного берега отчалили плоты…» – *Прим. редактора.*

менял служение Господу Иисусу Христу («вифлеемскую звезду»!) на самую соблазнительную звезду земного героя…

Ю.И.Р.: Я родился в Новосибирской области в многодетной верующей семье. С детства слышал о Господе Иисусе Христе от своих родителей, но далеко не сразу стал частицей Его Тела-Церкви.

В 1942 году меня призвали в армию и отправили на фронт. Здесь я много раз взывал к Богу, и Он был близок ко мне: много раз попадал в такие ужасные боевые ситуации, когда всех или почти всех солдат рядом убивало, а я почему-то вновь оставался в живых… После победы, в 1945 году, вернулся домой. Мои родные сестры были уже тогда членами церкви, и это тоже побудило меня к скорому покаянию. Мне было, за что просить у Бога прощения и за что благодарить Его. Крестился я в Новосибирской церкви в 1946 году, а затем целых пятьдесят лет пел в хоре, прославляя моего Спасителя в христианских песнопениях.

Работу себе нашел в геологии. Мы проводили изыскания для нужд железной дороги. Мне эта работа очень нравилась, потому что у меня была возможность постоянно путешествовать и во время командировок посещать многие церкви нашего братства, от Урала до Дальнего Востока, и даже каким-то образом участвовать в их музыкальном служении. Хотя в сталинские и хрущевские времена это было не так-то просто.

Помню, долгое время под запретом был известный евангельский гимн «Над родиной нашей восходит заря». Во многих общинах о Христе боялись сказать: «Царь царей», – ведь с монархией в СССР было покончено, имелись одни председатели… Вот такие мы пережили времена.

Позднее я переехал в Алма-Ату, где жил и служил Господу до самого момента переселения в Америку. В своей христианской жизни мне довелось быть и членом регистрированной общины, и «отделенной». Однако я всегда поддерживал тех братьев, которые не осуждают ни одну и ни другую сторону в том старом внутрицерковном конфликте.

Господь всем судья, Он нас справедливо рассудит! Нам же сказано в Слове Божьем: «Не судите, да не судимы будете»...

Д.Н.В.: Все рассказывают, прежде всего, о том, где они родились, а у меня в этом смысле довольно необычная история. Я появился на свет на севере Китая, в русской христианской семье. Мои родители в 1932 году бежали туда от насилия и голода, сопутствовавших бесчеловечной коллективизации в Казахстане.* А в 1954 году, после смерти Сталина и начала освоения целинных земель в СССР, наша семья вернулась в Казахстан. Там меня почти сразу призвали в армию, а после службы я поселился в Алма-Ате.

Хотя по-настоящему уверовал в Бога только в 1980-м году, я и раньше время от времени посещал собрания, женился на девушке из верующей семьи, иногда молился. Когда же началось строительство молитвенного дома центральной Алма-Атинской церкви, Господь расположил мое сердце участвовать в этом труде.

* Особенностью коллективизации в Казахстане стал насильственный перевод кочевых казахских семей на оседлый образ жизни и последующее искусственное их объединение в колхозы. Подобного рода социальные эксперименты привели к ужасному голоду, известному в исторической литературе под названием «казахстанской трагедии» (в 1932-1933 гг., по оценкам современных историков, погибло 30% – 40% населения Казахстана). – *Прим. редактора.*

Я начинал работу еще не вполне верующим, но уже ищущим Бога, а в результате принял крещение в первой же группе новообращенных, в только что сделанном нами баптистерии! Это была великая радость не только для меня, знавшего о Боге с детства, но и, конечно, для моей матери, которая всю жизнь молилась о моем обращении и спасении. К сожалению, отец не дожил до того дня… А уже через несколько лет меня рукоположили на диаконское служение, и я долгое время отвечал в церкви за хозяйственную работу. Такой труд тоже необходим в общине.

Б.Н.Д.: Я уроженец Новосибирской области, родился в тайге, на хуторе, вдали от цивилизации, которая в тех краях просматривалась только где-нибудь рядом с железной дорогой. Когда подрос, мои родители переехали ближе к Новосибирску, на станцию Инская, где я получил возможность учиться.

Уверовал я в 1949 году через свидетельство о Господе своих соседей. Стал ходить в местную маленькую баптистскую общину на собрания, но членом церкви еще не был несколько лет, поскольку молодых людей тогда, из страха перед властями, почти не крестили. Так я и ушел в армию. Вернувшись после службы, я очень хотел креститься. И, наконец, это произошло в 1955 году: меня, по настойчивости моей, тайно крестили, там же в Инской, под покровом ночи… В нашей общине были тогда одни старички, однако они меня твердо наставили в главных истинах христианской веры, за что я им премного благодарен.

Нам с супругой Господь подарил тринадцать детей, и жили мы при советской власти весьма небогато. Я работал кочегаром, а все свободное время отдавал церкви (мы тогда с семьей переехали уже на постоян-

ное жительство в Алма-Ату). И вот однажды произошел такой удивительный случай, который хорошо показывает милость Божью к верующим в Него. Однажды один пожилой брат из нашей церкви принес ко мне в дом несколько сумок с продуктами. Мы с семьей были ему очень благодарны за такую помощь. А брат этот взволнованно рассказывает, как Господь его побудил к нам придти. «Проснулся, – говорит, – утром оттого, что голубь сел мне на грудь. Удивительное дело! И вот, как написано у апостола Павла, – вдруг слышу слова неизреченные, вроде нет никого, а будто голос звучит в моих ушах: „Встань и посети Николая!“ – „Да, Господи!“ – тут же вскочил я на ноги. А ведь у Николая, думаю, детей целая армия, надо бы что-то взять с собой…» Так Господь постоянно и щедро заботился о нашей семье.

В Алма-Атинской церкви я долгое время нес труд регента, а затем был рукоположен сначала на диаконское, а позднее – на пресвитерское служение. Хотя всегда чувствовал себя недостойным такой чести, все же боялся противиться воле Божьей. Мне запомнились слова рукополагавшего меня старшего пресвитера по Казахстану Ф.Г. Тиссена: «Жертву не спрашивают о ее желании, а берут за рога и ведут к жертвеннику…» Так, по-видимому, со мной и было.

Г.Н.Н.: А я родился в прекрасном украинском селе, в Николаевской области. В нашей местности была очень хорошая, живая евангельская община, около ста человек. Однако перед войной коммунисты церковь закрыли, а в селе организовали колхоз, из которого практически невозможно было вырваться, переехать в другое место. С раннего детства я работал в колхозе, это был беспросветный рабский труд. И вот так слу-

чилось, что я еще мальчишкой тяжело заболел полиартритом, и потому больше не мог выполнять обычную колхозную работу. Тогда мы с матерью смогли перебраться в город Вознесенск (в той же Николаевской области), где я проходил длительное лечение, однако уже в шестнадцать лет все равно получил первую группу инвалидности.

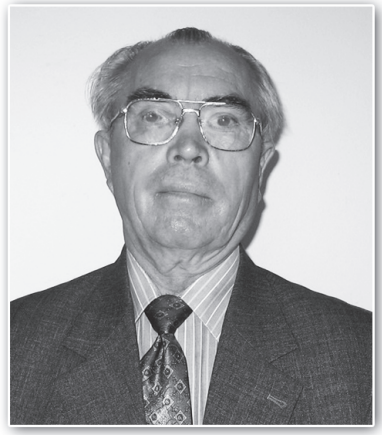
В Господа Иисуса Христа я уверовал в 1964 году и сразу же стал петь в церковном хоре. В то же время, перенеся несколько сложных хирургических операций, я, с Божьей помощью, смог успешно окончить школу бухгалтеров, начал работать, а вскоре и женился. Три года я ждал разрешения креститься, и, наконец, стал членом церкви в Вознесенске. Однако радость от этого события вскоре омрачилась моим увольнением с бухгалтерской работы из-за моих религиозных убеждений, после чего девять месяцев я не мог найти себе другую работу, навсегда получив ярлык «штунды». Это был особенно трудный период в жизни, хотя меня и позднее увольняли еще не раз. Советская власть не оставила без наказания даже инвалида!

В 1970 году я вместе семьей переехал на постоянное жительство в Одессу, где мы стали членами центральной церкви ЕХБ. Моим служением Богу было, прежде всего, пение в хоре, от чего я всегда испытывал огромную радость и духовное удовлетворение. Оглядываясь на прожитую жизнь, сегодня она мне видится каким-то одним непрерывным чудом. Ведь люди с такой болезнью, как у меня, обычно не могут делать ничего, их даже кормят, как детей, с ложечки. А мне Бог дал силы и способность работать, иметь семью, водить машину, и многое-многое другое. Слава Ему за все!

– Большое спасибо за интервью!

«СИЛА, КОТОРАЯ В ПЕТРЕ, – БОЛЬШЕ...»

Чумакин Петр Александрович



– Уважаемый Петр Александрович, пожалуйста, расскажите, о Вашем жизненном пути, а также служении, которое Вы совершали в церкви в советское время.

Я уверовал в Бога в 1953 году в Казахстане. Жили мы тогда в Павлодаре. Крещение принял в 1956 году, когда мне было всего восемнадцать лет. В те годы принимать в церковь молодежь власти не разрешали, поэтому крещение наше состоялось глубокой ночью, в притоке Иртыша. Это священнодействие совершил наш пресвитер Степан Васильевич, ему было тогда уже семьдесят пять лет, из которых восемнадцать лет он провел в лагерях за веру в Господа Христа. Власти гро-

зили Степану Васильевичу дать еще десять лет, а он лишь посмеивался: «Какие они добрые, хотят мне еще жизнь продлить!» И вот мы, несколько человек из новообращенных, были тайно крещены и присоединились к поместной церкви.

Затем меня избрали руководителем молодежи, одновременно я начал проповедовать и петь в хоре, выучился играть на мандолине (у нас тогда был организован небольшой струнный оркестр). В те годы церковь переживала немалые трудности. Атеисты нас притесняли, препятствовали общению христианской молодежи, поэтому нам приходилось постоянно менять адреса домашних собраний. Однажды офицер КГБ забрал у меня Библию, а затем стал шантажировать: предлагал вернуть Святое Писание, если я буду сотрудничать с «органами». А у меня тогда только у одного из всей молодежи была Библия! Я помолился и отказался подписывать предложенную мне бумагу. С Библией я уже мысленно попрощался. Однако этот офицер неожиданно мне ее вернул, забрал только конспекты проповедей, которые лежали между страничками…

В другой раз, в конце 1950-х годов, меня вместе с одним братом посадили в камеру предварительного заключения за то, что мы с проповедью Евангелия посетили Алтайский край. Рядом с нами, в соседних камерах, находились в основном горькие пьяницы, подобранные милицией на улицах.

Мы с братом – и для свидетельства окружающим, и для собственного ободрения – спели несколько христианских гимнов. Когда милиционеры хотели прервать пение, то другие заключенные за нас заступились: «Пусть поют, раз душа просит! Надо же, уже и артистов арестовывают…»

– Как совершались раньше богослужения? Была ли возможность у ваших пресвитеров и проповедников где-то учиться? Как обстояло дело в ваших краях с христианской литературой?

Собрания в те годы проходили в большой простоте. Проповедник должен был готовиться к проповеди всегда, потому что мы узнавали о том, кто будет участвовать в служении лишь перед самым началом собрания. Пасху начинали праздновать в четыре часа утра. Это считалось уже первым утренним собранием. Основывались на том, что написано в Евангелие: жены-мироносицы пошли ко Гробу Христа «весьма рано», «когда было еще темно». Братья и сестры из сельской местности съезжались уже накануне, спали до трех часов ночи, а затем поднимались и спешили к четырем часам на собрание. Ревность в служении Господу у нас была великой!

День рождения любого брата или сестры мы старались использовать для многолюдного христианского общения. Ставили на стол домашнюю пищу, чай, и начинали служение. Если приходили дружинники или милиция (а они обычно приходили), мы сразу показывали им паспорт именинника, и тогда нас, как правило, оставляли в покое.

В 1968 году я с семьей переехал в Алма-Ату, где мне так же поручили служение руководителя молодежи. Вместе с другими братьями мы организовали тайную Библейскую школу для юных проповедников, в которой использовали материалы ЗБК (Заочных библейских курсов в Москве). Переписывали их от руки, перепечатывали на пишущей машинке, фотографировали… Желание учиться тогда было несравнимое с сегодняшним. Например, я сам подал заявление на

учебу в ЗБК еще в 1968 году, а затем ждал своей очереди ни много, ни мало – до 1978 года! Наборы были тогда небольшими, а желали учиться братья со всей страны, вот мы и дожидались возможности стать «курсантами» по десять лет и более.

Что касается литературы, то нам, прежде всего, катастрофически не хватало Библий. Многие из нас переписывали от руки полностью Новый Завет или, по крайней мере, Евангелия, заучивали наизусть целые послания апостола Павла. Помню такой случай, когда верующая семья в сельской местности предлагала одному нашему служителю за Библию – целую корову…

Позднее к нам стала поступать литература через Совет Церквей. Мы, в свою очередь, помогали им бумагой, финансами, перевозили и прятали книги и журналы в своих домах. В этих вопросах мы с «отделенными» обычно находили взаимопонимание.

Совсем немного христианской литературы получали из Москвы, от ВСЕХБ. А еще у нас был следующий весьма необычный источник поступлений: когда сотрудники милиции и КГБ отнимали у кого-то из верующих людей книги и журналы, то часть этой литературы вскоре по вполне понятным причинам оказывалась в продаже на местных рынках. И бывали случаи, когда мы находили и покупали свои же книги…

– Вы упомянули разделение в братстве. Как этот болезненный процесс происходил в тех местах, где жили и совершали служение Вы? И еще: как часто на Вашей памяти бывали случаи вероотступничества?

Когда в 1960-е годы в братстве началось разделение, у нас в Павлодаре тоже вышли, кажется, семеро членов церкви (а всего в общине тогда было около ста

пятидесяти человек). Вскоре троих из этих отделившихся братьев посадили, они просидели полгода и затем попали под амнистию. Их встретили как героев, провели торжественные собрания, вручили им сплетенные из шиповника венки... Я никогда этого не понимал. Братья старшего поколения (и мой отец, в частности) отсидели за веру намного большие сроки, лишились всего имущества в годы коллективизации, но никогда их в общинах так не встречали, не создавали им никакого особенного ореола славы.

В наших церквах осуждали крайности отделенных. Когда некоторые из них отказывались от паспортов, писали требования к властям, ездили в крупные города устраивать демонстрации, – мы их в этом никогда не поддерживали. Хотя и наши, официально зарегистрированные общины, тоже выступали против вмешательства властей в жизнь церкви. Все мы тогда испытывали в атеистической стране огромное давление на работе, а наши дети – в советской школе, всех нас терзал КГБ. Мне, как руководителю молодежи, что только «органы» ни предлагали: и благоустроенную квартиру, и машину, и путевки на курорт... Но, с помощью Господа, выстояли, церкви сохранили, веру передали детям и внукам. А что касается падших, или вероотступников, то таковые были и у «регистрированных», и у «отделенных». Господь всех рассудит.

Но даже и те, кто, поддавшись нажиму, испугались и дали согласие на сотрудничество с КГБ, не обязательно были погибшими людьми. В наших краях был такой случай. Один очень ревностный брат работал на железной дороге и как-то в спешке выгружал из вагона мешки с мукой. А в это время шел дождь, и мука немного подмокла. За такую небрежность брату реально угрожал тюремный срок. Тогда он приехал на собра-

ние в церковь и рассказал о своей беде. Все расположились сердцем и решили ему помочь: быстро раскупили подмокшую муку по цене самого высокого сорта. Брат отдал деньги начальству, а ему вдруг сообщили, что заводят на него уголовное дело, поскольку он продал товар не по назначению. Эта мука предназначалась для работников железной дороги…

Вскоре брата вызвали в КГБ и поставили перед выбором: пять лет лагерей или подписка о сотрудничестве. Брат проявил слабость и подписал. Его отпустили. Он, мучаемый совестью, поспешил в церковь, где все рассказал служителям, попросил прощения и сразу же переехал в другой город. Конечно, КГБ и там его не оставил, брат еще несколько раз менял место жительства, пока не умер. Вместе с тем, свидетельства церкви о нем были всегда добрые, брат действительно страдал и переживал из-за однажды допущенного малодушия.

А бывали и другие случаи, когда люди не просто отпадали от церкви, а еще и желали участвовать в антирелигиозной пропаганде, писали мерзкие статьи в коммунистические газеты. Помню одного отпавшего, который даже предъявил нашему братскому совету требование вернуть ему деньги (добровольные пожертвования), которые он внес в церковную сокровищницу за время своего членства в общине. Братья рассудили это необычное дело так: пусть сначала принесет заверенную справку, с точным указанием всех сумм своих пожертвований, и тогда деньги ему вернем…

– Доводилось ли Вам когда-нибудь участвовать в диспутах с лекторами-атеистами или, быть может, защищать христианскую веру при других обстоятельствах?

Однажды на заводе в Павлодаре, где я работал токарем, читали атеистическую лекцию. Правда, меня тогда на месте не было, но мне вскоре пересказали, как проходила беседа лектора с рабочими. Тот, в частности, с укоризною в голосе сказал, что, дескать, и в вашем прекрасном трудовом коллективе до сих пор имеется верующий человек, к тому же баптист, и что надо бы его поскорее перевоспитать. И тут поднялся на ноги один мой хороший знакомый, могучего телосложения бульдозерист, и громко говорит: «Кого вы хотите перевоспитать? Это единственный среди нас человек, который не пьет, никого не обманывает и честно работает… И кому будет лучше, если мы его перевоспитаем, и он станет таким же, как мы?!» Все рабочие зашумели, засмеялись, и атеистическая лекция с треском провалилась.

А еще на нашем предприятии работал человек, который был тесно связан с нечистой силой. Его звали Яшей. И вот время от времени этот Яша демонстрировал свои демонические способности. Много раз приглашал он на такие вечера и меня, но я отказывался. Однако, даже зная о моей вере в Бога, Яше почему-то очень хотелось показать свою силу при мне. Возможно, его раздражало то, что я ему не раз говорил, что в моем присутствии у него ничего не получится, потому что христианская молитва сильнее его чар.

И вот однажды сослуживцы все-таки уговорили меня пойти на очередное представление, которое давал Яша. Рядом с заводом находилась чья-то квартира, где он показывал свои фокусы. Там был деревянный стол, который этот колдун без прикосновения рук вертел, как хотел, чему уже десятки людей были свидетелями. Войдя в ту квартиру, я все время безостановочно мысленно молился, прося помощи у Бога. Мне было жаль

многих рабочих, находившихся под влиянием Яши. Несколько человек из нас (включая меня) сели за стол и положили сверху руки, как того потребовал колдун. Он тут же начал свои заклинания. Вдруг чувствую: стол начинает явственно давить на мои руки, словно хочет взлететь под потолок. Я усиливаю молитвы, повторяю про себя стихи Писания против сил сатанинских, чувствую, как напряглись все мои жилы. Яша стал нервничать, побледнел и вскоре начал изнемогать, стол его сегодня не слушался! Это духовное сражение длилось всего несколько минут. Однако я тоже очень устал, только виду старался не подавать.

Тогда кто-то предложил вывести меня из комнаты и задавать столу вопросы, на которые тот уже много раз прежде отвечал стуком своих деревянных ножек. Вопросы были, например, такие: сколько лет моему сыну, сколько окон в моем доме и т.п. Как только я удалился из комнаты, у Яши дело тут же пошло: все мы слышали довольно громкий стук, и рабочие говорили, что все ответы правильные. Тогда колдун приободрился, и стал просить, чтобы какой-нибудь вопрос задал и я. Мне это было не по сердцу, однако наша духовная брань ведь еще не окончилась. Тогда, по побуждению свыше, я говорю Яше: «Хорошо, я задам несколько вопросов, и ты увидишь, что все ответы будут неправильными, потому что мой Бог сильнее!» Твердая уверенность была у меня в сердце в тот момент. Так и случилось: на все мои вопросы стол барабанил безостановочно, стремясь к абсурдно завышенным числам, по сути, не прекращая свой стук до тех пор, пока Яша уже в отчаянии не начинал кричать на него…

Когда, наконец, все присутствующие стали расходиться по домам, я услышал, как рабочие говорили:

«Сила, которая в Петре, – больше той, которая в Яше...» А я прославил Бога за эту победу!

– Спасибо за такое свидетельство. А каким образом Вы оказались в Талды-Кургане?

В 1975 году меня избрали на пресвитерское служение в Талды-Курганской общине. Там прежде пастырское служение нес мой отец, и вот после его смерти церковь решила пригласить сына. Отец был для меня всегда примером настоящего христианина. Даже будучи призванным в армию в годы Великой Отечественной войны, отец усиленно молился, чтобы ему не участвовать в кровопролитии, и Бог эту просьбу услышал: командиры направили его в санитарную часть. Став медбратом, отец выносил с поля боя раненых. Бывали случаи, когда он, по велению христианского сердца, оказывал помощь и раненным немцам. Увидев приближающегося русского солдата, те с ужасом думали, что пришло время смерти, но мой отец спокойно открывал медицинскую сумку, доставал бинты и начинал их перевязывать...

– И последний вопрос: если можно, расскажите, пожалуйста, немного о том, что произошло с Вашим верующим сыном в армии?

Мой сын Борис родился в 1961 году, принял крещение в восемнадцать лет и, когда его призвали в армию, был уже проповедником. Служил он на Севере, в Печоре, в стройбате. В своих письмах он рассказывал нам, что его неоднократно преследовали за религиозные убеждения. Примерно через полгода после призыва Бориса к нам домой пришла телеграмма, в которой

сообщалось, что наш сын погиб, и смерть якобы произошла из-за поражения электрическим током. Я сразу же поехал в воинскую часть. Как выяснилось, уже до моего приезда там почему-то сменили всех командиров. К кому я ни обращался, никто ничего не знал, один лишь офицер ходил по части пьяный. Когда я, наконец, через два дня смог получить доступ к телу сына, то увидел его совершенно искалеченным, изрубленным (саперными лопатками, – как я потом узнал). То есть официальная версия смерти Бориса была насквозь лживой. Лицо моего сына оставалось светлым, совсем не таким, как у людей, погибших от удара током.

Из частных бесед с солдатами, сослуживцами моего сына, мне удалось выяснить, что Борису из-за конфликта на религиозной почве несколько раз угрожали уроженцы из Средней Азии, служившие в той же части. Военный следователь обещал мне во всем тщательно разобраться, но это были пустые слова. Сына я увез домой в Талды-Курган, и там мы его похоронили, прежде выставив тело в открытом гробу.

На траурном служении, при большом стечении народа, я прямо заявил, что эта смерть – не от тока... Сотрудники КГБ после этого пытались со мной беседовать, убеждали, что нужно больше доверять официальному заключению «специалистов», но я им в ответ решительно сказал, что могу пригласить независимых специалистов из Москвы, и правда тогда все равно откроется. После такого разговора КГБ меня больше не беспокоил. Мы же с семьей, помолившись, не стали никого вызывать, не стали никуда обращаться, предав и эту нашу беду в руки Господа.

– Большое спасибо за интервью!

«ВЫ, НАВЕРНОЕ, БАПТИСТ?..»

Гавеловские Вилли Николаевич и Людмила Михайловна, Васильевы Василий Терентьевич и Раиса Филипповна

– Дорогие братья и сестры, просим вас поделиться воспоминаниями о жизни и служении Господу Иисусу Христу в бывшем СССР. Что бы вы хотели передать молодому поколению христиан?

Г.В.Н.: В конце 1950-х годов, когда я учился в Николаеве, один парень из нашего училища принес в общежитие Евангелие и стал всем вслух что-то из него зачитывать. Это была моя первая встреча со Словом Божьим, если не считать раннего детства. Кто-то слушал внимательно, кто-то насмешливо, а я просто впитывал, как губка, все слова Христа. Ведь мама моя была верующей, и это не могло для меня пройти бесследно. Я выпросил у того парня Евангелие, чтобы

почитать его. Моего сердца коснулась божественная истина о том, что у всех живущих на земле есть Отец небесный. Сам я рос без отца, а в четырнадцать лет уехал и от матери (на учебу). Мне очень не хватало родительской любви, и я нашел ее в Боге. Помню, как преклонил колени и слезно раскаялся во всех грехах перед Спасителем Иисусом Христом. Мне сразу же стало легко и радостно на душе, и я поспешил поделиться свидетельством о Боге с друзьями по общежитию. Однако они, увы, как это часто бывает, только посмеялись надо мной.

Евангелие у меня вскоре забрали, а мне очень хотелось иметь свое. Я стал каждый день молиться об этом, расспрашивал знакомых верующих людей. И вот мне подсказали: там-то живет одинокая неверующая женщина; возможно, у нее получится приобрести Евангелие, потому что у нее недавно умер муж, который служил Богу. А я как раз хорошо заработал, у меня были деньги. Я поспешил по указанному адресу и буквально умолял ту вдову мне помочь. Ее сердце расположилось, и она дала мне не только Евангелие, но и едва ли не целую библиотеку старых христианских книг и журналов… Живя в стране воинствующего атеизма, я о таком чуде не смел даже мечтать. Так Господь щедро ответил на мои пылкие юношеские молитвы.

В церкви Николаева меня избрали руководителем молодежи, и я погрузился с головой в духовный труд. Однако такая счастливая жизнь продолжалась недолго, потому что вскоре меня призвали в армию. Служба у меня, как и у многих верующих людей, проходила непросто. Советский Союз устремился в коммунистическое будущее, а я не скрывал своей веры в Бога, постоянно пел христианские гимны и при каждой удобной возможности рассказывал своим сослуживцам об

Иисусе Христе. Больше всех меня за это возненавидел замполит. Он постоянно устраивал обыск моих личных вещей, надеясь найти Евангелие, прочитывал все письма, которые я посылал домой, старался загрузить меня самой черной работой. Но настоящее столкновение с этим коммунистом произошло у нас тогда, когда через мое свидетельство о Христе уверовал и стал молиться еще один солдат из нашей роты.

Точнее сказать, замполит не знал, кто именно уверовал. Он выхватил из моих рук очередное письмо, в котором я неосторожно делился со своей невестой радостной новостью о покаянии сослуживца (не называя, конечно, его по имени). Замполит был в ярости: мало того, что сам – «религиозник», еще и комсомольцев совращает... И начались ежедневные многочасовые допросы: «кто уверовал?», «когда это случилось?», «при каких обстоятельствах?», «признавайся! говори! ...а не то мы тебя...» Помню, через две недели допросов я был уже как выжатый лимон.

Зашел в мастерскую к сапожнику (на территории части), это был добрый человек средних лет, с которым я тоже не раз беседовал о Боге. Сел рядом с ним на табурет, прикрыл глаза и прошептал: «Как я устал от этого замполита!» Сапожник же мне весело улыбнулся, а потом и вовсе расхохотался. Я удивленно спросил его, что случилось. А он мне и говорит: «Только что у меня на этом месте сидел замполит и точно так же жаловался, что он очень устал от тебя!.. Крепись, вся часть уже знает о вашей схватке, мы молимся о тебе!» О, каким ободрением были тогда эти слова для меня, как я благодарил Господа! И вот прошло еще около двух недель, я был готов к тюрьме (замполит мне обещал пять лет), но тут вдруг за меня, по ведомой только Богу причине, вступился командир части, и дело тут

же закрыли. Несомненно, эта помощь была мне ниспослана свыше.

Запомнилась мне еще и следующая встреча с атеистами. Как-то в начале 1970-х годов, когда мы с семьей уже жили и служили Господу в Одессе, меня направили на атеистическую лекцию. Я отнесся к этому поручению серьезно: взял тетрадку, ручку, внимательно слушал лекцию и все тщательно конспектировал. Мое поведение на общем фоне выглядело очень необычным, ведь в те годы атеистические мероприятия проводились, как правило, формально, «ради галочки», людей на них приходило мало, да и те, кто приходил, больше тихо дремали, чем слушали. Вскоре лектор обратил на меня внимание и подозрительно спросил при всех:

– Молодой человек, что вы там все время пишете?

– Как что? – отвечаю я. – Записываю ваши замечательные мысли!

Однако лектор тот был, очевидно, тертым калачом, человеком опытным, он сам едва не засыпал на собственной лекции и потому сразу почувствовал: что-то здесь не так.

– Вы, молодой человек, наверное, баптист? – спросил он меня.

Все слушатели сразу проснулись. Я охотно признался, что последние слова лектора были правильными, а вот все остальное, что он говорил, – полный вздор. Теперь уже я был в центре внимания зала, и постарался использовать этот интерес слушателей во славу Господа. Верю, что в моем посещении той атеистической лекции был особый смысл и Промысел Божий…

Г.Л.М.: Я родилась в Вознесенске, недалеко от Одессы. Мои родители уверовали в Бога вскоре после того,

как у них родилась я. Всей семьей мы стали ходить в баптистскую церковь, вот только детей в то время на собрание не всегда пускали. Но, тем не менее, я получила доброе христианское воспитание. Передо мной в юности очень остро стоял вопрос, какую дорогу в жизни избрать. У меня были подруги и в церкви, и среди неверующих одноклассниц. И вот как-то приснился мне сон, будто идет по дороге множество людей, играет музыка, все веселы, и вдруг – развилка дорог. Большинство прохожих пошло по пути, который был украшен яркими призывными лозунгами и красивыми цветами, и совсем немногие избрали второй путь, неброский, со многими преградами. И тогда я помолилась Господу Иисусу и тоже сделала свой выбор: робко ступила на ту дорогу, где было совсем мало людей…

С тех пор я стала регулярно ходить в церковь. Когда Вилли вернулся из армии, мы вместе с ним приняли крещение. Было это уже в 1965 году, глубокой ночью. Наши служители в то время очень боялись крестить молодежь, потому что их могли за такое посадить. После крещения я испытала непередаваемая радость, ощутила особую живую связь с Богом, моим небесным Отцом. Так начинался мой христианский путь.

Однажды, в конце 1970-х годов, когда мы с Вилли жили уже в Одессе, в нашем доме проходил слет молодежных руководителей. Собрались около тридцати братьев из разных городов Советского Союза, встреча была очень насыщенной и содержательной. Мы приняли все возможные меры предосторожности, однако КГБ все равно узнал об этом слете. Вскоре в нашем доме провели обыск, и с тех пор наша семья попала под постоянное наблюдение. Просыпаемся утром – видим где-то неподалеку одни и те же лица, вечером возвращаемся с работы – та же картина. И настолько эти

соглядатаи нам надоели, особенно один из них, который почему-то неуклюже прятался в нашем дворе в кустах, что я однажды не выдержала, взяла ведро с грязной водой, оставшейся у меня после мытья посуды, подошла и выплеснула прямо на куст, за которым тот горе-сыщик притаился… На какое-то время это помогло, так близко к нам КГБ не лез.

Дом наш привлекал «органы» еще и потому, что некоторые гости привозили христианскую литературу. Среди наших верующих друзей в то время существовал своего рода шифр: когда мы получали письмо с добрыми христианскими пожеланиями и указанием ссылки на Священное Писание, то знали, что номер главы говорит о месяце, а номер стиха – о числе (дне), когда нам завезут литературу. Непосвященный человек не смог бы ничего понять… Однажды мы с Вилли были даже посредниками в перевозке в другой город каких-то деталей для печатной машины Совета Церквей. Было страшно в пути (мы ехали на машине), однако Господь миловал, никто посторонний ничего не узнал.

В.В.Т.: Моя мама уверовала через свидетельство своего дяди, который в 1920-е годы был проповедником и книгоношей в Новосибирской области. Затем, перед войной, все христианские общины были разорены и дома молитвы отобраны. В 1947 году наша семья по приглашению верующих родственников переехала в Казахстан. Мама всегда молилась и рассказывала мне о Боге, но меня долгое время притягивала к себе улица с ее далеко нехристианскими законами и нравами.

Обратился к Богу я уже после армии, в 1957 году, в Ташкентской баптистской церкви. Это была большая

дружная община, около тысячи человек. После покаяния я стал петь в церковном хоре. Крещение, помню, принимали в горной реке с обжигающе-ледяной водой. Но у всех крестившихся братьев и сестер было такое ликование в сердце, что вода совсем не казалась холодной.

Христианская молодежь в наше время была очень активной: мы регулярно посещали престарелых и больных членов церкви, вместе с ними молились, проводили домашние служения, сестры делали в их домах уборку, братья кололи дрова, носили воду… Это был очень нужный и благословенный труд, хотя пресвитеры и не раз предупреждали нас, что если власти об этом узнают, то могут строго наказать всю общину.

В хрущевские годы воздвигались всевозможные преграды для желающих вести христианский образ жизни, особенно если это были дети или подростки. Однако, с Божьей помощью, все преодолевали.

Как-то раз после одной христианской свадьбы милиция хотела задержать проповедника, призвавшего гостей к покаянию. Однако среди многих людей, шедших по улице, рядовые милиционеры не смогли его опознать и по ошибке схватили какого-то неверующего человека, который сразу начал сквернословить. Тогда старший из милиционеров раздраженно воскликнул: «Отпустите, это свой! Баптисты не матерятся…» На всю жизнь запомнились мне эти очень характерные для коммунистов слова! Вот ведь кто для них были свои, и кто чужие…

В.Р.Ф.: Я родилась в христианской семье в небольшом поселке возле Ташкента. В 1955 году отдала свое сердце Господу, и с тех пор стараюсь быть верной Его слугой. В восемнадцать лет приняла крещение, что в

те годы было редкостью. Узнав о моем возрасте, уполномоченный по религиозным культам безжалостно вычеркнул мою фамилию из списка допущенных церковью к крещению. Когда мне об этом сказали, я проплакала всю ночь, а утром, по какому-то внутреннему побуждению, все равно пошла на место сбора группы крещаемых. Ехать нужно было довольно далеко, да еще на грузовой машине, в открытом кузове. Причем, пресвитер предупредил всю общину, что нет ни одного свободного места, ехать могут только те, кто крестится или участвует в служении. Для перевозки людей пришло три машины. Меня не пропустили ни в первую, ни во вторую. Не хотели впускать и в третью, но вот когда грузовик уже трогался, я в отчаянии схватилась сбоку за его кузов и буквально повисла на нем. Увидев мое опасное положение, братья и сестры тут же схватили меня за руки и подняли к себе наверх. Пожурили, конечно. Но, главное, я была в машине!

Так я вскоре оказалась на берегу реки, где совершалось крещение. Тут я к своему ужасу увидела среди собравшихся зевак и уполномоченного. Казалось, никаких шансов у меня теперь нет. Однако когда священнодействие уже подходила к концу, я подбежала к берегу и громко воскликнула: «Братья и сестры, я тоже хочу принять крещение! Пожалуйста, разрешите мне!»

Наш пресвитер, всегда боявшийся властей, недовольно посмотрел на меня из воды, а

ему все братья и сестры дружно с берега говорят: «Крести ее, а то сильно шумит...» Многие в этот момент радостно засмеялись, и пресвитер вынужденно крестил и меня.

В начале 1980-х годов мы с семьей жили некоторое время в Липецке. Там существовала небольшая баптистская церковь, около ста человек. В общине этой было много духовных трудностей и проблем, внешние силы внесли в нее серьезный разлад. По сравнению со Средней Азией ситуация здесь была очень печальной. Местные власти открыто издевались над верующими людьми. Вскоре после того, как мы туда приехали, братья и сестры рассказали нам ужасную историю, которая произошла в их местности в 1980 году. Пресвитер из Усмани рано утром поехал на электричке, чтобы совершить хлебопреломление в соседнем селе и пропал. Его обезображенное тело с многочисленными следами зверских пыток нашли через несколько месяцев. Судя по длинной бороде (а пресвитер бороду не носил) и чрезвычайному истощению телу, его продолжительное время удерживали где-то в заключении. Официальное медицинское сообщение о смерти гласило, что пресвитер утонул в реке, однако найденная при нем Библия была внутри совершенно сухой (намокла лишь обложка)... Узнав все подробности дела, члены церкви назвали это казнью за веру в Иисуса Христа.

Вспоминая прошлое, и радостное, и печальное, нам ни в коем случае нельзя забывать кровь мучеников.

– Большое спасибо за интервью!

«Я ПРИНИМАЛ ВЕРУ В БОГА ПО ЛОЖКЕ В ДЕНЬ!»

Бондаренко Василий Данилович

– Уважаемый Василий Данилович, расскажите, пожалуйста, о Вашем детстве и юности, о том, как жили христиане в сталинские и более поздние времена.

Мои родители уверовали еще в начале 1920-х годов, во время великого евангельского пробуждения в России. Детство мое прошло в поселке Капитановка Кировоградской области. У нас была многодетная семья, и все мы получили прекрасное христианское воспитание. Никакого дурного слова нельзя было услышать в нашем доме.

А вот на улице верующим детям, конечно, доставалось. Пионеры и комсомольцы часто дразнили нас «штундой».

Помню ужасный голод 1932-1933 годов, когда от истощения умерли многие мои сверстники, с кем мы вместе играли на улице. В колхозных амбарах лежало зерно, но людям не давали ни зернышка – под угрозой расстрела, и потому они просто тихо умирали. Мне тогда было каких-нибудь шесть лет, но все те ужасы у меня до сих пор как будто стоят перед глазами. А затем начался террор 1936-1938 годов, когда по ночам исчезали люди, и больше уже о них никто и никогда не слышал. И вот чем старше я становился, тем сильнее ощущал свое несогласие с советскими порядками и внутренне всячески им сопротивлялся.

Все церкви в нашей местности перед войной были закрыты, однако верующие люди все равно собирались вместе, обычно по ночам, читали Священное Писание и потихоньку пели гимны. Собирались, конечно, и в нашем доме. Старые христианские песнопения, имеющие глубокое духовное содержание, вошли в мою детскую память настолько глубоко, что я их и сегодня прекрасно помню. Хотя учился я на отлично, сердце мое было отдано не советской школе, а этим тайным христианским собраниям.

Когда началась война, наша местность быстро была оккупирована немцами. Конечно, мы их тоже боялись, но то, что немцы разрешили открыть церкви и распустили ненавистные всем колхозы, было воспринято простыми людьми с искренней радостью. Молитвенные дома быстро наполнились народом. Из-за тягот военного времени люди особенно сильно потянулись к Богу.

Откуда-то из Польши появилась христианская литература на русском языке, из города в город стали ездить проповедники, что еще совсем недавно было немыслимо.

Я, будучи подростком, стал в это время петь в хоре и даже иногда проповедовать. Святое водное крещение принял в августе 1943 года, буквально под грохот канонады приближавшейся Красной Армии. С одной стороны, свобода наших собраний снова оказалась под угрозой, с другой стороны – и немцам в то время уже никто не был рад. Они отвратили от себя простых людей тем, что угоняли юношей и девушек на принудительные работы в Германию. Народ оказался между двух огней: зверствами «родной» советской власти и жестокостью фашизма.

– Насколько изменилось отношение властей к верующим людям после войны? Почему Вы поддержали движение Совета Церквей?

После войны у христиан появились некоторые возможности в проведении собраний. Открывались новые общины. Я в то время окончил медицинскую школу в Кировограде и активно посещал местную евангельско-баптистскую церковь. Однако тучи над нашим братством вскоре вновь стали сгущаться. Официальный Союз под управлением ВСЕХБ явно находился под сильным нажимом атеистической власти и не выражал интересы многих церквей, особенно тех, которые по разным причинам не получили государственной регистрации. Едва ли не половина братства существовала нелегально, собираясь по старинке по частным домам. А их за это нередко преследовали, штрафовали. И вот в такой атмосфере началось движение Инициативной группы, к которому я тоже сразу примкнул.

В то время я работал фельдшером на железнодорожном вокзале, многие люди относились ко мне уважительно.

Когда в местных коммунистических газетах появились «страшные истории» про баптистов, упоминая, в том числе, и мое скромное имя, то некоторые знакомые по наивности спрашивали: «Неужели все это правда, что пишут про вас?» – «Правда, – обычно отвечал я им, – моя фамилия правильно написана, а вот остальное...» В конце 1962 года меня арестовали и дали пять лет заключения плюс пять лет ссылки за незаконную религиозную деятельность. Моего родного брата Иосифа посадили еще раньше меня. Вообще, это было время очень сильного наступления на Церковь, тогда пострадали многие сотни ревностных христиан. Хрущев обещал показать последнего верующего по телевизору, но Бог решил иначе, и вскоре самого Хрущева представили по телевидению и в газетах едва ли не как преступника. После его смещения с поста руководителя государства была объявлена амнистия, и я в числе других братьев и сестер получил свободу в 1965 году. Освобождение оказалось для меня совершенно неожиданным. Конечно, с одной стороны, это была большая

Иосиф Бондаренко: студент и заключенный

радость, а, с другой стороны, и немалое разочарование, потому что я много свидетельствовал в колонии, несколько человек покаялись, мы готовились к крещению, у нас там уже образовывалась своя маленькая община… Но Господь решил, очевидно, что на свободе я смогу больше послужить Ему.

Когда я вернулся в Кировоград, то испытал еще одну горечь: оказывается, государство нас, сторонников Совета Церквей, тогда реабилитировало, а официальный Союз (представленный ВСЕХБ) – нет. И баптистские церкви на местах, к сожалению, по-прежнему не имели мира. Таким образом, я продолжил служение в Кировоградской общине Совета Церквей, где меня в 1965 году рукоположили на пресвитера.

– Можно узнать, когда и почему Ваши пути с Советом Церквей разошлись?

В 1974 году я с семьей переехал в Прибалтику, а в 1977 году мы вышли из Совета Церквей, и вскоре наша община там стала «автономной». Проблемы во взаимоотношениях начались в 1969 году, когда Совет Церквей принял решение о том, что официальная регистрация общин, при определенных условиях, допустима, а затем вскоре передумал, занял крайнюю позицию и стал даже отлучать тех, кто успел зарегистрироваться! Такая непоследовательность и чрезмерная суровость по отношению к своим братьям оттолкнула от этого движения многих искренних его сторонников. Поэтому мы с Иосифом оказались в числе тех, кто перестал поддерживать Совет Церквей, и зарегистрировались автономно (чтобы не зависеть, в том числе, и от ВСЕХБ).

Иосифа в свое время отчислили с четвертого курса Института инженеров морского флота в Одессе из-за

того, что он отказался отречься от веры в Бога, после чего он неоднократно попадал в заключение, был известным по всей стране проповедником. И вот теперь мы оказались, по сути, чужими для Совета Церквей…

– Чем отличались богослужения во времена Вашей молодости от сегодняшних собраний?

Я бы, прежде всего, обратил внимание на пение. Старые евангельские гимны часто оказывались сильнее наших немощных проповедей, и люди нередко каялись, вслушиваясь в слова чудесных песнопений, оставленных нашими великими предшественниками. Конечно, Бог всегда воздвигал и замечательных проповедников в нашем братстве. Вот только профессионализм в слове и духовность – совсем не одно и то же. Людям необходимо видеть настоящую христианскую жизнь своих служителей и проповедников, а не только слышать красивые слова. Вот этого бы я и пожелал нашим сегодняшним общинам.

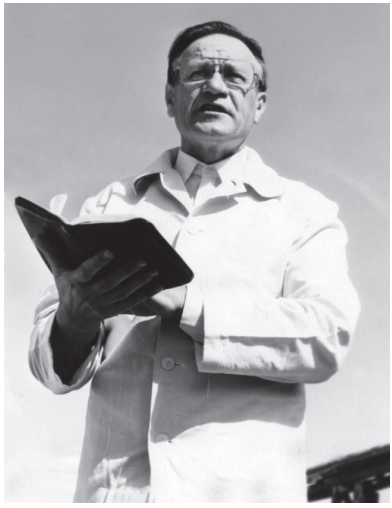
– Было ли какое-нибудь особенное событие в Вашей духовной жизни, которое Вы восприняли как чудо?

В 1987 году врачи мне поставили страшный диагноз: рак желудка, причем в крайне запущенной, безнадежной форме. Я мучался от боли день и ночь, сильно исхудал – одна кожа и кости, однако медицина того времени ничем не могла мне помочь. Разве что кое-как выделили койку в онкологической больнице. Но я от нее наотрез отказался, зная, что все равно с той койки – прямой путь на кладбище. Поэтому подписал отказ от операции, рассудив, что если и умирать, то лучше дома.

Вернувшись из больницы, я стал молиться и благодарить Бога за то, что Он дал мне вынести и коллективизацию, и войну, и тюрьму, и многое другое, от чего умерли десятки миллионов людей в этой стране, а я до сих пор был жив. Бог в Своей великой милости даровал мне увидеть не только детей, но и внуков. Чего большего можно желать? Господь и так был бесконечно снисходителен ко мне. И потому я не стал просить себе исцеления, а приготовился к смерти. Сын мой был тогда в армии, ему послали телеграмму, чтобы срочно приезжал, потому что его отец умирает...

А я между тем открыл 38-ю главу пророка Исайи и не спеша прочитал о смертельной болезни древнего царя Езекии. И вдруг мне приходит в голову мысль: Езекия был помилован Богом, неужели и я, съедаемый раком, мог бы остаться в живых?

Снова молюсь и говорю Господу: пусть исполнится то, что предусмотрено в Его плане обо мне, ведь я – всего лишь человек и не знаю, что для меня лучше, умереть или исцелиться. Лекарств никаких особых я не принимал, потому что и с лекарствами тогда все преспокойно умирали от рака. Несмотря на нестерпимую боль, отказался я и от наркотиков, поскольку не хотел к ним привыкать. Так прошли две недели.



В.Д. Бондаренко проповедует

И вот просыпаюсь как-то ночью от неожи-

данно появившегося у меня чувства голода. Боли в животе почему-то не чувствую. Вроде привык уже питаться через силу только жидкими кашками, а тут какое-то новое ощущение. И вот кое-как добираюсь до холодильника, заглядываю внутрь, а там лежит аппетитный кусок вареной колбасы. И подумалось мне: съем немного, все равно умирать…

Съел, и тут же лег обратно на кровать. На следующий день смотрю – почему-то не умер, тогда поел еще раз что-то неразрешенное мне. И, главное, – не чувствую боли! Жена тогда понемногу начала уже для меня готовить.

Вскоре я осознал, что смертельная болезнь отступила от меня без помощи врачей! Позднее мне рассказали, что церковь в Кировограде, узнав о болезни, молилась обо мне с постом. Конечно, молились и все близкие мои, молился я сам. Но исцеление, как я понимаю, пришло тогда, когда я не стал спорить с Богом, а согласился умереть, доверившись вполне Его воле. Я уже и завещание составил, и расписал порядок собственных похорон: кто будет проповедовать, кто петь…

И тогда Господь пожелал исцелить меня. Конечно, это было сильнейшее свидетельство и для врачей в больнице, которые меня в свое время обследовали, предлагали безнадежную операцию. Когда новые анализы показали, что желудок мой совершенно здоров, врачи и медсестры недоуменно обступили меня: что я принимал, как лечился…

И я им с радостью ответил: «Я принимал веру в Бога по ложке в день!»

– Большое спасибо за интервью!

ПРИГОВОРЕННЫЙ К РАССТРЕЛУ

Коливайко Михаил Михайлович и Седых Павел Вениаминович

– Уважаемые Михаил Михайлович и Павел Вениаминович, расскажите, пожалуйста, о событиях, которые вам особенно запомнились в вашем христианском служении.

К.М.М.: Я родился в 1926 году в Сибири, в Омской области, но большую часть своей жизни прожил в Иловайске, на Донбассе. До 1942 года я не знал Господа Иисуса Христа и, можно сказать, ничем не отличался от большинства советской молодежи сталинских лет. В конце 1941 года немцы захватили Донбасс, и наша семья оказалась на оккупированной территории. Верующим людям было разрешено собираться вместе для богослужений. У нас среди родственников оказа-

лись баптисты, поэтому мои родители решили сходить к ним на собрание, а я последовал за ними.

Баптистскую церковь Иловайска в то время посещали около ста пятидесяти человек, и, что примечательно, среди них было много молодежи. Мне это очень понравилось, у меня вскоре появились в церкви друзья. Мы вместе пели гимны, читали Слово Божье, играли во славу Господа на музыкальных инструментах. А летом 1943 года, перед самым окончанием оккупации, я принял святое крещение.

Вскоре пришла Красная Армия, и меня вместе со многими земляками сразу же мобилизовали. Нас гнали пешком, вслед наступающим войскам, километров по пятьдесят в день. Вокруг мы видели разрушенные селения, множество брошенных трупов, о таком даже страшно вспоминать... Наконец, остановились у какой-то деревни, где нас несколько дней учили ползать по-пластунски и кричать «ура!». На этом военная подготовка, собственно говоря, окончилась, и нам стали выдавать оружие. И тут я всерьез задумался: я ведь теперь верующий... как быть? Помолился Господу и отказался брать в руки винтовку. Вместе со мной такое же решение принял еще один молодой брат.

Нас с ним, конечно, тут же под арест. Стали строго допрашивать: кто такие, что за вера? Угрожали: девять граммов свинца для предателей не жалко... Затем наше дело передали в контрразведку СМЕРШ. Там с такими, как мы, долго не церемонились – через несколько дней нас уже судил военный трибунал. Сначала, как водится, приговорили к расстрелу, но затем вдруг выяснилось, что подсудимые – несовершеннолетние (нам было тогда по семнадцать лет), и тогда судьи проявили к нам милость: заменили расстрел десятью годами лагерей...

На этапе было человек двадцать. Нас повезли первоначально в донецкую тюрьму, но она оказалась переполненной, и тогда арестантов погнали пешком в Мариуполь. За три дня перехода мы так устали, что уже мечтали о тюрьме! Но и в Мариуполе принимать в тюрьму нас не очень-то хотели. И только когда начальник нашего конвоя пригрозил, что сейчас выведет в поле и расстреляет весь этап, начальник мариупольской тюрьмы, можно сказать, из сострадания поместил нас в камеру…

– Вот такая советская власть: люди мечтают о тюрьме, и туда берут из сострадания!

К.М.М.: Да, так и было. А затем из тюрьмы меня направили в небольшой лагерь, который еще даже не

Один из многочисленных лагерей

был оборудован, и там вместе с другими зеками я много работал, а спали мы всю первую зиму – в бушлатах, прямо на ледяной земле. Однажды проснулся посреди ночи и долго не мог подняться из-за того, что моя шапка примерзла к углу продуваемого ветром барака... Такие условия не все выдерживали, многие зеки умирали. Я тоже одно время был крайне истощен и уже даже не поднимался на проверки. Но мне всегда помогала вера в Бога. Я горячо молился, и Господь слышал меня. А еще у меня была с собой Библия, – мой отец, когда уверовал, выменял ее за полтора пуда муки, – и чтение Писания очень меня укрепляло духовно.

В лагере я рассказывал о Боге всем, кто только соглашался слушать. И Господь расположил сердце одного из охранников, он полюбил Слово Божье и вскоре уверовал, после чего он мне много помогал. Так, милостью Божьей, я продержался в том ужасном лагере самое трудное время. После войны стало немного легче, я даже частично попал под амнистию в связи с победой Советского Союза над Германией и отсидел в общей сложности шесть лет. Меня освободили в 1949 году.

С.П.В.: Я родился в селе неподалеку от Макеевки, в Донецкой области, в многодетной верующей семье. Мое детство пришлось на 1960-е годы, когда в СССР, как известно, было предпринято очень сильное наступление на религию со стороны атеистического государства. Поэтому в то время многие верующие люди предпочитали собираться по домам.

Помню, мне едва исполнилось пять или шесть лет, а у меня уже было свое маленькое служение: родители часто посылали встречать и провожать гостей в тот дом, где намечалось очередное христианское собрание.

В 1974 году, когда немного подрос, я принял крещение. У нас это делалось в то время после захода солнца. В зарегистрированных общинах священнодействия уже совершались днем, но в наших церквах по-прежнему крестили ночью, из-за опасения вмешательства властей. На следующий год, когда меня призвали в армию, я отказался принимать присягу, сказав своим командирам, что уже однажды присягнул Господу Иисусу Христу… Три месяца меня продержали под стражей. Затем отправили в стройбат, где, как баптиста (т.е. человека, который не ворует!), тут же назначили завскладом…

Так что наказанием для меня последующая служба не стала – вопреки всем угрозам, звучавшим в мой адрес ранее. Имел даже возможность нередко ходить по воскресеньям на собрание в местную баптистскую общину (я служил в Житомире). Это было для меня благословением Господним!

После армии я присоединился к движению так называемых «чистых» баптистов, руководителями которого в нашей местности, на Донбассе, были пресвитеры Алексей Федотович Зернов и Алексей Иванович Гаража, отсидевшие за веру в Христа в сталинское время очень много лет. Эти братья выступали против объединения баптистов с евангельскими христианами, пятидесятниками и другими течениями, т.е. против тех основных принципов, на которых был основан после войны ВСЕХБ. Такая позиция обосновывалась тем, что у каждой деноминации были свои серьезные богословские расхождения с баптистским вероучением, и искусственное объединение атеистическим государством всех в один Союз имело разрушительные последствия для поместных общин. Вместе с тем, и движение Совета Церквей у нас не поддерживали, поскольку во

взглядах «отделенных» нередко просматривался некоторый политический уклон, а также не было, на наш взгляд, достаточной строгости при избрании ряда братьев на руководящее служение.

– Михаил Михайлович, расскажите, пожалуйста, почему Вы тоже оказались среди последователей «чистых» баптистов?

К.М.М.: Когда я вернулся в Иловайск, то в официальную баптистскую церковь не пошел, так как узнал, что туда нужно писать заявление о вступлении, которое затем утверждается уполномоченным по религиозным культам. И крестили в регистрированной церкви тогда людей не моложе тридцати лет (дескать, Сам Христос в тридцать лет крестился, и нам раньше нельзя!). В те годы на собрании обязательно сидел где-нибудь рядом с пресвитером помощник, который все записывал: кто проповедовал, о чем говорил, какой текст Писания читал, что пели и т.д. А затем отчет сдавался уполномоченному. И вдобавок ко всему, во многих общинах ВСЕХБ после войны заменили необходимое возложение рук при священнодействиях (исконная баптистская традиция, на Писании основанная) на простое поднятие рук (традиция евангельских христиан). Мне такая церковь была не по душе, и я нашел братьев, которые тихонько собирались по домам и совершали служение в страхе Божьем, безо всяких новшеств и регистрации. И было это еще задолго до появления Совета Церквей.

В 1956 году меня рукоположили на пресвитерское служение, мне тогда пришлось какое-то время жить и нести духовный труд на нелегальном положении, потому что коммунисты при Хрущеве весьма сильно тес-

нили церкви. В нашем небольшом братстве, державшемся традиций довоенного баптистского Союза, было в те годы только двенадцать рукоположенных служителей и еще несколько руководителей малых групп верующих (все они находились в Донецкой области).

В 1961 году, когда коммунизм советским людям казался уже близким, а Гагарин побывал в космосе, городская газета Харцызска (она называлась «Социалистическая Родина»), желая внести свой вклад в важное общегосударственное дело борьбы с религией, опубликовала довольно объемную статью о моей скромной персоне и всей нашей семье. Надо сказать, что у нас с женой двенадцать детей, а тогда, кажется, мы ждали десятого. Так вот, ретивые атеисты написали, как будто мы настолько ужасные баптисты, что троих из своих ребятишек принесли в жертву Богу, закопав их живыми в землю в каком-то желтом сундуке, а когда, якобы, кто-то их через три дня откопал, они еще ручками шевелили… Ну, как не растерзать таких извергов?!

Городок у нас небольшой, все друг друга знают, так что на следующий день люди давку устраивали, только чтобы поглазеть на меня, и многие возмущались, почему такой злодей до сих пор находится на свободе. Несколько раз к нам домой приходили представители разных инстанций, пересчитывали детей, а потом никак не могли взять в толк, почему все наши дети живые…

Затем нас с женой все-таки лишили родительских прав, хотя забрать детей, в конечном итоге, так и не осмелились. Господь сохранил! А обо всем, что пережили, никогда не расскажешь…

– Большое спасибо за интервью!

«РАДИОПЕРЕДАТЧИК» В ЗОНЕ

Зинченко Владимир Петрович

– Уважаемый Владимир Петрович, расскажите, пожалуйста, немного о Вашей жизни и христианском служении в хрущевские и брежневские времена.

Я родился в Харькове в 1950 году, и поэтому в моей памяти хорошо запечатлелись основные события бурных 1960-х годов. Наша семья с самого начала поддержала движение Совета Церквей.

Я обратился к Богу в 1963 году и с тех пор всегда активно участвовал в служении молодежи. Поэтому неудивительно, что на меня обратили внимание власти. Первый срок, три года за нарушение советского законодательства о «религиозных культах», я получил уже в 1969-м. Мне было предъявлено обвинение в

участии в «незаконных сборищах» и слетах молодежи (обычно мы собирались в лесу), пении христианских гимнов в общественном транспорте и т.д.

Вскоре после освобождения меня призвали в армию. Разумеется, в стройбат. Там я отказался принимать присягу, поэтому меня заслали вглубь Сибири, в Иркутскую область, на лесоповал. Однако Господь не оставлял и там: я чем-то понравился старшине роты и он назначил меня каптерщиком. И потому служба моя была просто отдыхом по сравнению с колонией, где мне пришлось немало поработать в каменоломне…

После армии я переехал в Москву, где из-за высокой плотности подразделений милиции и госбезопасности незарегистрированной церкви было особенно тяжело. Наша община постоянно меняла адреса встреч, собирались и по квартирам в черте города, и в частных домах в пригородах. За один раз на богослужение приходило до ста человек, поэтому сохранять конспирацию удавалось далеко не всегда. Как-то один сотрудник КГБ признался, что наших сестер на улице сразу видно. В воскресенье утром достаточно только проследить за скромно одетой, ненакрашенной женщиной в косынке, и она сразу приведет на какое-нибудь собрание. Сегодня, конечно, КГБ уже не определил бы так просто, по внешнему виду, христианок на улице, а вот в те годы это было так…

В общем, каким-то образом власти все равно узнавали о местах встреч, прослушивали телефоны, и потому нас часто разгоняли, штрафовали, арестовывали. В 1980-м году братья избрали меня пресвитером московской общины Совета Церквей. Мы совершали очень активное служение, в том числе в печатном деле, и потому на свободе пробыл я недолго. С 1984 по 1987 годы отбывал второй срок, по той же статье о религи-

озных культах. Сидел в мордовских лагерях. На этот раз было немного легче. Я даже умудрялся там самостоятельно учить английский язык, выписывал себе в колонию газеты и журналы. И когда только предоставлялась возможность, я свидетельствовал зекам о Господе и Спасителе Иисусе Христе. И вот один мой сосед покаялся, мы вместе молились и разделили с ним бывшее у меня маленькое Евангелие по листочкам на две части. Так случилось, что Евангелие это у моего друга нашли, и в наказание его посадили в ПКТ (помещение камерного типа). Это своего рода «тюрьма в тюрьме» с самыми ужасными условиями содержания. А меня тогда посадили в ШИЗО (штрафной изолятор), а оттуда тоже намеревались перевести в ПКТ.

Что остается в таких обстоятельствах делать верующему человеку? Только молиться. И вот я прошу защиты у Господа. И тут происходит самое настоящее чудо: по какому-то редкому недосмотру со мной в одной камере оказывается заключенный, чей срок заканчивается буквально через несколько дней, и более того: этот человек – москвич! Я его сразу же попросил сходить по одному столичному адресу и передать просьбу: пусть за меня все молятся, меня скоро посадят в ПКТ…

Господь расположил сердце моего сокамерника, и он выполнил эту просьбу сразу же после своего возвращения домой. И вот очень скоро на свидание со мной приехали родственники, да еще с ходатайством к начальнику колонии не сажать меня в ПКТ!

Все руководство лагеря встревожилось: как произошла утечка информации? Меня потом несколько раз допрашивали, выпытывали, не прячу ли я где-нибудь в зоне радиопередатчик, не связываюсь ли с «Голосом Америки»?.. В итоге, меня все же не наказали, как

планировали, – мои молитвы оказались услышаны. В те годы уже начиналась горбачевская эпоха, и я был, вероятно, в числе последней группы узников совести, отпущенных на свободу в преддверии широкого празднования 1000-летия крещения Руси.

В 1993 году наша поместная церковь, вместе с десятками других общин, вышла из Совета Церквей, поддержав позицию Георгия Петровича Винса. Так возникло Братство независимых церквей (БНЦ).

– Расскажите, пожалуйста, как Вы получили богословское образование.

В 1990-м году меня направили от Совета Церквей на учебу в Лондон, в баптистскую семинарию при церкви Сперджена. Это был в нашем братстве своего рода эксперимент. Я проучился в Лондоне два года, за что очень благодарен Господу. Хотя после учебы меня на родине восприняли неоднозначно. Большинство служителей церкви все-таки были настроены против учебы на Западе. Разумеется, у них были основания для опасений. Русский баптизм заметно отличается от западного, и нам, конечно, хочется защитить то доброе, что имеем, сохранить преемственность поколений евангельских верующих. Надо сказать, что в Совете Церквей довольно хорошо работают различные Библейские курсы практической направленности, проводятся прекрасные занятия с проповедниками. В то же время, чувствуется определенная замкнутость, отвержение всего, что не соответствует отечественному духовному опыту.

– Каким образом Вы были причастны к печатному делу Совета Церквей?

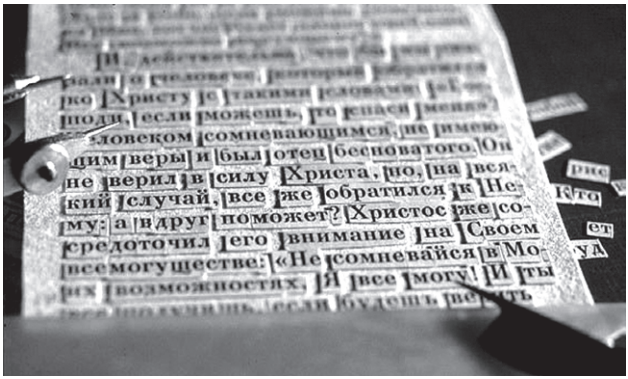
Все началось еще с синей печати. Один из основателей Инициативной группы, Борис Максимович Здоровец, уроженец Харькова, вычитал в какой-то коммунистической книге о том, как первые большевики размножали свои листовки на гектографе. Затем он воссоздал эту достаточно несложную и доступную в быту технологию и передал ее братству. Печатали «синькой» примерно так. Брался противень, который заливался густой смесью из глицерина и желатина (их можно было приобрести в аптеке). На лист кальки густыми чернилами наносился нужный текст, а затем прикладывался к содержимому противня (похожему на студень). Когда чернила с кальки впитывались, то со «студня», быстро прикладывая к нему чистые листы бумаги, можно было сделать несколько сот копий. Эта простая технология дала движению Совета Церквей возможность выйти к тысячам евангельско-баптистских общин и групп и заметно изменить духовную атмосферу хрущевско-брежневского времени.

Позднее наши умельцы, из которых я бы особенно выделил Виталия Ивановича Пидченко, изобрели оригинальный двухсторонний печатный станок, и уже в начале 1970-х годов христианский «самиздат» пополнился значительно более качественной продукцией. Набор текста осуществлялся уникальным образом: из советских глянцевых журналов вырезались буквы, целые слова или части слов, затем наклеивались на плотной поверхности, готовая страница фотографировалась и создавалась качественная форма для офсетной печати. Так в умелых христианских руках приносили пользу даже коммунистические журналы, а мы в немалой степени смогли восполнить ту нехватку христианской литературы, которую верующие люди остро испытывали при советской власти.

Те братья и сестры, которые входили в состав печатных групп, полностью посвящали себя этому труда. Их привозили на «точки» таким образом, что они обычно понятия не имели, где находились. Из дома – в целях конспирации – не выходили до тех пор, пока не заканчивали всю работу. И поскольку таких групп с печатными станками всегда было несколько в разных концах страны, то баптистская печать была неистребима. Сколько ни старался КГБ, ничего не смог с этим поделать. Хотя отдельные провалы и неудачи, конечно, у нас бывали.

– Сегодня немало говорится о том, что некоторые действия сторонников Совета Церквей оказались излишне радикальными, граничили с непочтительностью по отношению к властям и даже хулиганством. Как Вы, спустя годы, оцениваете подобные свидетельства?

В таких случаях я всегда задаюсь вопросом: а как себя вели официальные, зарегистрированные церкви?



Набор текста

Все ли с их стороны было сделано правильно? Помню, когда я оказался под следствием во второй раз, судебные органы, не разбираясь в тонкостях наших баптистских дел, послали запрос в отношении меня в центральную Московскую церковь. Ответ был дан примерно следующий: «Зинченко Владимир не является членом нашей церкви. Судите его по советским законам...»

Помню, даже мой неверующий адвокат, очень деликатная женщина, изумилась: «Как же так, ведь это писали ваши братья по вере!» Думаю, что сегодня не нужно никого осуждать. Как смогли, с Божьей помощью, пережили то тяжелое время. Что касается «хулиганства», то я бы лучше назвал это ребячеством. Помню, одна молодая сестра, протестуя, сорвала фуражку с милиционера, когда разгоняли наше собрание. Но чтобы осудить человека за такое поведение, нужно прежде самому испытать себя в подобной ситуации... Горя желанием свидетельствовать неверующим людям, мы в свое время делали значки с надписью «Бог есть любовь» и открыто носили их на одежде, в какой-то мере шокируя рядовых советских граждан. Когда нам делали замечание, то мы, в свою очередь, вежливо спрашивали: почему комсомольцы имеют право носить свои значки, а верующие люди – нет? В итоге, у нас часто выходили замечательные беседы и свидетельства о Боге.

Еще, помню, как однажды на Пасху я подарил в школе своим одноклассницам поздравительные открытки, подписав их словами: «Христос воскрес из мертвых!» В середине 1960-х годов это воспринималось многими как нечто из ряда вон выходящее. Когда меня судили в первый раз, то к делу прилагались и мой старый значок «Бог есть любовь», и та самая пасхаль-

ная открытка. Прошли годы, но такое в СССР не забывалось…

– Встречались ли Вам до перестройки в нашем братстве кальвинистские взгляды? Например: «спасенный однажды спасен навсегда»...

Нет, раньше этого не было. Помню, когда я приехал на учебу в Англию, то общался там преимущественно с баптистами кальвинистского направления, и они меня спрашивали, как много сторонников кальвинизма в России. А я им честно сказал, что это слово впервые услышал только у них в Англии… Богословие русских баптистов, по моему мнению, всегда носило скорее практический, чем схоластический (как на Западе) характер. Во времена коммунистических гонений старцы нам объясняли вопрос спасения примерно так: «Вот она, реальность: либо ты пойдешь за Христа в тюрьму, либо пойдешь в ад…» То есть отрекшиеся от Христа идут прямой дорогой в вечную погибель, и о каком спасении можно тогда говорить! К каждому человеку обращены слова Господа: покайся и веруй, и тогда будешь спасен…

– Большое спасибо за интервью!

«ЗДЕСЬ ДЕТИ АВРААМА ЖИВУТ?»

Евстратенко Алексей Тимофеевич и Вера Николаевна

– Уважаемые Алексей Тимофеевич и Вера Николаевна, расскажите, пожалуйста, о вашей христианской молодости, о том, как вы уверовали в Бога, и как это было воспринято окружающими.

Е.А.Т.: Я родился в 1928 году в Омской области. Мой дедушка, Евстратенко Андрей Леонтьевич, стоял у истоков Омской баптистской общины. Когда я был еще ребенком, наша семья переехала в Алма-Ату.

В 1930-е годы все церкви в Средней Азии были закрыты, поэтому в довоенное время я практически не бывал на собрании. Но вот в конце войны ситуация в стране изменилась, Сталин дал разрешение открывать церкви, и верующие люди стали быстро находить друг

друга и уже без опасения за свою жизнь собираться вместе. Помню, в наш дом пришли два незнакомых брата и спросили: «Здесь дети Авраама живут?» Для неверующих людей этот вопрос был непонятен, а мои родители тут же радостно ответили: «Да, живут!» Затем состоялась прекрасная братская беседа, и мы узнали об основании евангельской церкви в нашей местности. Так, с 1944 года я вместе с родителями стал ходить на собрание. А в 1946 году принял крещение и сразу же начал проповедовать Евангелие Господа нашего Иисуса Христа.

Е.В.Н.: Я родом из Москвы, из многодетной верующей семьи. Когда была еще ребенком, надо мной молитву благословения в церкви совершал Александр Васильевич Карев. Моего отца, Смирнова Николая Ивановича, служителя церкви, в начале 1930-х годов выслали из Москвы в Среднюю Азию, в город Верный (Алма-Ату). Я помню, что и там, в ссылке, в нашем доме регулярно проводились небольшие собрания. Так продолжалось до конца 1937 года, когда отца арестовали и в скором времени расстреляли. Однако наша семья не имела достоверной информации об этом еще в течение шестидесяти лет.

После ареста отца наша мама осталась одна с пятью маленькими детьми, поэтому жизнь была очень трудной. Однако в наш дом по-прежнему приходили верующие люди, и мы вместе с ними молились. А после войны открылась церковь, и мы стали ходить на собрание. Однако, хотя я уже и покаялась, мне очень хотелось удостовериться, что Бог подлинно есть. И вот, будучи еще совсем молоденькой, я молила Господа явить мне милость свыше. Мы жили в голодное время, и я попросила у Бога немного повидла. Мне тогда казалось,

что ничего вкуснее на свете не бывает, мы даже сахара долго не видели, но, главное, мне хотелось убедиться, что Господь действительно присутствует в моей жизни.

Так вот, после того как я со всем жаром юного сердца попросила об этом в молитве, возвращаюсь домой и вижу чудо: на нашем скудном столе стоит маленькая тарелочка с повидлом! В этот вечер в нашей семье было сладкое к чаю. Когда я спросила, откуда это повидло, то оказалось, что нашей старшей сестре его выдали – небольшую баночку – на работе. «Какое же это чудо?» – возможно, скажут неверующие. Но ведь повидло выдали как раз в тот день, когда я попросила об этом Бога! Затем я услышала в церкви проповедь, что нехорошо верующему человеку испытывать Господа, нужно просто доверить Ему свою жизнь, и тогда я не стала больше ставить условий Богу. Однако случай тот запомнила на всю жизнь. Вскоре после крещения, в 1950 году, меня пригласили в хор, и я много лет служила Господу пением.

Съезд Сибирского союза баптистов, Омск, 1926 год

– Хотелось бы узнать, как проходили богослужения в дни вашей молодости. Какие вы видите отличия в сравнении с сегодняшними собраниями?

Е.А.Т.: Когда после войны открылись церкви, то все пение у нас было только минорным. Это, конечно, связано с теми страданиями, которые пришлось пережить христианам в сталинские годы. Проповедники были у нас – люди самые простые, неученые, но сказанное ими с кафедры слово воспринималось часто со слезами, потому что и говорящие и слушающие выстрадали свою веру в Бога в полной мере. Три или четыре небольших проповеди мы слушали на каждом собрании, пел хор, а также звучали трогательные поэтические декламации. Я всегда старался, сколько возможно, участвовать в жизни церкви, и в музыкальном, и в проповедническом служении…

Е.В.Н.: Алексей Тимофеевич у нас действительно трудился очень много, так что дома мы часто не успевали даже обсудить семейные вопросы. И вот когда у него уже, как и у других служителей, появились в церкви часы приема, я ему как-то сказала: «Я, наверное, пойду к тебе на прием запишусь, чтобы мы смогли, наконец, с тобой спокойно поговорить!»

– А как Вы познакомились с Верой Николаевной?

Е.А.Т.: Мы познакомились с ней, как и многие люди в то время, по переписке. Я тогда учился на регентских курсах в Караганде, а Вера жила в Алма-Ате. Мне рассказали о ней друзья, и все мне в том рассказе понравилось. Мы стали переписываться, еще ни разу не видев друг друга. Я был рад, что Вера тоже была связана

с музыкой, пела в церковном хоре. Затем я вернулся в Алма-Ату и мы, наконец, увиделись. Поженились в 1956 году, и вот с тех пор служим Господу вместе.

– Где вы работали в те годы, как относились к вам и вашим детям неверующие люди (на работе, в школе)?

Е.А.Т.: Я много лет проработал на одном месте, в автобусном парке в Алма-Ате, в плановом отделе. Начальство уважало меня за честный труд, хотя и не одобряло мою веру в Бога. Конечно, все коллеги знали, что я верующий, ведь я не принимал участия в их традиционных «мероприятиях», когда на столах присутствовало спиртное. Зато я всегда был открыт для личных бесед, в которых старался рассказывать людям о Господе. И многие подходили ко мне в рабочие перерывы, чтобы поговорить по душам.

Наши дети всегда ходили в церковь. Бывало, что меня из-за этого вызывали в школу. Однажды директор убеждала меня не водить детей в «молельный дом». И тогда я пригласил ее к нам на собрание, чтобы она сама убедилась, что ничему плохому в церкви не учат. Директор школы действительно пришла, посидела на богослужении, а затем мы с ней еще несколько часов беседовали на духовные темы. В то время она не стала верующей, но Господь расположил ее сердце, и она не трогала больше наших детей, они могли относительно спокойно ходить на собрания.

– Беспокоил ли вас в советское время Комитет государственной безопасности?

Е.А.Т.: Когда меня рукоположили на пресвитерское служение, я полностью перешел на духовную работу.

И тогда мною вскоре заинтересовался КГБ. Это было где-то в середине 1970-х годов. И вот вызывают меня однажды в военкомат, якобы по вопросу воинского учета. Прихожу, а меня там поджидает чекист. И была у нас с ним долгая тягостная беседа, в ходе которой мне настойчиво предлагалось сотрудничать, т.е. сообщать всю интересующую «органы» информацию о церкви. Когда я отказался, то мне дали понять, что я могу очень быстро потерять то положение, которое занимаю в братстве. Дескать, все в их руке и власти. Однако Бог дал мне силы решительно ответить этому неприятному человеку: «Лишь бы мне только не потерять дороги в небо… Прощайте!»

И я в большом волнении ушел из военкомата. Затем получаю повестку явиться к уполномоченному по делам религиозных культов. А там меня вновь встречают, на этот раз двое (других) сотрудников КГБ, и начинается все заново. Дескать, нужна помощь Родине – следить за иностранцами, приезжающими в Алма-Ату по религиозным делам и посещающими баптистскую церковь. Обещали никаких других поручений мне не давать…

Я представил, насколько это было бы низко – после встречи с нашими западными братьями по вере в Иисуса Христа бежать на доклад в КГБ, и вновь категорически отказался подписывать предлагаемую мне бумагу о сотрудничестве. «Ну, смотри…» – угрожающе сказали мне чекисты на прощание.

В скором времени состоялся очередной съезд нашего братства в Москве. Там меня должны были избрать в члены Ревизионной комиссии ВСЕХБ. Этот вопрос был уже согласован с пресвитерским советом Казахстана. Я сам ни в коей мере к высокому посту не стремился, это было предложение моих братьев, от кото-

рого я даже пытался отказываться. И вот накануне дня избрания нового состава ВСЕХБ старшие братья мне сообщают, что мою кандидатуру не пропускают власти (до перестройки такие вопросы вынужденно согласовывались с Советом по делам религий). Я тут же вспомнил свои встречи с КГБ, и мне все стало ясно.

Но это было еще только началом моих настоящих испытаний. Затем последовала попытка оклеветать меня с помощью молодой неверующей женщины, однако Господь защитил. Пришлось пережить преследование со стороны одного служителя, почти открыто сотрудничавшего с КГБ (затем его все же сняли со служения). Многое пришлось пережить. Однажды власти дали мне одни сутки на размышление: или «сотрудничество», или меня вышлют из Алма-Аты. Но Господь и на этот раз сохранил: я не пошел ни на какие уступки, и меня почему-то из города не выслали, очевидно, просто пугали… Времена уже понемногу менялись. Анализируя прожитое, я бы сказал, что Господь Иисус Христос легкой жизни Своим ученикам никогда не обещал, однако в трудностях всегда им сильною рукою оказывает поддержку!

Еще памятно, как в 1980 году власти сорвали крещение, хотя церковь наша всегда была зарегистрированной и действовала в рамках закона. Пригнали на озеро, где мы собрались, несколько нарядов милиции, тут был и уполномоченный по религиозным культам, а с ним известные лица в штатском. Я, будучи пресвитером, почему-то приехал в тот раз на озеро с небольшим опозданием. А без меня уже, оказывается, церковь пытались отправить по домам. Однако люди не расходились, заявив представителям власти: «Как нам пресвитер скажет, так мы и поступим!» Одна православная старушка при этом горячо спорила с мили-

ционерами, защищая нас. Она их громко вразумляла: «Вот где преступники собираются, туда идите и сражайтесь с ними. А здесь люди пришли Богу служить, здесь вам делать нечего!»

Когда я приехал на озеро, меня тут же отозвал в сторону уполномоченный и настойчиво просил отменить сегодня крещение, намекая, что КГБ этому сильно противится. Я согласился только после того, как уполномоченный дал мне обещание, что на другом месте никто не будет препятствовать нашему крещению. Тогда я вышел к церкви и сказал, что мы проведем наше священнодействие немного позже. В конечном итоге, нам удалось совершить крещение только через две недели, однако милостью Божьей крещаемых тогда набралось уже заметно больше: из-за того, что с нами так нехорошо обошлись власти, несколько колебавшихся прежде новообращенных сразу же заявили о своем желании быть членами церкви. Мы поступили смиренно, и Господь нас за это благословил: Дух пробуждения чувствовался во всей нашей общине…

И я еще раз убедился в том, что Господь любые испытания действительно направляет к нашему благу!

– Большое спасибо за интервью!

«ВЕЯНИЕ ТИХОГО ВЕТРА»

Чумакины Павел Александрович и Надежда Дмитриевна

– Уважаемые Павел Александрович и Надежда Дмитриевна, расскажите, пожалуйста, немного о вашем детстве и юности, о том, как Господь призвал вас на служение.

Ч.П.А.: Я родился в верующей семье. Мой отец в сталинские времена трижды был в заключении за веру в Бога. В 1948 году, наша семья переехала в Казахстан, в город Павлодар. Нам говорили, что в тех краях верующим жилось немного легче по сравнению с европейской частью СССР.

Баптистская община в Павлодаре вышла из подполья вскоре после войны и была официально зарегистрирована в 1955 году.

Мой отец стал в ней служителем. В том же году члены церкви приобрели молитвенный дом (прежде собирались только по частным домам). Община тогда состояла приблизительно из ста братьев и сестер. Я обратился к Господу в 1956 году, мне тогда едва исполнилось шестнадцать лет. Крещение принял в 1959 году тайно, ночью (поскольку крестить молодежь тогда официально не разрешалось), это было перед самой моей службой в армии. С тех пор, сколько есть сил, служу Господу. На производстве много лет проработал плотником. Верующие люди в прежние времена часто связывали такую работу с земной профессией Иисуса Христа (*«не плотников ли Он сын?»* – Мф. 13:55).

С 1990 года до времени выезда в Соединенные Штаты нес служение пресвитера Павлодарской церкви ЕХБ. В те годы у нас уже насчитывалось более пятисот членов церкви, так нас обильно благословил Господь.

Ч.Н.Д.: Я родилась в Алтайском крае в многодетной верующей семье, у меня было девять родных братьев и сестер. В нашей деревне власти не разрешали проводить христианские собрания, и поэтому в 1959 году мы решили переехать в Павлодар.

Здесь я с радостью ходила на молодежные общения. Крестилась по вере в 1963 году. Для меня это было таким невыразимым счастьем, что на следующий день вечером я пришла на место своего крещения (хотя оно находилось далеко за городом), и там провела в молитве много часов, вознося хвалу Господу за то, что стала теперь маленькой живой частицей Его Тела – Церкви.

– Какие препятствия были в те годы для детей, молодежи в посещении богослужений?

Ч.П.А.: Со стороны коммунистических властей мы всегда терпели многочисленные унижения и притеснения. Однако вот что примечательно: чем больше на нас давили извне, тем искреннее и живее становилась наша христианская вера. Был период, когда очень сильно препятствовали водить детей в церковь, однако мы их все равно старались брать с собой на любое служение. И, слава Господу, все наши дети выросли верующими, а теперь пришло время, и они сами несут служение.

Ч.Н.Д.: Когда власти запрещали ходить на собрания с детьми, я, помню, во время богослужений пряталась с коляской и нашим первенцем в кочегарке, там кто-то сделал небольшое окошечко, через которое мне было слышно проповедь и пение хора. Я всегда была твердо уверена: чтобы привести детей к Господу, им нужно с самых ранних лет вместе со своими родителями находиться в церкви. Позднее уже, слава Богу, не было таких трудностей в посещении богослужений с детьми.

– Расскажите, пожалуйста, о том, как К. С. Седлецкий оказался у вас в Павлодаре.

Ч.П.А.: Карл Станиславович Седлецкий около пяти лет нес пресвитерское служение в Павлодарской церкви. Это было в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Несомненно, на то была воля Божья. Он испытал серьезные преследования на Украине, и Господь открыл ему путь в Казахстан, потому что в нашей общине тогда не было постоянного пастыря (мой отец в те годы уже трудился в Талды-Курганской общине ЕХБ)

Все мы запомнили Карла Станиславовича как смиренного и благословенного служителя, который всегда

старался примирять братьев, являя собой пример настоящего пастыря, созидающего церковь и трогательно заботящегося о своих овцах. Позднее он от нас переехал для служения старшим пресвитером в Молдавию.

– Каким образом в вашей местности советская власть боролась с верой в Бога: это были преимущественно грубые репрессии или некое атеистическое «перевоспитание»? Как часто вы сталкивались с вероотступничеством?

Ч.Н.Д.: Вот только один пример: я училась в техникуме на бухгалтера, однако мне так и не дали возможности защитить диплом из-за того, что я не была комсомолкой и к тому же посещала молитвенный дом. Как-то раз один начальник на работе взялся меня перевоспитывать в коммунистическом духе, пообещав всему коллективу, что будет постоянно проводить со мной «политзанятия». Однако, столкнувшись с простой, но искренней верой в Бога, он уже после второго занятия отказался от бесперспективной идеи моего перевоспитания…

Ч.П.А.: Отступничество в советское время, увы, имело место. Случалось, молодые сестры выходили замуж за неверующих парней и затем переставали посещать собрания. А одна наша бывшая сестра по вере даже написала антирелигиозную статью в местную газету (или, может быть, эта статья была написана от ее имени – кто знает?), направленную против поместной общины евангельских христиан-баптистов.

Однажды в 1960-е годы меня вызвали в КГБ, допрашивали, интересовались делами церкви. Я отвечал так, чтобы, по сути, ничего не сказать. Затем состави-

ли протокол допроса, предложили прочитать и подписаться. Прочитал, вроде бы все правильно написано, однако подписывать не стал. «Почему отказываешься от собственных слов?» – удивился следователь. А я ему откровенно ответил, что среди наших братьев существует недоверие к подобным документам.

Говорят, бывали случаи, когда следователи задним числом вставляли в подписанные бумаги какие-то слова или фразы, на основании которых затем предъявляли дополнительные обвинения… Поэтому я уж лучше ничего подписывать не буду! Долго меня тогда держали, все пытались переубедить, злились, кричали, а в итоге просто отметили: «от подписи отказался» и отпустили. И это, как показала практика, было только к лучшему: больше они с такими «фанатиками» связываться не захотели!

Ч.Н.Д.: Меня тоже в 1960-е годы вызывали в КГБ, пытались допрашивать. А я тогда решила вообще не отвечать ни на какие вопросы. Что мне ни скажут, я молчу. Следователь тогда неожиданно достал из своего стола новую Библию и сказал, что подарит ее мне, если я подробно отвечу на все интересующие его вопросы…

Однако я отказалась принять Библию в подарок, нарушив заповеди, в самой Библии записанные! И вскоре следователь в гневе выгнал меня из своего кабинета… На работе коллеги меня уважали, но были, конечно, в советское время в трудовых коллективах свои трудности. Однажды, в конце 1960-х годов, мое имя, вместе с некоторыми другими братьями и сестрами, попало в республиканскую газету «Ленинская смена». Статья называлась «За глухими ставнями» и была направлена на дискредитацию «баптистов-мракобесов», которым, дескать, не место в прекрасном социалисти-

ческом обществе. Тогда, помню, на меня некоторые знакомые начали смотреть буквально с отвращением. А другие сочувствовали!

– Было ли в вашей жизни какое-нибудь чудо, необычное событие?

Ч.П.А.: Чудо было! У Нади долгое время сильно болела голова, врачи сказали: сужение сосудов в головном мозге. Доходило до того, что ей нельзя стало наклоняться, бывать на солнце, вообще физически работать… А как тогда жить, если у нас пятеро детей? Это было мучением. Мы много молились о Наде, но заметного облегчения не наступало. Бывало, она целыми днями лежала, не могла ничего делать.

Но вот однажды у нас во дворе загорелась баня. А там еще и находились баллоны с газом. Я бросился их вытаскивать, пока они не взорвались… Немного при этом обгорел. Вся семья тогда сильно переволновалась. Наконец, приехала пожарная команда и быстро потушила огонь. Но самое замечательное в этой истории то, что у Нади с тех пор больше никогда не болела голова! Очевидно, в момент стресса с ней что-то произошло. Чего не могли сделать врачи, легко совершил Господь, допустив, казалось бы, неприятное событие в нашей жизни. Однако верующим людям, как сказано в Священном Писании, все содействует ко благу. И мы еще раз убедились, что это действительно так!

– Коснулось ли разделение, имевшее место в братстве в 1960-е годы, ваших мест?

Ч.П.А.: К сожалению, да. Волны разделения, исходившие из западной части СССР, достигли и нашей

Павлодарской церкви: часть молодежи стала собираться отдельно, ревнуя о Господе в духе Совета Церквей. К счастью, мы не полностью утратили с ними общение. Все же нас связывала общая христианская вера, а также контакты в издательском деле.

Прежде мы переписывали целые книги от руки, а Совет Церквей смог наладить христианскую печать и делился с нами своей литературой. Позднее у нас в Павлодаре возникла еще и «автономная» церковь. Меня там, кстати, и рукоположили на пресвитерское служение (это было в 1984 году), а затем мы, к большой радости народа Божьего, примирились и объединились с основной зарегистрированной общиной.

– И последний вопрос: одна из вечных спорных тем – отношение христианина к военной службе. Что вы думаете об этом? И в заключение можете добавить любые слова, которые у вас сегодня на сердце.

Ч.П.А.: В отношении воинской повинности в нашей церкви всегда братьям давали свободу: в принятии присяги, службе с оружием и т.д. Хотя общее направление у нас было, скорее, пацифистское.

В 1960-е годы один брат из Павлодарской общины попал в тюрьму за отказ от военной службы из-за религиозных убеждений. Но и те, кто служили в армии, никогда нами не осуждались. Кесарево, как написано, отдавали кесарю… Вообще, в нашей жизни, возможно, было не так много ярких чудес, как у других братьев и сестер, но «веяние тихого ветра», т.е. Божье присутствие, мы ощущали на своем христианском пути всегда. И это, наверное, самое главное!

– Большое спасибо за интервью!

БОЖЬЯ ТАЙНА

Биатов Виктор Яковлевич

– Уважаемый Виктор Яковлевич, расскажите, пожалуйста, где Вы жили в бывшем Советском Союзе и как обратились к Богу.

Я уверовал в Сибири, в Прокопьевске, в 1961 году. Крещение принял в 1962 году. А прежде к Богу обратились мои родители. Это было еще в 1950-е годы. После примирения с Богом жизнь нашей семьи полностью изменилась. Отец прежде сильно пил, а после покаяния сразу же вылил во дворе на землю все спиртное, хранившееся в доме. Мама тогда испугалась, все ли у него в порядке с головой. Однако когда увидела искренность отца, тоже пошла на собрание к баптистам и вскоре уверовала в Иисуса Христа. В семье воцари-

лись мир и согласие. Отец у меня был необразованным, но вскоре приобрел себе Библию и выучился по ней читать. К концу жизни он прочитал Слово Божье от начала до конца не менее двадцати раз!

Мама моя хорошо пела, и мы в семье под ее руководством вместо советских «застольных» песен стали разучивать христианские гимны. Молитвенный дом в Прокопьевске в те годы был закрыт властями, и верующие люди собирались по домам, часто по сто – сто пятьдесят человек в одном месте, поэтому в основном на собрании стояли.

У нас был хороший хор. Руководил богослужениями брат Павел Фролович Захаров, богобоязненный Божий служитель.

– Значит, ваша община в то время никак не была связана со ВСЕХБ?

Конечно, нет. В начале 1960-х годов движение Совета Церквей дошло и до Сибири. Во многих баптистских общинах тогда произошли разделения. У нас же в Прокопьевске разделения не было. Наша церковь, как не имеющая государственной регистрации и лишенная своего молитвенного дома, вся единодушно поддержала Совет Церквей. Уж слишком много несправедливостей мы испытывали в те годы со стороны властей!

Одного брата из нашей общины посадили «за тунеядство», хотя на производстве он был в числе лучших рабочих. Но ведь за веру в Советском Союзе официально не сажали. Потом судили Павла Фроловича Захарова, а затем, в середине 1960-х, и других братьев. Я тогда служил в армии, и меня эти преследования не коснулись.

– А что за таинственная история произошла в вашем городе, когда руководство Оргкомитета смогло бежать из-под носа у КГБ?

Действительно, история эта удивительная. В ноябре 1963 года в Прокопьевске проходило тайное совещание Оргкомитета (прежнее название руководства Совета Церквей). Мы, несколько человек из молодежи, охотно потрудились тогда, встречая на вокзале приезжающих служителей. Мы никого не знали в лицо, поэтому нам поручили стоять на перроне, держа в руках какую-то советскую газету (я сейчас уже не помню ее названия). Видя условный знак, к нам подходили приехавшие братья, а мы их сопровождали на окраину города, в тот дом, где была намечена встреча. Примерно в десять часов вечера, когда совещание служителей только началось, едва только помолились, появляется уполномоченный по делам религиозных культов в сопровождении сотрудников госбезопасности. Каким-то образом, несмотря на все меры предосторожности, власти узнали о нашем собрании. А на нем присутствовали человек сорок служителей, среди которых: Г.К. Крючков, Г.П. Винс, И.Д. Бондаренко, М.И. Хорев, П.Ф. Захаров и другие известные братья. Уполномоченный представился и громко объявил, что всем следует разойтись, а несколько человек – организаторы «незаконного» собрания – будут задержаны. Тогда братья встали тесно друг к другу и единодушно ответили, что никого не выдадут. «Хорошо, – решил уполномоченный, – тогда мы всех, кого нужно, арестуем утром!» И непрошенные гости вышли из дома и оцепили всю прилегающую к нему территорию.

Несколько часов братья молились и пели гимны. На улице было холодно, повсюду уже лежал снег. И вот

глубокой ночью меня послали посмотреть, где стоят посты. Вижу: никого на улице нет, все милиционеры и чекисты разошлись по ближайшим домам греться. И тогда хозяин дома, хорошо знавший эту местность, предложил воспользоваться моментом и уйти через прилегающую к дому балку в ближайший лес, а затем по лесным тропам – пешком в Новокузнецк!

В этот сорокакилометровый путь нас отправилось четырнадцать человек, включая все руководство Оргкомитета. Разумеется, подходы к дому со стороны города были блокированы, а вот то, что баптисты могут зимой пойти бродить по густому лесу и пустынным заснеженным полям, наши противники не могли себе вообразить, и потому там не оказалось никаких постов.

И вот мы, попросив у Господа благословения, под покровом темноты, отправились в дорогу. Несмотря на морозную погоду, братья не чувствовали сильного холода, потому что постоянно находились в движении. На следующий день, где-то к полудню, мы были уже в Новокузнецке. Там разделились на малые группы и разошлись в разные стороны. В итоге, никого из руководства Оргкомитета тогда не арестовали. Это было, несомненно, чудо Божьего Провидения. Такое множество людей смогло уйти из рук «всесильного» КГБ!

– Очень интересное свидетельство, спасибо! А беспокоили Вас «органы» позднее?

Однажды, в конце 1960-х годов, в Прокопьевске сотрудник КГБ предлагал мне доносить на своих братьев. Я возмутился: «То есть вы мне предлагаете стать иудой?!» – «Что вы! – постарался смягчить свои слова чекист. – В Библии это называется быть соглядатаем…» Так сказать, сведущий в Писании человек попался!

Я категорически отказался от сотрудничества, тут же все рассказал своим братьям, и, по милости Божьей, люди из госбезопасности больше меня не трогали.

– А как в те годы проходили молодежные собрания?

Малые собрания проходили у нас регулярно, очень часто. Но старались мы проводить и большие молодежные общения, в которых участвовали, например, Иосиф Бондаренко и Михаил Хорев. Тогда за пару дней, я помню, каялись и обращались к Иисусу Христу многие десятки людей. Это были самые благословенные собрания 1960-х и 1970-х годов. Нас тогда нередко разгоняла милиция, выписывали штрафы за самовольные «сборища», но мы все равно собирались вновь и вновь. Ведь в совместном служении Господу заключался смысл нашей жизни.

– А когда и почему ваши пути с Советом Церквей разошлись?

Это произошло позднее, из-за вопроса регистрации церкви. В 1975 году наша община в Прокопьевске зарегистрировалась как независимая (или, позднее, – автономная). Мы купили себе молитвенный дом и после многих-многих лет мытарств, наконец, стали собираться для богослужений без опасения быть разогнанными. Я нес тогда служение руководителя молодежи. Но и после регистрации мы имели добрые отношения как с общинами ВСЕХБ, так и с Советом Церквей в Сибири.

Затем, в 1980 году, мы с семьей переехали в Краснодар, и там уже обнаружили, что общины СЦ ЕХБ категорически не сообщались с зарегистрированными церквами, называя их «погибшими».

Для меня это было очень тяжелым испытанием, я не был согласен с таким курсом Совета Церквей, и после многих размышлений и молитв мы с семьей присоединились к Краснодарской церкви ЕХБ («регистрированной»). Мы служили Господу в этой церкви много лет, там меня рукоположили на диакона. А на пресвитерское служение меня избрали уже в Америке.

– Расскажите, пожалуйста, какой-нибудь случай из вашей краснодарской жизни.

После переезда в Краснодар у нашей семьи был очень трудный период в жизни. Чтобы купить дом, влезли в большие долги. Жена только родила первенца. В общем, жилось непросто.

И вот однажды возвращаюсь домой с работы и вижу: возле дверей стоят два мешка, один с картошкой, другой – с луком… Это была особенная Божья милость к нам. До сих пор не знаю, кто нам тогда помог. Слава Господу за таких христиан!

– Встречались ли вам в бывшем Советском Союзе среди наших братьев кальвинисты?

Нет, не встречались. Даже само слово «кальвинизм» я впервые услышал только в Америке. В то же время я не думаю, что спасение наше зависит от человека. Господняя милость коснулась меня еще в раннем возрасте, а вот, например, мой родной брат, с которым мы росли в совершенно одинаковых условиях, до сих пор не уверовал. Почему так? Я не знаю. Это тайна Божья…

– Большое спасибо за интервью!

БИБЛИЯ, ПЕРЕПИСАННАЯ ОТ РУКИ

Седых Вениамин Яковлевич и Екатерина Ивановна, Мусиец Антонина Ивановна

– Уважаемые Вениамин Яковлевич, Екатерина Ивановна и Антонина Ивановна, расскажите, пожалуйста, немного о вашей жизни и служении Господу в годы советской власти.

С.В.Я.: Родился я в 1930 году, в семье верующих. Мой отец принял крещение в баптистской общине на Донбассе в 1925 году. Затем коммунисты закрыли собрания, и это продолжалось до времени оккупации наших мест немцами во время Великой Отечественной войны. Я стал посещать собрания с 1944 года. Они в нашей местности проводились по домам, в послевоенные годы церковных зданий у нас не было. Богослужения тогда проходили с большим благоговением.

Проповеди были библейскими, без мирской шелухи, они прямо касались сердца. Не так, как сегодня, с шуточками, многие стали проповедовать…

В общинах Донецкой области многие баптисты не желали объединяться ни с евангельскими христианами, ни с пятидесятниками и потому не поддерживали ВСЕХБ. Крещение я принимал в Ханженково в 1950 году, тайно, потому что политика государства и ВСЕХБ была – не допускать молодежь. «Никакого вам крещения, Христос в тридцать лет крестился!» – любил в те годы повторять наш старший пресвитер.

В середине 1950-х годов вернулись из заключения служители, которые были посажены советской властью вскоре после войны (за то, что при немцах совершали богослужения): Алексей Федотович Зернов, Алексей Иванович Гаража и другие. Этих братьев ВСЕХБ не принимал, и тогда они основали общины «чистых» баптистов, приняв решение не поддерживать контактов ни с какими другими христианскими течениями. В общинах «чистых» очень серьезно относились к вопросам крещения, рукоположения, брака и т.д. Из-за чрезмерной строгости в вопросе выбора служителей в некоторых церквях, к сожалению, годами и десятилетиями не совершались бракосочетания, крещения и хлебопреломления… Это было, конечно, нарушением воли Божьей.

– Все-таки интересно узнать, откуда появилось такое название: «чистые баптисты»?

С.В.Я.: Само это выражение – не более чем прозвище, придуманное для нас коммунистами. Кажется, впервые оно появилось в 1950-е годы в газете «Макеевский рабочий». Во всяком случае, в нашей общине

словечко «чистые» вошло в обиход (хотя мы сами себя так никогда не называли!) после той памятной публикации, в которой, как обычно при советской власти, нас всячески клеймили…

– А существовало ли какое-нибудь женское служение в ваших общинах?

С.В.Я.: Сестры у нас активно участвовали в служении. В платочках, скромно одетые, они даже нередко проповедовали. Братья основывались на том, что в Писании говорится о «дочерях пророчествующих»…

С.Е.И.: Я родом из Ростовской области, однако, когда была маленькой, мои родители переехали на Донбасс. Там мы еще перед войной начали посещать христианские собрания. Хотя все церкви тогда были закры-

Верующие 1960-х годов

ты, верующие люди все равно где-то собирались. А крещение я приняла уже после войны, в 1948 году. С тех пор следую за Господом.

В нашей общине сестры всегда старались быть в послушании у братьев, одевались неброско, «как прилично святым», обязательно носили платочки. Но помню случай, когда сестры однажды укорили братьев. Это произошло, когда те начали у нас на собрание приходить в галстуках. Мы заглянули в толковый словарь и прочитали определение, в котором говорилось, что галстуками мужчины украшают себе шею…

Выходило, что сестрам украшения носить не полагается, а братьям – можно? Вот мы все вместе и обличили их: что это они, как коммунисты, нацепили на себя галстуки… В целом же, мы любые разногласия с Божьей помощью преодолевали.

– Как в вашей местности относились к детям верующих родителей – на улицах, в школах?

С.Е.И.: Детей из верующих семей нередко обижали, дразнили, ведь они отказывались быть пионерами, носить красные галстуки, как другие школьники. Учителя угрожали лишить нас родительских прав, забрать сыновей и дочерей в детский дом. «Нельзя в наше время верить в Бога!» – говорили нам они. «Но ведь вы тоже в духов верите!» – не раз отвечала им я. «Что вы, мы материалисты!» – не соглашались они. «Почему же вы тогда так часто говорите о воспитании детей в *коммунистическом духе*? – спрашивала я учителей. – Стало быть, вы тоже в духов верите!» Такие слова не раз ставили их в тупик, потому что советская власть действительно культивировала, по сути, религиозную веру в коммунизм. А нас Господь защитил

сильною рукою: детей никто не отнял, а те гонители, которые сильно теснили нас и угрожали, однажды вынуждены были остановиться, усмиренные Богом через тяжелую болезнь или даже внезапную смерть (случалось и такое). А мы, по милости Божьей, живы до сего дня!

– Приходилось ли вам когда-нибудь при советской власти сталкиваться с начальствующими людьми, публично защищать свою веру в Бога?

С.В.Я.: На шахте, где я работал, парторг как-то пытался меня переубедить, высмеивал библейскую историю о потопе, издевательски спрашивал, как Ной мог разместить в ковчеге представителей всех живых существ на земле. «Смотри, киты какие большие!» – возбужденно говорил он мне. А у меня от таких разговоров всегда ревность о Боге пробуждается. И чем больше атеисты клонят к своему, тем сильнее во мне обнаруживается сопротивление. Поэтому я смело возражал парторгу, так что он уж и не рад был, что начал свой разговор. «А что киты большие, – сказал я ему напоследок, – то к чему Ною их было брать с собой в ковчег? Киты – разве ж они утонут при потопе?!» Посмотрел на меня парторг удивленно, махнул рукой, да и отпустил с Богом. Что тут скажешь: слабо их учили, чтобы возражать верующим!

Помню, еще задолго до перестройки в газете «Правда» однажды опубликовали фотографию какой-то очередной демонстрации в Америке, а там люди несли транспарант с текстом из 1 Пет. 4:7 (*«Близок всему конец. Итак, будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах»*). Коммунистические редакторы, очевидно, по неведению этот снимок пропустили, а мы, ве-

рующие, и в английском тексте узнали Священное Писание. И нам было радостно знать, что на Западе есть братья по вере, и даже главная коммунистическая газета не могла этого скрыть…

М.А.И.: Отец у меня был неверующий, а мама – баптистка. Я долго противилась Богу, поддерживала отца в его противлении вере мамы. Однако пришел и мой день, когда я уверовала всем сердцем. Меня пригласили на собрание в молитвенный дом вместе с подругой, а у нас с ней в кармане лежали билеты в кино.

И вот нужно было делать выбор… Поначалу я пыталась быть и в церкви, и в миру, но наконец Господь дал мне Духа Святого для искреннего покаяния. В комсомол я наотрез отказалась вступать, потому что там нужно было говорить, что Бога нет. После того как я уже стала членом церкви, своих детей воспитывала в страхе Божьем.

Когда моего старшего сына призвали в армию, он отказался принимать присягу и брать в руки оружие. Времена тогда были еще очень строгие. Я вместе с сыном пошла к военному прокурору-коммунисту, и мы там целых три часа беседовали о вере в Бога. Этот прокурор сначала угрожал посадить сына на семь лет. А я ему говорила о том, как блаженно пострадать за Господа, что семь лет – это ничто по сравнению с вечностью, которую Бог приготовил для Своих детей.

Правда, все это я говорила ему уважительно, не дерзила. И произошло чудо: сердце сурового прокурора дрогнуло, он разрешил моему сыну служить без присяги и оружия – в стройбате. Он так мне и сказал: «Антонина Ивановна, видя вашу веру, обещаю, что я вашего сына судить не буду…»

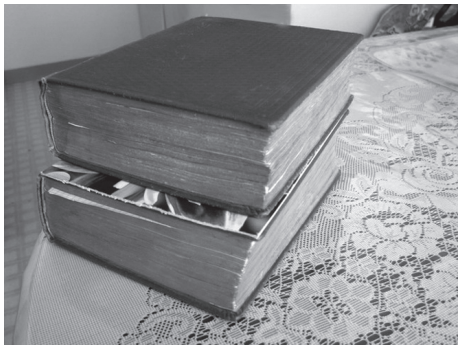
Так что и в коммунистические времена у Бога были Свои тайные ученики. Слава Господу за все!

– Где вы до перестройки брали христианские книги?

М.А.И.: Духовной литературы у нас при советской власти, конечно, было мало, поэтому мы много переписывали от руки: журналы, песенники, книги. Бывало, и целое Евангелие и даже всю Библию переписывали. Я, например, печатными буквами переписала Библию полностью! И даже подсчитала количество стихов в каждой книге Писания. Такое у меня было желание читать Писание, как-то послужить Господу.

– Если «чистые» баптисты не поддерживали ВСЕХБ, то как они относились к Совету Церквей?

С.В.Я.: Хотя мы действительно были против ВСЕХБ, тем не менее, Совет Церквей наши общины тоже не поддерживали. Вызывали сомнение некоторые их лидеры: было неясно, кто их рукоположил на служение, почему в действиях «отделенных» было так много шумных, «политических» моментов... Нас братья учили по Слову Божьему: «проводить жизнь тихую и безмятежную», стараться не лезть на рожон к коммунистам.



Переписанная от руки Библия

– Пожалуйста, скажите несколько слов о том, как в ваших общинах понимался пост, каковым было отношение к сновидениям, допустим ли был второй брак?

С.В.Я.: Посты у нас соблюдались, хотя и не так много и часто, как в Совете Церквей. По нужде церковной или личной.

Снам и видениям наши общины не доверяли, связывали веру в сны с «воронаевщиной», или пятидесятничеством. Сны может использовать сатана для обольщения. Только Писание, только то, что Бог скажет нам через Библию!

Вопрос второго брака «чистые» баптисты понимали всегда строго: при живой первой жене (муже) повторный брак недопустим, хоть ты виновная сторона, хоть пострадавшая… Как написано: «Кто женится на разведенной, тот прелюбодействует».

Вот и все, так и понимали, не шли против Слова Божьего.

– И еще один вопрос, заключительный: как в ваших общинах понималась тема спасения?

С.В.Я.: Этот вопрос истолковывался у нас достаточно просто: если человек искренне покаялся в своих грехах – значит, спасен; не покаялся – погиб; уверовал, но затем вернулся в мир, – стало быть, лишился своего спасения; а возможность спасения дается всем людям без исключения… И ни про какие сложные богословские теории мы тогда не слышали.

– Большое спасибо за интервью!

ЖИВАЯ СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Руновы Павел Иванович и Галина Ивановна

– Уважаемые Павел Иванович и Галина Ивановна, расскажите, пожалуйста, как вы уверовали в Бога в атеистической стране.

Р.П.И.: Я родился в 1948 году в христианской семье в Горьковской области. Отец мой, Рунов Иван Олимпович, делал из шерсти валенки и продавал их на рынке. Однажды, в 1920-е годы, кто-то из покупателей пригласил его на собрание евангельских христиан, где он впервые осознал себя грешником и уверовал в Господа Иисуса Христа. Затем, в сталинские времена, мой отец за веру в Бога провел в заключении двадцать один год. Вскоре после его освобождения родился я. Наша семья несколько лет провела в ссылке

вместе с отцом в Красноярском крае, а затем, после его реабилитации в хрущевское время, мы вернулись на родину.

Я учился в энергетическом техникуме в Горьком, когда Господь коснулся моего сердца. Я покаялся в своих грехах, и начал служить Богу. В 1967 году мне кое-как удалось окончить учебу. К тому времени в техникуме уже все знали, что я верующий, а мой отец тогда вновь попал в заключение. Когда я учился на последнем курсе, к нам приехал какой-то известный лектор-атеист, и меня вместе со всеми учащимися заставили идти на его лекцию в актовый зал. Когда атеисты уже вдоволь поглумились над верой в Бога, я поднял руку и попросил слова. Мне нехотя разрешили выступить, я вышел вперед и, указав рукой в сторону трибуны, за которой стоял лектор, громко спросил: «Вы поверите, что эта трибуна в результате длительной эволюции появилась сама собой? Или все-таки разумнее предположить, что ее из дерева сделал плотник?»

В зале многие засмеялись. «Поэтому мы и верим, – заключил я, – что весь наш мир сотворил Бог!» За такие слова в те годы меня вполне могли исключить из техникума. К счастью, лектор тут же переключил общее внимание на другую тему. А я был счастлив, что такому большому количеству людей имел возможность хоть немного сказать о нашем великом Господе.

Р.Г.И.: Я тоже из Горьковской области, из многодетной верующей семьи. В нашем селе братья и сестры собирались по домам, в основном это были старички. Я покаялась в 1965 году у себя дома, а крещение принимала уже вместе с Павлом в Горьком, куда приехала учиться в техникуме. Нас крестил его отец, который был служителем церкви.

Когда я училась в школе, то над нами, детьми из верующей семьи, часто смеялись. Конечно, мы заметно выделялись на общем фоне пионеров и комсомольцев: не охотно участвовали в общественных делах, мероприятиях, связанных с прославлением коммунизма, не ходили в кино…

Когда мы с моей родной сестрой Валей в 1969 году оканчивали техникум, то строгий директор объявил, что нам, как баптисткам, дипломов не дадут. Мы очень огорчились. Но тут за нас вступился Сам Господь. Незадолго до выпуска директора техникума неожиданно арестовали за какую-то растрату, а его заместитель почему-то был к верующим очень расположен и выдал нам дипломы наравне с другими выпускниками. Мы это восприняли как настоящее чудо.

– Как власти преследовали вашу общину и вас лично? Что вам ставили в вину?

Р.П.И.: Когда в 1960-е годы в братстве евангельских христиан-баптистов произошло разделение, наша семья поддержала Инициативную группу. И вскоре мы стали членами Горьковской (незарегистрированной) общины ЕХБ. Мой отец, вместе с другими братьями и сестрами, участвовал в делегации 1966 года у приемной ЦК в Москве. За что вскоре получил новый срок. После окончания техникума я смог спокойно проработать только один год. Затем меня уволили за активную церковную деятельность. И, надо сказать, увольняли в жизни еще много-много раз. Все-таки общины Совета Церквей в Советском Союзе приняли на себя основной удар атеистов, об этом не следует забывать. Благодаря чему зарегистрированные церкви, принадлежащие ВСЕХБ, получили определенную свободу.

Часто наши собрания разгонялись милицией, многие братья прошли через советские лагеря. Но Господь порою удивительным образом располагал к нам сердца людей в погонах. Помню одного замечательного милиционера, который много раз нас предупреждал накануне готовившихся задержаний и разгонов собраний. Воистину, у Господа повсюду есть Свои люди!

КГБ проявлял большую заинтересованность в том, чтобы больше узнать о деятельности наших общин. Общая политика советского государства в отношении религии сводилась, по-видимому, к тому, чтобы отделить молодежь от старшего поколения: дескать, старики пусть веруют, они скоро вымрут, а молодежь должна быть только «советской», т.е. неверующей. Для достижения своих целей КГБ не брезговал самыми грязными методами: шантаж, подкуп, увольнения с работы, штрафы, тюремное заключение и даже подозрительные «несчастные случаи»...

– А как Вы попали в заключение?

Р.П.И.: Я, как человек малозаметный, провел в узах всего полтора года, за организацию «подпольной» воскресной школы для детей. Это было в начале 1970-х годов, сидел в нашей же Горьковской области. Там меня советская власть пыталась перевоспитывать. Пришлось мне какое-то время подолбить мерзлую землю различными тяжелыми предметами...

К счастью, это перевоспитание закончилось безуспешно. Постепенно отношение ко мне немного улучшилось, и я уже работал в общем цехе под крышей. Что касается заключенных, то они к «боговерующим», в большинстве своем, относились доброжелательно. Особенно, конечно, уважали моего отца (нас с ним по-

садили одновременно). Все, кто пострадали от советской власти, вызывали у заключенных определенную симпатию. Так что и в заключении верующие, с Божьей помощью, могли жить. Интересно отметить также, что в лагерях верующие из разных деноминаций, как правило, уважительно относились друг к другу. Богословских диспутов вести за колючей проволокой не было принято.

– Как складывались ваши дальнейшие отношения с Советом Церквей?

Р.П.И.: Несмотря на то, что наша община долгое время поддерживала Совет Церквей, в 1970-е годы она стала «автономной». Мы не согласились с руководящими братьями по вопросу регистрации. Их политика в этом вопросе, на наш взгляд, была не достаточно последовательной.

Более того, авторитарный стиль руководства братства, по сути, являлся отражением коммунистического, антидемократического метода управления в Советском Союзе. И поэтому многие общины, в конечном итоге, отошли от Совета Церквей.

– Что Вам особенно запомнилось из жизни молодежи во времена гонений?

Р.П.И.: Прежде всего, хочу отметить, что большинство детей верующих родителей в те годы тоже становились верующими. Потому что они видели, как правило, добрую жизнь своих родителей и одновременно – жестокость властей по отношению к их семьям. Конечно, случалось, что дети и в христианской среде вырастали неверующими, однако, я бы сказал, такая

проблема чаще имела место в семьях некоторых служителей, тех из них, кто подолгу бывал на нелегальном положении и потому мало занимался воспитанием детей. К сожалению, такова правда жизни.

В 1960-е и 1970-е годы особое пробуждение происходило среди молодежи. Тогда проводилось очень много общений, разборов Писания. Мы регулярно посещали малые группы в сельской местности. У нас почти не было тогда ученых братьев, однако проповеди даже у юношей часто получались на удивление глубокими, потому что были выстраданными и исполненными Святого Духа. Многие молодые братья и сестры в нашей общине участвовали также в печатном деле, точнее – переплетали уже готовые христианские книги и журналы. У всех христиан в советские годы было огромное желание служить Господу. Помню, например, как начинался наш струнный оркестр: собрались вместе человек двадцать членов церкви, всех возрастов (больше, конечно, молодежи), с разными инструментами, на которых никто толком не умел играть. Пригласили к себе учителя, брата Ивана (к сожалению, забыл его фамилию), опытного музыканта из Белгорода. Репетировали едва ли не каждый день, пальцы стирали в кровь, но уже через полгода оркестр зазвучал стройно, достойно прославляя Господа. И служил этот оркестр церкви затем много лет.

Молодым людям сегодня я хотел бы пожелать: заимствуйте то лучшее, что было у христиан в Советском Союзе – искренность, посвящение Господу, твердость в вере, благоговение – и передайте эти качества своим детям, чтобы живая связь поколений никогда не прерывалась.

– Большое спасибо за интервью!

«ИДИ ПРЯМО!»

Серпевские Виктор Федорович и Зоя Ивановна

– Уважаемые Виктор Федорович и Зоя Ивановна, поделитесь, пожалуйста, своими воспоминаниями о вашей христианской жизни в Советском Союзе.

С.В.Ф.: Я родом из Сибири, из Бердска. Там моя мама после войны основала небольшую баптистскую церковь. А в 1951 году наша семья переехала во Фрунзе, в Киргизию. Здесь уже была большая община, примерно две тысячи человек. Я покаялся в 1964 году, в то время три мои старшие сестры уже давно уверовали. А меня долго привлекала улица с ее уголовными законами, драками и собственным пониманием справедливости. Много раз меня могли убить, но Господь этого почему-то не допустил.

Однажды меня тяжело ранили из ружья, и я реально почувствовал, что могу умереть. В другой раз я чудом спасся во время аварии на производстве, когда все мое тело было сожжено сухим паром из огромной лопнувшей трубы. На мне сгорела одежда, и меня увезли в больницу в критическом состоянии. Мама тогда просила всю церковь молиться о моем покаянии (даже уже не об исцелении). И эти молитвы были услышаны! Милосердный Бог вскоре чудесным образом излечил меня и духовно, и физически. После чего я начал трудиться для Господа, став проповедником, руководителем духового оркестра, а позднее – регентом хора.

В то время молодежи в зарегистрированной церкви было довольно мало, потому что многие перешли в Совет Церквей. И Господь побудил меня совершать музыкальное служение среди юных душ, привлекая их через пение и игру на музыкальных инструментах в нашу церковь.

С.З.И.: Я родилась в Новосибирске, где и начался мой христианский путь: там я покаялась и крестилась. Я еще застала то время, когда детей не пропускали на собрание. Затем ситуация немного изменились к лучшему: меня даже приняли в церковный хор. Я тогда работала на заводе, а все свободное время отдавала церкви. Наша молодежь обычно собиралась по домам. Мы использовали любой повод (например: дни рождения, праздники, похороны), чтобы побыть вместе, попеть, помолиться, и не очень-то страшились милиции.

Библий у нас в те времена было очень мало. Поэтому мы часто переписывали книги от руки. Мой папа, например, полностью переписал себе сборник песен «Гусли». А местные власти в Новосибирске пытались нас

по-своему «просвещать»: после богослужений прямо в молитвенном доме – через пресвитера! – предлагали членам церкви билеты в театр и кино. Многие верующие были недовольны, и это готовило почву для будущей деятельности Совета Церквей…

После смерти родителей я уехала во Фрунзе, и там познакомилась с Виктором Федоровичем, мы вместе ходили в одну церковь, пели в хоре, а затем поженились. В 1971 году всей семьей переехали в Куйбышев.

– А что побудило вас оставить Среднюю Азию и переехать в Россию?

С.В.Ф.: В 1971 году мы с женой получили откровение от Господа. Как-то раз мы с ней поправляли забор возле своего дома во Фрунзе. Гляжу: в нашу сторону идет почтальон с сумкой на ремне. И тогда я вдруг говорю Зое (причем, неожиданно для самого себя): «Это почтальон, который несет письмо о том, что нам нужно переезжать в Куйбышев». Почему я тогда так сказал – не знаю, никогда прежде Куйбышев не посещал, и у меня там не было никаких родственников или друзей…

Подходит к нам почтальон и протягивает письмо, мы смотрим на обратный адрес: Куйбышев! Дрожащими от волнения руками открываю конверт и читаю письмо. Это оказалось официальное приглашение на регентское служение от общины евангельских христиан-баптистов Куйбышева. Они узнали обо мне через одного брата из Ташкента и почему-то расположились сердцем отправить такое послание. Мог ли я после этого сомневаться, что есть воля Божья на наш переезд? Мы с женой, потрясенные, какое-то время молча смотрели друг на друга. «Откуда ты знал?» – затем спро-

сила меня Зоя. «Ничего я не знал, – ответил я, – просто сказал, что первое пришло в голову…»

В церкви нас долго не хотели отпускать, даже срывали с заборов объявления о продаже дома, но мы с женой твердо знали, что это воля Божья. Наш маленький сын в тот период получил тяжелую травму головы, лежал парализованный, врачи, по сути, отказались помогать, сказав, что он больше не жилец. Среди наших знакомых нашлись люди, которые говорили, что это Божье наказание за якобы самовольное оставление церкви… И тогда мы с женой со слезами молились, простирая руки над своим неподвижным сыном. И Бог совершил чудо: вскоре наш малыш полностью выздоровел! Тогда мы еще больше утвердились в мысли, что наш путь в Куйбышев угоден Богу.

– А что ждало вас на новом месте? Означает ли воля Божья, что ваш путь должен быть усыпан розами?

С.В.Ф.: В Куйбышеве Бог благословил нашу семью в покупке прекрасного жилья: у нас тогда не доставало денег, но продавец неожиданно отдал свой дом значительно дешевле рыночной стоимости. Нам оставалось только прославить Господа за Его милость.

Впрочем, не все складывалось так гладко. В Куйбышеве атеизм оказался очень сильным, многие члены ЦК КПСС были родом из этого города. Поэтому нашу верующую семью там долго не хотели прописывать, а затем я никак не мог найти себе хоть какую-нибудь работу. Наконец, пошел туда, где уже мало кто хотел работать – на кладбище…

Произошло это следующим образом: медленно бреду по городу, не знаю, как быть, куда идти, но молюсь, взываю к Богу и вдруг слышу как будто внутренний

голос: «Иди прямо!» И я пошел: сначала по улице, затем по какому-то полю, бездорожью. А голос все повторяет: «Иди прямо!» Так я и шел, пока не уперся в кирпичную стену. Подставил какой-то камень, подтянулся и вижу перед собой большое кладбище, а там сидит человек и что-то выбивает на надгробии. Я подошел ближе, и тут меня осенило: ведь это новая работа, которую Бог усмотрел для меня!..

Так и я начал учиться делать надгробия и памятники. Должен признаться, что это занятие оказалось отчасти созвучным с моим духовным трудом, ведь я волей-неволей часто размышлял о смерти и вечности…

– А как в те годы проходило ваше служение в поместной церкви?

С.В.Ф.: Сначала я нес в Куйбышевской общине регентское служение, и этот труд был для меня большой радостью. А в 1982 году, через некоторое время после того, как наш благословенный брат А.Е. Клименко переехал в Москву для труда во ВСЕХБ, я был избран и рукоположен на пресвитерское служение. Позднее стал старшим пресвитером по региону (Куйбышевская, Оренбургская и Ульяновская области).

Даже во времена позднего социализма у меня были очень напряженные отношения с властями.

Со стороны органов госбезопасности я и моя семья не раз испытывали реальную угрозу для жизни. На то были свои причины. Например, мы в своем регионе раньше других освободились от многих соглядатаев и осведомителей властей. Также внесли предложение, проголосовали и отменили все «исполнительные» органы в общинах, посредством которых атеисты много лет контролировали церкви. И тогда началась серьезная борьба с «внешними» за наши внутрицерковные права…

Казалось бы, и перестройка уже приближалась, а нам еще многое пришлось пережить напоследок! Атеизм в Поволжье отличался какой-то особенной свирепостью. Причем, зарегистрированным общинам доставалось не меньше, чем «отделенным».

– В связи со сказанным напрашивается вопрос о вашем отношении к Совету Церквей.

С.В.Ф.: Один брат, из числа моих добрых знакомых, участник известной делегации Совета Церквей в Москве (в мае 1966 г.) говорил так: «Мы хотели постоять за правду, но забыли, что мы дети Божьи…» Святое дело нужно совершать все-таки иными, чистыми методами, без драк с милицией и грубости по отношению к собственным братьям и сестрам… Разумеется, среди Совета Церквей были настоящие мученики за Христа, но нельзя забывать, что таковых в трудные времена оказалось немало и в официально зарегистрированных общинах. Объективная история нашего братства обязательно будет написана!

– Большое спасибо за интервью!

ОДЕССКИЕ ЧУДЕСА

Шевчук Ярослав Данилович и Вера Сергеевна

– Уважаемые Ярослав Данилович и Вера Сергеевна, пожалуйста, расскажите, как вы пришли к Господу, что было памятного в начале вашего христианского пути.

Ш.Я.Д.: Я родился на Западной Украине, в Тернопольской области. До 1939 года эта территория принадлежала Польше. Затем и там была установлена советская власть. После Великой Отечественной войны мой отец стал благовестником, и в нашем доме часто проходили богослужения. Так что я впитал в себя веру в Бога, можно сказать, с молоком матери.

Когда я вырос, мое служение Господу проходило в основном в центральной Одесской церкви. Я охотно

участвовал в молодежном и музыкальном служениях. Н.И. Высоцкий, замечательный композитор нашего братства, В.Е. Логвиненко и другие братья старшего поколения очень много сделали для моего духовного формирования, как, несомненно, и для всей одесской христианской молодежи. Еще задолго до перестройки в нашей церкви проходили негласные курсы для молодых проповедников, организовывались библейские занятия. Так что Одесская библейская школа и семинария появились не на пустом месте!

Ш.В.С.: Мое детство прошло в Одесской области. В церковь мы ходили каждое воскресенье, за пять километров в соседнее село. Это было для нашей семьи всегда важным событием. В школе меня, как и других верующих детей, часто дразнили «штундой». Однако директор школы сам был из семьи евангельских верующих, и потому, как правило, не давал меня в обиду. Я училась очень хорошо, но все равно преподаватели мне немного занижали оценки, только чтобы у меня не вышло отличного аттестата (такое отношение к верующим школьникам было тогда, к сожалению, очень распространено). Затем я поступила в медицинское училище. Господь и там послал мне добрых людей, которые помогли мне, несмотря на мою веру в Бога, успешно окончить училище.

Еще в моей памяти о тех временах остался наш старый коротковолновый радиоприемник. Помню, как у нас в доме после обычных богослужений часто собирались родные и знакомые, и мы все вместе с удовольствием слушали русскоязычные христианские радиопрограммы западных радиостанций: «Монте-Карло», «Голос Анд», «Би-Би-Си», «Голос Америки» и др. Несмотря на все коммунистические глушилки, к нам из

эфира пробивалось слово Божье от наших западных братьев по вере!

– Сталкивались ли вы в советское время с какими-то притеснениями на работе, прямо или косвенно связанными с вашей верой в Бога?

Ш.Я.Д.: Однажды меня, как верующего человека, на работе лишили звания «ударник коммунистического труда»... Я к этому отнесся с юмором, называл себя «лишенцем», однако дискриминация баптистов в советском обществе, конечно, всегда ощущалась. Вместе с тем, в 1970-е годы я спокойно работал в проектном институте в Одессе, где присутствовала достаточно свободолюбивая атмосфера (все-таки это был старый портовый город!), меня даже рекомендовали на учебу, и я смог окончить вечернее отделение геофака Одесского госуниверситета. Одновременно я активно участвовал в служении в церкви, воспитывал в страхе Божьем своих детей... То есть на данный вопрос, исходя из моего личного опыта, я не могу ответить однозначно.

– Как в целом вы бы охарактеризовали отношения вашей одесской поместной церкви и местной власти?

Ш.Я.Д.: В церкви нас учили быть стойкими в вере, но не идти на конфронтацию с властями. Кесарю надо было отдать кесарево. Поэтому у нас, например, не приветствовались отказы от службы в армии. Хотя, конечно, большинство из нас, заявив в военкомате, что мы баптисты, тут же отправлялись в «бронетанковые» войска (как в шутку тогда именовали стройбат), где мы никакого оружия за все время службы не видели. Многие из нас, принадлежа к зарегистрированной

церкви, участвовали также в советских выборах, одновременно сознавая мифичность пресловутых 99% голосующих за социалистический образ жизни (так сказать, «выборы без выбора»). Помню, отец мне в свое время говорил: «Ты должен знать, сынок, что все советское атеистическое общество построено на лжи. Только если ты об этом где-нибудь скажешь вслух, то меня сразу посадят. Но знать ты это должен. Придет день, когда вся эта неправда Богом разрушится». Так и произошло, и даже раньше, чем мы думали…

– В Одессе хорошо заметно присутствие православия, есть монастыри, семинария… Было ли какое-то общение между православными и баптистами в советское время? И, если да, то какое вы оказывали друг на друга влияние?

Ш.Я.Д.: У нас действительно до перестройки были неплохие отношения с православными христианами и семинаристами. Инициативу, в основном, проявляли не мы (хотя и баптисты, бывало, захаживали в православные храмы, особенно по большим праздникам). Православные же довольно часто приходили к нам на собрания, а затем мы с ними долго беседовали. Определенная польза от этих встреч была: мы лучше узнавали взгляды друг друга; несомненно, при этом оказывалось и какое-то взаимное влияние.

Помню православных семинаристов, которые с нами вполне соглашались, что проповедь Евангелия лучше доносить людям на понятном всем в Советском Союзе русском языке…

А наше баптистское чтение Слова Божьего в церкви стоя – это, вероятно, влияние восточной христианской традиции. Православная духовная музыка, несомнен-

но, оказала самое положительное влияние на богослужебную практику наших общин. А уважительному православному отношению к священническому сану баптистам следовало бы и сегодня поучиться. Наше панибратство порою переходит всякие границы…

– Как часто в Советском Союзе вы сталкивались с вероотступничеством?

Ш.Я.Д.: Сестры, бывало, выходили замуж за неверующих, случалось, кто-то уходил из наших общин в православие. Это тоже часть истории нашего братства. Но я бы не стал данную тему как-то специально связывать с коммунистическими временами. То же самое, по сути, происходит и сегодня, и, может быть, даже чаще, чем раньше!

– Говорят, в ваших краях проблема с духовной литературой была не столь острой, как во многих других частях страны Советов. Это правда?

Ш.Я.Д.: Во времена моей молодости у всех христиан ощущалась нехватка духовной литературы. Помню даже, как пресвитер в церкви учил: «Переписывайте хотя бы по одному псалму в день!» Для многих из нас в хрущевское время уже можно было как-то приобрести Слово Божье. А затем, в брежневские годы, появилась литература Совета Церквей (здесь им в ревности не откажешь, они много потрудились!), и ситуация значительно улучшилась. Еще христианская литература к нам поступала небольшими партиями из-за границы (по разным каналам через Закарпатье и Прибалтику). Жажда читать Писание и, вообще, духовные книги была в те годы очень велика.

– Многие братья и сестры нам рассказывали о достойных удивления чудесах, которые Господь совершил в их жизни. Было ли какое-нибудь необыкновенное событие и на вашем христианском пути?

Ш.Я.Д.: Первое, что мне вспоминается, – история о потерявшемся ребенке. Случилось это, когда мы жили в Одессе. Шестилетний мальчик из верующей семьи по имени Саша, которого мы хорошо знали, ушел гулять и вечером не вернулся. Все родственники – в большой тревоге, все молятся, ищут по соседним дворам, уже заглядывают в колодцы…

А я, услышав о том, прилег и задремал буквально на несколько минут. И вдруг грезится мне трамвайный путь, Саша в синеньких сандалиях, а затем эти сандалии – будто стоят под какой-то знакомой дверью…

Я очнулся и сразу же говорю родителям Саши: езжайте на Усатово (пригород Одессы), к дедушке! Родители послушались, сели на машину, приехали по нужному адресу и видят: их сын вместе с дедушкой мирно спит на кровати, и сандалии синенькие рядом стоят – все, как в моем сновидении… Никому из родственников и в голову не пришло, что такой малыш один поедет на трамвае так далеко к дедушке. Потом все удивлялись. Только, пожалуйста, не подумайте, что у меня вся жизнь была наполнена подобными видениями. Такие случаи очень редки, и в церкви у нас всегда отдавалось предпочтение Слову Божьему, а не видениям. Однако, написано, и таким образом иногда говорит к нам Господь, и потому вся слава принадлежит лишь Ему!

– Большое спасибо за интервью!

РАДИОПРОПОВЕДНИК ИЗ АМЕРИКИ

Леонтьевы Михаил Васильевич и Лидия Семеновна

– Уважаемые Михаил Васильевич и Лидия Семеновна, расскажите, пожалуйста, каким образом вы оказались на Западе и когда уверовали в Господа Иисуса Христа?

Л.М.В.: Я родился в городе Николаеве, на Украине. До войны не знал Бога, был неверующим. Уже в самом начале Великой Отечественной войны, в июле 1941 года, я в числе многих тысяч солдат Красной Армии попал в окружение неподалеку от Минска (у каждого из нас к тому времени оставалось лишь по нескольку патронов к винтовке), а затем и в немецкий плен, в концентрационный лагерь. Мне тогда не исполнилось еще и двадцати лет. Сталинский СССР смотрел на

пленных красноармейцев как на предателей Родины, поэтому возвращаться в Россию хотели далеко не все из нас. В плену я провел все военные годы (в Белоруссии, Польше и Германии), вынужденно выучил немецкий язык. Тогда же, в наиболее трудные моменты жизни, я стал впервые задумываться о Боге.

После капитуляции гитлеровской Германии я поехал в Италию, в Рим, где мне впервые довелось посетить собрание евангельских верующих. Это произошло в памятном 1947 году. Приехавший туда из Франции евангелист Павел Рогозин участвовал в нашем богослужении, его проповедь коснулась моего сердца, и я раскаялся в своих грехах. Вскоре там же, в Риме, на реке Тибр, я был крещен братом Рогозиным и решил служить Господу Иисусу Христу. В те годы в баптистских общинах ощущался сильный дух благовестия. Мы ходили по улицам, разыскивали славянские семьи и свидетельствовали им о Христе Спасителе. Многие души тогда обратились к Господу.

Я прожил в Италии в трудное послевоенное время четыре года, когда массовая безработица была даже среди местных жителей. Затем представилась возможность переехать в Аргентину, и я вместе с группой других эмигрантов отправился в дальний путь. За океаном люди, не пострадав от войны, жили заметно лучше. Там я познакомился с Лидой, и мы с ней вскоре поженились.

В Аргентине мы поселились в сельской местности, неподалеку от Буэнос-Айреса, и прожили там в общей сложности семнадцать лет. Я долго работал на местной фабрике, а затем у меня уже появилась своя мастерская. В славянской церкви я нес служение руководителя воскресной школы, а затем был избран пресвитером небольшой испаноязычной баптистской церкви.

И все же евангельским верующим жить в Аргентине (в католическом окружении) было непросто. К тому же Латинская Америка всегда любила революции... Поэтому нам с женой хотелось переехать в Соединенные Штаты, где мы надеялись обрести более безопасную жизнь для себя и детей. Двенадцать лет мы ждали разрешения на въезд в эту страну, и, наконец, в 1965 году получили официальное приглашение и переехали в Лос-Анджелес.

Л.Л.С.: Я родом с Западной Украины, с бывшей польской территории. Наша семья переехала жить в Аргентину в 1936 году. Мне тогда было всего пять лет. Однако мои родители, а также братья и сестры, сохранили знание русского и украинского языков. Мой отец имел особую мудрость от Бога, он словно предчувствовал скорое начало второй мировой войны, и, своевременно распродав все имущество, мы отправились на пароходе за океан, где вскоре купили ферму рядом с Буэнос-Айресом. На своем земельном участке мы боролись с наступающими джунглями и с большим трудом расчищали пригодную для посевов площадь.

Вскоре наша семья стала посещать славянскую баптистскую общину в Буэнос-Айресе (прежде мы были православными). Первой у нас искренне уверовала мама, а затем и вся наша большая семья – у меня десять родных братьев и сестер! В церковной общине насчитывалось тогда триста – четыреста человек. Собрание у нас проходило, скорее, по восточному, чем западному образцу: все говорили по-русски и по-украински, было много проповедников, ощущался сильный дух взаимопомощи. Одновременно мы, конечно, учились говорить и по-испански, и все-таки никогда не забывали своей исторической родины – России и

Украины. Даже когда уже переехали в Америку и купили здесь дом, мы все равно всегда по-славянски держали небольшой огородик…

Когда в Советском Союзе началась перестройка, мне удалось по туристической путевке побывать в нескольких городах России и Украины. Это было очень трогательно и интересно! Правда, я сильно устала переводить русскую речь для всей нашей многочисленной американской группы (нас ездило тогда более тридцати человек). Моя русская фамилия привлекла внимание одного советского офицера-пограничника, он на меня очень пристально посмотрел, но, слава Богу, в России уже наступили новые времена, и меня никто не арестовал…

– Интересно, а какое вы несли служение в своей церкви в Америке?

Л.Л.С.: Я долгое время пела в церковном хоре и даже играла христианские мелодии на банджо. Так что мы с мужем всегда служили Господу и, с Божьей помощью, всех детей вырастили верующими!

– А когда вы стали сотрудничать с христианскими радиостанциями?

Л.М.В.: Служение радиопроповедника я начал в то время, когда наша семья переехала в Америку. В те годы мне часто доводилось проповедовать в поместной церкви. В 1970 году брат Павел Семенчук из христианской миссии «Реач Интернэшнл» предложил записывать на магнитофонную ленту некоторые мои короткие проповеди (по 10-12 минут), призывающие грешников к покаянию, и затем транслировать их по Транс-

мировому радио, – из Монте-Карло (Монако), Кито (Эквадор) и т.д., – на Советский Союз. Мне очень нравилось это служение, и я его совершал много лет во славу Божью, с великой радостью. Я трудился на заводе простым рабочим, а свои проповеди готовил по вечерам. По одной в неделю, на протяжении примерно пятнадцати лет… Готовые проповеди записывал на пленку (тогда это были еще громоздкие «бобины») и отсылал их по почте на радиостанцию.

– Существовала ли у Вас какая-то «обратная связь» с радиослушателями из Советского Союза? И на какие темы Вы предпочитали проповедовать?

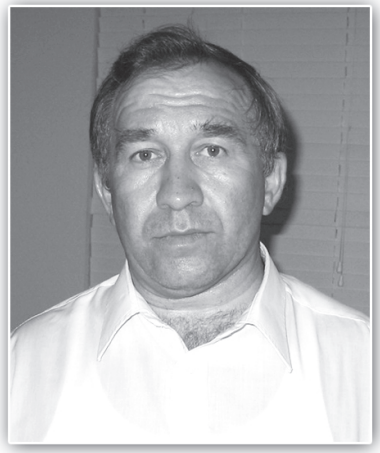
Л.М.В.: Конечно, в годы «холодной войны» мы не получали много писем от советских людей, но хорошо знали, что наши радиопрограммы там слушают и ждут, несмотря на все препоны атеистов. Я особенно любил в те годы проповедовать на тему рождения свыше, потому что по собственному опыту знал, сколь велика разница между людьми религиозными и подлинно духовными, а потому вновь и вновь, на разных примерах, возвращался к этой теме.

Слава Господу, что сегодня в России существует свобода проповеди Евангелия! И для меня большая честь, что я немного участвовал в том, чтобы приблизить это благословенное время.

– Большое спасибо за интервью!

ЧТО ТАКОЕ КОНСПИРАЦИЯ…

Захаров Михаил Павлович



– Уважаемый Михаил Павлович, расскажите, пожалуйста, немного о Вашей семье, служении, а также о христианской юности в СССР.

Я воспитывался в богобоязненной верующей семье. Мой отец, Павел Фролович, много лет провел в заключении за веру в Бога. Вскоре после четвертого срока он умер (в 1971 году). Мы жили тогда в Прокопьевске, в Сибири, и наша семья посещала общину Совета Церквей. Крещение я принял в год смерти отца, всегда охотно участвовал в музыкальном и молодежном служениях. Молитвенного дома у нас тогда не было, поскольку власти сняли поместную церковь с регистрации. Собирались по частным домам, и все равно на

служение приходило множество людей. Вопреки всем запретам действовала у нас и детская воскресная школа. Разумеется, милиционеры и дружинники нас часто разгоняли, штрафовали за нелегальные богослужения, запугивали, но мы все переносили, укрепляясь и утешаясь верою в Господа Иисуса Христа.

В начале 1960-х годов в нашем городе проходило совещание Оргкомитета, на котором присутствовали руководители движения пробуждения (Г.К. Крючков, Г.П. Винс, М.И. Хорев и др.). Моего отца, бывшего тогда на нелегальном положении, сотрудники КГБ хотели арестовать первым, но Господь этого не допустил…

Дело было ночью, в частном доме на окраине Прокопьевска, и под покровом темноты многим братьям удалось незамеченными уйти через лес в Новокузнецк. Мой отец был их проводником. Беглецы чудесным образом прошли пешком в зимнее время около сорока километров!

А затем из Новокузнецка руководители Оргкомитета ехали поездом, все в одном купе, в европейскую часть СССР. Конечно, в пути они много молились о Божьей защите. Милиция их искала на всех дорогах, проверяла пассажиров на поездах, однако когда очередь дошла до той части вагона, где находились беглецы, неожиданно их старую дверь в купе заклинило, и милиция, убедившись, что никто не держит ручку изнутри, не захотела терять времени и двинулась дальше. Так братья благополучно вернулись домой…

Мне эту историю рассказал отец.

– Спасибо за свидетельство! Расскажите, пожалуйста, еще немного о вашей церкви. Чем она отличалась от других общин того времени?

Церковь евангельских христиан-баптистов Прокопьевска была необыкновенно горячей, и, наверное, поэтому Господь ее благословлял очень щедро. Тем братьям и сестрам, кого арестовывали власти, а также семьям узников за веру, община всегда помогала. Это было добрым свидетельством окружающим людям, и многие из них уверовали.

Однажды у нас обратился к Богу даже убежденный коммунист, И.А. Москвин, который работал на шахте парторгом! Его, разумеется, сразу сняли со всех постов. Это был очень ревностный брат, и случай его обращения стал для нас большим ободрением, свидетельством того, что Господь любит и прощает даже облеченных властью коммунистов. Подумать только: парторг большого предприятия стал баптистом…

От нашей церкви были представители и в московской делегации Совета Церквей ЕХБ в мае 1966 года, посланной в столицу для ходатайства о репрессированных членах баптистских церквей Советского Союза. Моего отца тогда арестовали прямо у приемной ЦК КПСС, вместе со многими другими братьями и сестрами. Ему было предъявлено обвинение как одному из руководителей этой делегации.

– Сегодня можно услышать самые различные мнения о тех событиях: от вполне уважительных до резко отрицательных. А как оценивали данную делегацию в советские годы внутри Совета Церквей?

Отношение в общинах было разное. Кто-то говорил неодобрительно: «Пошли крестьяне искать себе доброго царя…» Другие же вспоминали примеры из Писания: скажем, когда Иеремия находился в темнице, за него перед царем вступился благочестивый Авдеме-

лех. Большинство верующих Совета Церквей поддержали идею этой делегации, потому что молчать о гонениях в стране мы не могли.

– Была ли у Вас возможность учиться при советской власти? Если Вы служили в армии, то расскажите, пожалуйста, немного и об этом.

Я учился в Прокопьевске в машиностроительном техникуме, который, по милости Божьей, окончил в 1974 году. После получения диплома я сразу же переехал на новое место жительства – в Ростов. Оттуда меня призвали в армию. Присягу не принимал, – был так научен, – брать в руки оружие тоже отказался.

Наше поколение воспитывалось, как сегодня говорят, в «пацифистском духе», то есть, как учит Христос в Нагорной проповеди. Официально такая позиция Советом Церквей не подчеркивалась, поскольку данный вопрос имеет некоторую политическую окраску. Государство всегда болезненно реагировало на любые проявления антивоенных настроений среди верующих. В общем, я, с Божьей помощью, отслужил без присяги. В семидесятые годы за такое уже не судили, а обычно отправляли в стройбат.

– Не могли бы Вы немного рассказать о знаменитом ростовском слете молодежи 1977 года, ведь, наверное, это уже происходило на Ваших глазах?

Я как раз тогда вернулся из армии. Слет проходил на окраине Ростова, на территории нашего дома (и, как обычно, – огорода, чтобы вместить больше гостей!), по улице Барковского, 14. Съехалось около двух тысяч человек из многих городов и сел Советского Союза.

Власти были этим очень недовольны и срочно устроили так называемый «праздник улицы»: включили громкоговорители, проигрывали советские марши, нагнали множество милиционеров и дружинников – в общем, не давали нам даже начать общение. Тогда наша молодежь, много сот человек, в знак протеста двинулась в самый центр города.

Дошли до площади, окруженной девятиэтажками, и там, прямо на улице, начали проводить богослужение. Пели громко «Страшно бушует житейское море» и другие торжественные гимны, затем проповедовали при большом скоплении прохожих. Меня вместе с некоторыми братьями на этой площади сразу же арестовали и увезли в милицейское отделение. Однако примерно через час неожиданно сопроводили назад, на улицу Барковского.

К тому времени большинство молодежи уже вернулось туда. Дело в том, что когда нас арестовали, руководство города попросило всех верующих перейти из центра города обратно на Барковского, пообещав взамен отменить «праздник улицы», отпустить всех арестованных и не препятствовать больше в проведении молодежного слета.

Это была серьезная уступка со стороны властей. Они, по-видимому, очень испугались возможных беспорядков в городе. Однако ведь не мы первыми начали это противостояние!

Молодежное общение продолжалось еще два дня. А когда уже все разъехались, наш дом посетила городская административная комиссия, и меня, как хозяина, оштрафовали на пятьдесят рублей. За то, что в доме проходило «нелегальное собрание». Но это, можно сказать, мы легко отделались, ведь к штрафам нам тогда было не привыкать.

К сказанному можно добавить, что жители Ростова надолго запомнили эти события. Были, конечно, те, кто возмущался поведением баптистов. Однако многие нам тайно симпатизировали.

Церковь получила в городе известность. Позднее, когда я был в заключении, даже уголовники выражали нам свое уважение. Потому что в 1970-е годы государственный атеизм уже не пользовался большой поддержкой у населения.

– Вы упомянули «места не столь отдаленные». Можно об этом узнать немного подробнее: за что Вы там оказались, как сохраняли веру?

В 1980 году меня рукоположили на благовестника, после чего власти восемь раз сажали на пятнадцать суток – за проведение нелегальных собраний, а в 1983 году мне дали уже два года лагерей («за тунеядство»). До этого я целый год провел на нелегальном положении. У меня тогда была прекрасная возможность ездить по всей стране (для покупки железнодорожных билетов предъявлять паспорт в СССР не требовалось).

Когда я находился под следствием, камера, в которой сидел, оказалась набита до предела: людей натолкали как минимум в три раза больше, чем было мест. Заключенные сильно возмущались, громко колотили по двери и требовали позвать начальника тюрьмы. Вскоре тот действительно явился и быстро всех усмирил простым вопросом: «Поднимите руку, кого из вас я сюда приглашал? Что вы все сюда пришли? Виноват ли я, что вас прибыло ко мне так много?..» Эти неожиданные слова мне хорошо запомнились.

В другой раз мучили всех за то, что кто-то пытался по ниточке через решетку передать сообщение в дру-

гую камеру. Избивали всех подряд и не давали спать, закрывали по несколько человек в крошечных «стаканах», где люди быстро теряли сознание. Так продолжалось бесконечные два дня и две ночи. Тогда я особенно много молился и неожиданно получил откровение от Господа, о чем осмелился рассказать всей камере. Кто-то из верующих людей решит, что я рисковал или был самонадеян, но у меня тогда была твердая уверенность от Господа.

Я сказал сокамерникам: если они согласятся с тем, что нас от этой муки может избавить Бог, то я буду молиться о том, чтобы надзиратели оставили нас в покое. Вся камера охотно согласилась с тем, чтобы я об этом молился. Только один из местных авторитетов злобно смеялся над моими молитвами. И вечером, когда нам было обещано очередное избиение, пришли охранники и неожиданно забрали в карцер лишь одного человека, а всю камеру – простили. И заключенным, которого посадили в карцер на пятнадцать суток, оказался как раз тот уголовник, который издевался над моей верой в Бога! Это было тогда очень сильным свидетельством о Господе для всех нас. Ко мне стали часто подходить заключенные и просить молиться об их нуждах. И я им всякий раз говорил о нашем Спасителе Иисусе Христе.

– Приходилось ли Вам в советские времена сталкиваться с предательством в церкви?

Мне рассказывали, что в Харьковской области в одной общине Совета Церквей произошел такой необычный случай: пресвитер устал оттого, что вся внутрицерковная информация очень быстро попадает к внешним; что ни решат, ни запланируют, – «органы» все

уже знают. Было ясно: кто-то доносит, но вычислить его никак не удавалось. И тогда пресвитер на членском собрании делает следующее объявление: «Братья и сестры, вы согласны с тем, что предатель не может присутствовать на нашем собрании?.. Что этот человек не может принимать участие в вечере Господней?.. Что такового следует отлучить от церкви, пока он или она не раскается в столь тяжком грехе?..»

Церковь отвечала согласием на каждый вопрос своего пастыря. «Что же нам тогда тянуть время? – продолжил пресвитер. – Давайте прямо сейчас и проголосуем! Пусть этот человек знает, что с сегодняшнего дня он отлученный, со всеми вытекающими отсюда последствиями, мытарь и язычник, идущий в ад, если только духовно не изменится...» Тут же проголосовали за такое, заочное отлучение. И душа этого человека, рассказывают, не выдержала, через короткое время он действительно раскаялся, что доносил в КГБ. Вот такие удивительные случаи бывали в прежние годы.

– Было ли какое-нибудь особенно памятное событие в опыте Вашего служения в церкви?

Скажу о важности церковной молитвы над детьми. Приносят как-то к нам в общину на благословение ребенка. Просят: «Вы уж, пожалуйста, благословите!» А я этим родителям отвечаю: «Кто я, чтобы благословлять? Я могу только пожелать вашему ребенку счастья и здоровья, дать же ему ничего не могу, благословляет ведь Бог...» И тогда они, вразумленные, говорят: «Дада, пожалуйста, помолитесь, чтобы Бог благословил!» Чем отличается церковная молитва благословения от обычных наших молитв о детях? Вот вам реальный пример: вскоре этот самый ребенок, которого благо-

словляли, упал дома в открытый погреб с большой высоты – и ни единого ушиба или царапины! Так его Бог сохранил, Его благодать и благословение…

– Доводилось ли Вам когда-нибудь лично встречаться с Геннадием Константиновичем Крючковым?

Да, мы общались с ним в 1989 году, когда уже наступило время относительной свободы. Геннадий Константинович приезжал к нам в Ростов на совещание Совета Церквей. Это было его первое появление перед народом после многих лет конспирации. Съехалось несколько тысяч человек. В мою задачу входило обеспечить безопасность нашего дорогого брата. Совещание проходило в Шахтах, неподалеку от Ростова. Мне поручили встречать и провожать Г.К. Крючкова. Я вез его на машине из Ростова в Шахты. При этом мы соблюдали самую строгую конспирацию. Никто в церкви не знал, каким образом Геннадий Константинович приехал в Ростов, мало кто представлял тогда даже, как он внешне выглядит. Это был, без всяких сомнений, человек-легенда.

Я его встретил в условленном месте. Г.К. Крючков держался очень просто, был общителен и дружелюбен. Его приняли на совещании с большим воодушевлением…

Когда закончилась встреча, мы с Геннадием Константиновичем поехали на машине ко мне домой. Он сидел сзади. Увидели за собой хвост (что было неудивительно, учи-

тывая, как много людей присутствовало на встрече в Шахтах), долго колесили по городу, чтобы оторваться от преследователей. Затем подъехали к железнодорожному переезду. Там нас уже ждал мотоцикл (мы все заранее предусмотрели). Вместе с Г.К. Крючковым на этом мотоцикле поехали по узкой дороге, по которой автомобиль уже не пройдет. Подъехали к реке. Там была готова лодка, на которой мы благополучно переправились на другой берег, в условленное место, где нас уже поджидал водитель на легковом автомобиле. Я проехал с Геннадием Константиновичем по полевым дорогам еще много километров, прежде чем мы окончательно убедились, что хвоста нет. Тогда мы тепло попрощались, и я вышел из машины. Вот, собственно, и вся история нашей встречи. Если такие меры безопасности принимались Крючковым во время перестройки, то можно представить, какой была его конспирация в коммунистические годы!

– Ваш рассказ впечатляет! Что бы Вы могли сказать в заключение, оглядываясь на свою молодость?

О движении пробуждения, в целом, я считаю, что это было необходимое и правильное дело, и потому не жалею, что значительную часть жизни посвятил служению Господу в Совете Церквей. Хотя сегодня я по своим взглядам ближе к Братству независимых церквей ЕХБ…

– Большое спасибо за интервью!

«БОГ МОЖЕТ ЗА НАС ВСТУПИТЬСЯ!»

Руднев Анатолий Семенович, Савинский Вениамин Никитович и Пищенко Юрий Потапович

– Уважаемые Анатолий Семенович, Вениамин Никитович и Юрий Потапович, расскажите, пожалуйста, о вашей христианской жизни, а также о тех евангельских общинах, в которых вы совершали служение.

Р.А.С.: Я родился в Таганроге, в христианской семье. В памяти сохранилось, как я маленьким ребенком, находясь на руках у родителей, уже клал на церковную тарелку какие-то монетки… Это было еще до войны. Во время оккупации закрытые коммунистами в 1930-е годы церкви были вновь открыты немцами. Наша семья постоянно ходила на собрания баптистов. После освобождения Таганрога Красной Армией церкви, к счастью, больше не закрывались. Хотя

нам и разрешались только обычные богослужения, то есть нельзя было, например, проводить: разборы Священного Писания, молодежные собрания, воскресные школы и т.д. Но мы все равно тайно изучали Библию, а дети получали необходимое христианское воспитание по домам.

Позднее мне в таганрогской церкви поручили вести молодежное служение, а также я регулярно проповедовал. В хрущевское время мною заинтересовался КГБ. Вызывали на беседы, во время которых уговаривали доносить на своих братьев и обещали за это высокую зарплату. Когда же я от подобного «сотрудничества» отказался, стали запугивать, а потом уволили с работы (официально: за невыполнение производственного плана). Сотрудникам КГБ я тогда сказал: «Как бы вы отнеслись к тому, если бы среди вас оказался доносчик, предатель?!» И после нескольких безрезультатных встреч они от меня, наконец, отстали. В другой раз меня пытались «перевоспитывать» коллеги на работе, горячо доказывали, что Бога нет. А я им спокойно ответил: «Если Бога нет, что же вы тогда так волнуетесь, горячитесь? Оставьте меня в покое, и все!» После этих слов забавно было смотреть на вытянувшиеся лица атеистов.

Когда мне исполнилось двадцать четыре года, я был избран диаконом и много лет посещал небольшие группы верующих по селам. А в 1990 году меня рукоположили на «сельского» пресвитера, и я служил в маленькой церкви до конца 1990-х годов, до самого выезда в Америку.

С.В.Н.: Я родился в 1941 году, в семье ссыльных в Казахстане, в Джамбульской области. Мой отец прежде совершал труд благовестника по всему Нижнему

Поволжью. Он был сослан в начале 1930-х годов. После войны наша семья переехала в Чимкентскую область, в село Вановку, где мой отец вскоре возродил баптистскую общину. Он разыскал нескольких верующих людей, которые из-за коммунистических репрессий боялись ходить на собрание, и убедил их открыто вступить в общину. А затем стали каяться и неверующие односельчане. В 1956 году у нас уже насчитывалось более семидесяти членов церкви, основном пожилые люди, но затем появилась и молодежь.

В советской школе детей из верующих семей всячески обижали: учителя позорили перед всем классом, а пионеры бросали в нас снежки и камни (смотря по погоде). Пожилые члены церкви, напротив, нас постоянно защищали от хулиганов. Я проучился в школе девять лет, а затем уехал работать в Чимкент. К тому времени в этом городе уже собирались для богослужений многие сотни верующих. К нам из Ташкента с проповедью Евангелия часто приезжал Николай Петрович Храпов. В те годы он уже не раз побывал в заключении за веру в Бога. Я женился в 1962 году, а через шесть лет наша семья переехала из Казахстана на постоянное жительство в город Георгиевск (Ставропольский край). Здесь мы стали посещать зарегистрированную общину евангельских христиан-баптистов (до 1968 года я поддерживал Совет Церквей, но затем по ряду причин, вместе со многими братьями, перешел во ВСЕХБ). В Георгиевске, начиная с 1973 года, нес диаконское служение, а в 1990 году в Новопавловске был рукоположен на пресвитера.

Т.Ю.П.: Я родился в 1955 году в Киргизии в верующей семье и уже в детстве ходил на собрание. Это было в хрущевское время. Помню, учителя переписывали

поименно, кого из своих учеников видели в церкви, а затем нам устраивали разнос перед всем классом, а то и перед всей школой… Покаялся я в четырнадцать лет и увлеченно участвовал в жизни христианской молодежи. В те годы все молодежные собрания проходили только по домам, негласно, а затем мы, вместе помолившись, на велосипедах и пешком спешили к нуждающимся в помощи пожилым членам церкви: носили им воду, рубили дрова, помогали в несложных строительных работах… Тогда у нашей молодежи был какой-то удивительный, горящий христианский дух!

В хрущевское и брежневское время во Фрунзе несколько раз проводились диспуты на тему «Атеизм против религии». Наши братья-проповедники активно в них участвовали и успешно защищали христианскую веру. В результате: множество неверующей молодежи стало посещать наш молитвенный дом! Узнав об этом, власти срочно прекратили всякие диспуты… А позднее и самый главный ученый-атеист города Фрунзе уверовал в Бога (правда, это случилось уже во время перестройки). Возможно, и те старые замечательные диспуты оказали на него какое-то влияние!

Во время перестройки в нашей местности началось духовное пробуждение среди киргизов. Многим из них помогло придти к Христу свидетельство о том, что до начала распространения ислама в Средней Азии немалое число предков современных казахов и киргизов уже были христианами (несторианского направления). В то же время обращаться к Иисусу Христу для киргизов было весьма небезопасно. Их, как «предателей» мусульманской веры, часто позорили родственники и били. Однажды досталось и мне, как христианскому пастору: двое агрессивных киргизов неподалеку от молитвенного дома нанесли мне сильный удар чем-

то тяжелым по голове. Несколько месяцев после этого я болел, но милосердный Господь меня исцелил.

– Расскажите, пожалуйста, о каком-нибудь особенном или чудесном событии в вашей христианской жизни, о чем было бы интересно и назидательно сегодня вспомнить.

С.В.Н.: В Чимкенте местная коммунистическая газета как-то опубликовала две статьи о нашей баптистской церкви: «Храповская трясина» и «Истинное лицо братьев во Христе». Каковы названия! Там нас выставляли в самом ужасном свете. Упоминалось в тех статьях и мое имя. После этого меня долго нигде не хотели брать на работу, и мне пришлось за короткое время сменить несколько рабочих мест…

У нас с женой шесть дочерей. Никто из них никогда не был ни октябренком, ни пионером, ни комсомольцем… За такое «фанатичное» религиозное воспитание детей нас с женой хотели лишить родительских прав и забрать дочерей (это было уже в Ставропольском крае).

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД
Пятидесятилетие Ленина.
10 апреля 1870 г. — 25 апреля 1920 г.
ЛЕНИН
В. И. Ленин как руководитель
РАБОЧАЯ МОСКВА
XI С'ЕЗД Р. К. П.
ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

А мы молились и просили защиты у Господа, и Он устранил эту угрозу: школьная учительница, которая больше всех старалась отнять детей, неожиданно потеряла свою работу, и местные атеисты тут же оставили нашу семью в покое…

Р.А.С.: А в моей жизни был такой случай. Во время войны наш дом попал под ночную бомбежку. Мама тогда была на работе, а мы, трое детей, ночевали одни. В ту ночь мы, помолившись перед сном, несомненно, по Божьему побуждению, легли спать не на кровать, как обычно, а на пол – в противоположном углу. И вот ночью рядом с нашим домом упала авиационная бомба. Сильной взрывной волной разрушило стену и искорежило всю кровать, а нас – никого не коснулось! Это была великая Божья милость, которую я запомнил на всю жизнь.

С.В.Н.: Еще у меня однажды была памятная встреча с православным священником. Во время перестройки в Новопавловске православная молодежь вдруг стала срывать в городе наши объявления о евангелизационных собраниях, крещении и т.п. Узнав о том, что священник такие дела благословляет, я пошел прямо к нему в дом и открыто заявил: «Вы священник, я тоже – священник в церкви евангельских христиан-баптистов. Мы с вами заняты общим трудом духовного возрождения страны. У нас в молитвенном доме не проповедуется ничего против Русской православной церкви, а рассказывается людям лишь о любви Божьей, о Господе Иисусе Христе. Если Вы христианин, почему препятствуете проповеди Евангелия? Я хочу Вас предупредить как человека, знающего Писание: смотрите, чтобы Вам не оказаться богопротивником... Бог может за нас вступиться!» И священник, слава Господу, был тронут этими словами, мы с ним сразу же нашли общий язык, так что затем наши паствы жили более или менее мирно. Слава Господу!

– Большое спасибо за интервью!

РАДОСТЬ В ГОСПОДЕ

Гореловы Виктор Васильевич и Валентина Павловна

– Уважаемые Виктор Васильевич и Валентина Павловна, расскажите, пожалуйста, о том, как Господь вел вас по жизненному поприщу в атеистической стране.

Г.В.В.: Обратился к Господу я в 1950 году в Оренбургской церкви ЕХБ. В 1953 году вынужденно уехал в Алма-Ату: в Оренбурге мне, как человеку верующему, сильно препятствовали в учебе. В Алма-Ате жилось тогда немного свободнее, это был своего рода «город-убежище» для верующих, и там я смог окончить ветеринарный институт. В 1955 году меня направили на целину, где проработал несколько лет в совхозе ветеринарным врачом. А в аспирантуре мне учиться

уже не дали, прямо сказав, что причина этого – в моих религиозных взглядах.

Затем я переехал в Алма-Ату на постоянное жительство, где посещал центральную церковь ЕХБ. В 1958 году принял крещение. Трудился в церкви среди молодежи. Мы тогда много путешествовали по всей Средней Азии, проповедовали Слово Божье, проводили частые молодежные общения. В своей церкви помогали престарелым братьям и сестрам, брались с усердием за любую работу во славу Господа.

В 1972 году меня рукоположили на диаконское служение и тут же поручили председательство в исполоргане. Эта должность была крайне непопулярной среди христиан, потому что предполагала постоянные встречи «с внешними», прежде всего – с уполномоченным по религиозным культам. Помню, вскоре после моего избрания на это служение к нам в церковь приехала группа братьев из Австрии. Состоялась радостная встреча, гости участвовали в богослужении.

А вскоре после их отъезда пресвитера церкви и меня, как председателя исполоргана, вызывает к себе уполномоченный и начинает отчитывать за то, что в нашей церкви проповедуют иностранцы.

Я почувствовал, что поддаваться этому давлению нельзя, иначе нас совсем зажмут со всех сторон. Попросил у Господа мудрости, как поступить. И вот пришли на сердце такие слова, которые и сказал уполномоченному: «Знаете, в вашей власти пограничные пункты, таможни, вся Советская Армия. Вы уж тогда, пожалуйста, не пускайте к нам этих иностранцев вовсе! Мы и без них проживем. Ну, а если вы к нам иностранцев впускаете, то их нужно уже и принимать по-человечески, чтобы они потом не говорили о нас плохо за границей… Мы приняли гостей как своих братьев

по вере, никто от этого, думаю, не пострадал. А если мы поступили неправильно, то вообще больше к нам иностранцев не впускайте!» После этих слов уполномоченный на меня удивленно посмотрел и не нашел, что возразить. Так мы, с Божьей помощью, всегда пытались ходатайствовать перед властями за народ Божий.

В 1976 году меня избрали пресвитером церкви. Однако я еще на короткое время оставался председателем исполоргана, до следующего своего столкновения с уполномоченным по религиозным культам.

Помню, проводили мы как-то членское собрание с испытанием крещаемых. И вдруг, безо всякого предупреждения, к нам заходит уполномоченный, важно проходит вперед и усаживается рядом со служителями церкви. Проводил тогда собрание я, и сильно мне было это поведение уполномоченного не по сердцу.

И тогда я ему вежливо, но твердо говорю: «Извините, пожалуйста, но вы не член церкви и не можете присутствовать на сегодняшнем служении!» Уполномоченный возмутился, стал спорить, но тут меня поддержала церковь, и неприятный гость был вынужден с позором удалиться. После этого случая у меня забрали справку председателя исполоргана. Я был тому только рад, уж очень это непростое дело – вести диалог с теми, чьи профессиональные обязанности заключались в том, чтобы вмешиваться в дела Церкви…

Атеисты нам доставляли много хлопот и неприятностей: не разрешали расширять здание церкви, строить балкон и прочее, и прочее. Такие были времена.

В 1981 году меня избрали старшим пресвитером по Казахстану. Сколько мог, я отказывался, не считал себя достойным. Но братья рассудили иначе. В 1980-е годы начиналось уже некоторое потепление к Церкви

со стороны властей, хотя, конечно, и на наш век еще хватило трудностей.

КГБ уговаривал меня сотрудничать еще в 1959 году, однако я отказался. Пообещали мне за это много трудностей в жизни. Как раз в это время мне и не дали учиться в аспирантуре. Когда я стал служителем церкви, приходилось еще несколько раз беседовать с сотрудниками КГБ. Они показывали мне даже старые дореволюционные журналы, где писалось, что жандармы следили за собраниями баптистов, – дескать, и мы делаем то же самое, с чем прежние баптисты смирялись. Думаю: надо же, готовы себя даже с царскими жандармами сравнивать, лишь бы только не упускать наши церкви из виду… И все же к тем, кто говорил этим людям твердое «нет», они и сами в глубине сердца относились уважительно.

Когда мне в 1992 году исполнилось шестьдесят лет, я тяжело заболел и попросил братьев отпустить меня на пенсию. Они сделали это с большим уважением, даже подарили машину, что было очень трогательно. Оглядываясь на прожитую жизнь, я могу только возблагодарить Бога: у нас с женой шесть детей, пятнадцать внуков, и все мы служим Господу!

Г.В.П.: Мои родители обратились к Богу, когда мне было семь лет. Так что я успела получить христианское воспитание. С юных лет ходила в церковь. В пятнадцать лет покаялась, в восемнадцать – крестилась. Пресвитером церкви тогда у нас был замечательный брат Николай Дмитриевич Тихонов. В 1962 году вышла замуж за Виктора Васильевича. С тех пор, как могу, помогаю супругу в служении: воспитываю детей, принимаю гостей, собираю мужа в многочисленные поездки. Много лет пела в хоре нашей Алма-Атинской церкви.

О советских временах вспоминается, как атеисты нам препятствовали собираться вместе. И тогда мы с молодежью уходили далеко в горы, там пели и молились до глубокой ночи. Это было даже намного интереснее, чем просто встречаться в городских домах.

В горах, посреди удивительной красоты Божьей природы, иногда собиралось до нескольких сот молодых людей. Мы испытывали огромную радость от совместного прославления нашего Господа Иисуса Христа. В учебных заведениях, где мы учились, нам часто занижали оценки, обижали, смеялись над нашей верой в Бога. Но зато мы, верующие, тогда жили очень дружно между собой. Сегодня, мне кажется, это уже немного не так.

Я много лет работала в швейном ателье. И у нас время от времени проводились антирелигиозные лекции. Когда на производство приезжали лекторы-атеисты, они пытались верующих переубеждать. Однако при советской власти многие из нас были на хорошем счету в своих трудовых коллективах, и не раз приходилось слышать от руководителей: «Я бы с радостью уволил всех пьяниц и набрал бы одних баптистов!» Таким добрым было свидетельство миру наших братьев и сестер в те годы.

– Какое событие в вашей жизни вы расцениваете как Божье чудо?

Г.В.П.: Мой старший брат, хотя воспитывался в христианской семье, после армии решил жениться на неверующей девушке и стал настаивать на том, что нам на свадьбе обязательно нужен самогон… Это было большим испытанием для всей семьи. Мы молились и просили помощи у Господа, потому что никого из нас

мой брат не хотел слушать. И вот в ответ на молитвы произошло чудо: неверующая невеста согласилась (из интереса) сходить на собрание в нашу церковь.

А там Господь сокрушил ее прежнее сердце, и она стала посещать все наши молодежные собрания и вскоре покаялась в своих грехах. После этого почти сразу раскаялся и мой брат. Таким образом, когда подошло намеченное время свадьбы, ни о каком спиртном уже речи не было. Так Господь чудесно нам помог!

– Как у вас в церкви в прежние времена проходили богослужения? Как складывались отношения с Советом Церквей?

Г.В.В.: Раньше у нас существовали большие хоры. Мы с особым чувством всей церковью пели старые гимны, часто делая это стоя: «О, имя Иисуса…», «Люблю, Господь, Твой Дом», «Страшно бушует житейское море», – это море тогда действительно бушевало…

Разделение 1960-х годов нашей центральной церкви почти не коснулось. Руководящие братья в свое время не дали ходу опасным письмам ВСЕХБ. В этом была явлена их мудрость от Господа. В самые трудные годы давления на церковь (в хрущевские времена) наши служители просили не сообщать им, куда ездит молодежь, где собирается, – чтобы им потом было легче держать ответ перед власть имущими. В том также проявлялась мудрость старцев.

А вот во второй Алма-Атинской церкви разделение, к сожалению, произошло. Но и после образования общины Совета Церквей в нашем городе мы, со своей стороны, всегда старались поддерживать со всеми добрые христианские отношения. Бывали даже случаи, когда члены зарегистрированной церкви помогали

печатникам Совета Церквей, прикрывали их. Ведь члены официально разрешенных общин у милиции обычно вызывали меньше подозрений.

– Если можно, ответьте, пожалуйста, кратко еще на следующие вопросы: как у вас братья относились к службе в армии, к церковным постам, как понимался вопрос спасения (сегодня многих в нашем братстве беспокоит кальвинистское учение) и, наконец, бывало ли в ваших краях до перестройки какое-то мирное общение с представителями Русской православной церкви? Все эти темы очень актуальны для сегодняшних наших общин.

Г.В.В.: В отношении военной службы: один из наших членов церкви в хрущевские годы отказался служить в армии из-за своих миролюбивых христианских взглядов, и сразу же получил за это пять лет заключения.

Позднее за отказ от оружия или присяги уже не сажали, а направляли в стройбат. Церковь, как правило, предоставляла этот вопрос совести самих верующих, т.е. благословляла и тех, кто честно служил, и тех, кто по своим глубоким убеждениям служить не мог.

О посте: мы не ели и не пили, когда постились. Как правило, одни сутки, вознося к Господу свои особые церковные и личные нужды.

Кальвинизма у нас в Средней Азии раньше никогда не было. Вероучение Ивана Вениаминовича Каргеля, опубликованное в «Братском вестнике» в 1960-е годы, являлось для нас основой, в том числе и в вопросе спасения. И у нас всегда существовало такое понимание, что спасение, дарованное Господом, нужно сохранить, а кто не бодрствует, тот вполне может его утратить.

То есть богословие наше в те годы было самым практическим!

О православии. При советской власти у нас отношения с православными были довольно неплохими. Мы вместе страдали от государственного атеизма, приходили с батюшкой к уполномоченному и вместе слушали лекции о «международном положении»…

– Большое спасибо за ответы! Теперь последний вопрос: люди так устроены, что им о прежних временах вспоминается преимущественно хорошее, но, быть может, что-то не удалось, не получилось в вашей жизни?

Г.В.В.: К сожалению, я, будучи столько лет служителем церкви, так вполне и не научился по-детски доверять Господу. Часто полагался на свои силы, человеческий опыт. Чем ближе мы приближаемся к Господу, тем больше видим свои недостатки и несовершенства, и на склоне лет это особенно очевидно.

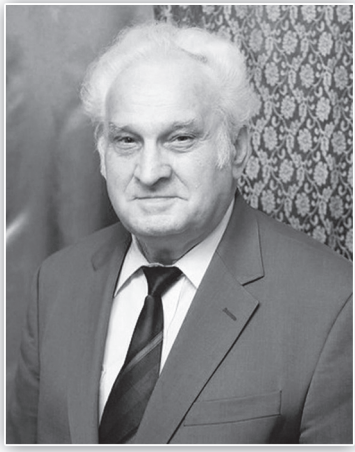
Я с молодости любил стих из Писания: *«Рано насыти нас милостию Твоею, и мы будем радоваться и веселиться во все дни наши» (Пс. 89:14)*.

Милостей от Господа в моей жизни было очень и очень много, и теперь я стремлюсь к той радости, которая обещана всем верующим в Него.

– Большое спасибо за интервью!

НАЧАЛЬНИК-БАПТИСТ

Диордиенко Ярослав Дмитриевич



– Уважаемый Ярослав Дмитриевич, как Господь нашел Вас в этой жизни и призвал на служение?

Я родился в 1933 году в семье военнослужащего. Когда был маленьким, помню, мы постоянно переезжали с места на место. До войны я успел окончить в школе только первый класс. Наша семья жила тогда в Кишиневе. Перед самым началом войны в Молдавии произошло довольно сильное землетрясение. Поэтому, когда начались немецкие бомбежки, моей первой мыслью было, что случилось новое землетрясение. Нас с мамой эвакуировали в Одесскую область. Однако немцы скоро пришли и туда, и мы оказались на оккупированной территории.

В селе, в котором мы тогда жили, открыли церковь, и моя мама вместе с другими женщинами стала туда ходить. Для меня это был первый духовный опыт.

После войны я с отличием окончил среднюю школу и поступил в Одесский железнодорожный техникум. Никогда не был комсомольцем, потому что в то время уже искренне веровал в Бога и ходил в баптистскую церковь. То есть ушел в «штунду», как тогда говорили. Верующих людей в Одессе всегда было много. После войны мы собирались в бывшей лютеранской церкви (кирхе), практически в центре города.

Община разрасталась, и тогда власти задвинули нас на Молдаванку, на улицу Серова, где прежде размещалась трудовая артель с оригинальным названием «Красная синька».

– Интересно, что же в той артели производили: нечто красное или синее?

Вообще-то, там изготавливалась синька для промышленных нужд, однако, поскольку дело происходило на советской территории, то и синька эта именовалась «красной».

– Хорошо, что было с Вами дальше?

Техникум я окончил тоже с отличием, что дало мне преимущество при поступлении в институт. Я тогда, по молодости лет, еще не был крещен (хотя на собрания ходил регулярно), и потому меня какое-то время из-за моих религиозных взглядов не беспокоили. После техникума, в 1952 году, я поступил в политехнический институт на электротехнический факультет. Проучившись четыре года, – а к тому времени я уже

стал членом церкви, – весь наш курс повезли на военные сборы, где мы должны были обязательно принимать присягу.

И вот здесь я, будучи христианином-пацифистом, после серьезных раздумий написал заявление с отказом от присяги по религиозным убеждениям. Все мои однокурсники занимались военной подготовкой, а со мной целыми днями беседовали офицеры, пытаясь как-то переубедить. Однако в духовных вопросах они были несильны, и потому им оставалось только отдать меня под суд. И вот под конвоем, из числа моих же однокурсников с автоматами, меня доставили в следственный изолятор.

Затем в Николаеве состоялся суд, и меня приговорили к четырем годам заключения. Так что вместо пятого курса института, несмотря на отличную учебу, я отправился в Воркуту, на угольную шахту. С моими белыми нерабочими руками меня поначалу многие зеки принимали за жулика, но время все расставило на свои места. Разумеется, я ни от кого не скрывал, что верю в Бога.

– Можно узнать об этом немного подробнее: Вас осудили уже в хрущевские годы?

Свой срок я отбывал, можно сказать, в хорошие времена. Сталинизм в стране осудили, из заключения выпустили миллионы людей. Учитывая экстремальные условия работы на Севере, да еще под землей, нам тогда засчитывался каждый трудовой день за три.

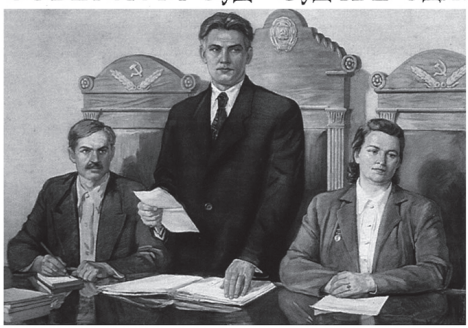
В итоге, я провел в лагере только один год и восемь месяцев. В 1958 году, по милости Божьей, освободился и поехал в Одессу. Там вскоре женился на сестре по вере, с которой до этого был знаком десять лет.

В заключении у меня получилось заработать достаточно денег для свадьбы. Я купил себе хороший костюм и даже туфли. По тем временам, это считалось едва ли не роскошью. Так началась моя семейная жизнь.

Устроился работать на сталепрокатный завод. Рабочие мне часто задавали вопросы о Боге и то ли в шутку, то ли всерьез называли «батюшкой». За что меня, кстати, очень быстро и уволили с работы. Официально: «по сокращению штата», приличия соблюдались. Ведь за веру в Советском Союзе официально никого не сажали и не увольняли…

Жена у меня тогда была беременной, а я нигде в городе не мог найти работу. Отдел кадров сразу же кто-то информировал, что я баптист, да еще побывавший в заключении, и мне отказывали даже в самой «черной» работе. О том, чтобы восстановиться в институте, тогда не могло быть и речи. В стране проводилось очень жесткое наступление на религию. Наконец, меня приняли на предприятие, которое занималось электрификацией сел в Одесской области. Здесь я со временем даже стал начальником участка. И моя семья уже не жила в нужде.

– А с учебой у Вас уже ничего не вышло?



В 1960-м году я попробовал подать документы на заочное отделение другого вуза, где меня ник-

то не знал, – в Днепропетровский институт инженеров транспорта. И вот через какое-то время пришел ответ, что меня зачислили на четвертый курс этого института. Учитывая заочную форму занятий, мне нужно было там проучиться целых три года. И все равно для меня это была большая радость, я от всего сердца прославил Господа!

А потом у меня вдруг появилась возможность сдать основную часть экзаменов досрочно. Коротко говоря, в 1961 году я уже, с Божьей помощью, сдал все экзамены и даже защитил дипломный проект. Мне должны были вручить красный диплом, но, как оказалось, кто-то из руководства вуза обратил внимание на нестыковку дат в моих документах: что это за отличник такой, который начал учебу в 1952 году, а окончил только в 1961-ом? Разразился скандал, но существовали, оказывается, и у меня доброжелатели. В итоге, диплом мне все же выдали… Во всем этом я вижу руку Божью.

– Этот диплом что-то изменил в Вашей жизни?

После получения документа о высшем образовании, удивительное дело, меня стали продвигать по службе, и я даже короткое время (примерно полгода) проработал директором небольшого завода железобетонных изделий в пригороде Одессы. У меня, убежденного баптиста, под началом оказались примерно полторы сотни человек, коммунистов и беспартийных…

Конечно, мне самому такое положение вещей казалось невероятным. Потому что я никогда не сотрудничал с советской властью, не переставал ходить в церковь и перед началом всякого дела молился. Однако быть директором завода в СССР означало все же вхо-

дить в партийную номенклатуру, со всеми вытекающими отсюда, неприемлемыми для верующего человека моментами. Поэтому, столкнувшись с советскими директорскими реалиями (взятки, приписки, застолья), я вскоре сам написал заявление об увольнении с высокой должности.

Это было непростое решение, но Бог меня благословил: тут же нашлась новая работа, на этот раз – в конструкторско-технологическом институте в Одессе, где я вскоре был назначен ответственным за проектную группу. Хотя, опять же, все вокруг знали, что я не поддающийся перевоспитанию баптист. Это было где-то в середине 1960-х годов.

Однако радость моя продолжалась недолго: на меня начал давить КГБ, принуждая к сотрудничеству с «органами». Когда я отказался, стали мелочно мстить: ущемлять в зарплате и прочее, и прочее, как они это умеют делать.

В общем, я был вынужден опять искать работу. Меня в городе к тому времени уже неплохо знали в организациях, связанных со строительством, и мне неожиданно нашлось место старшего научного сотрудника в НИИ строительного производства.

Я воспринял это как Господнее благословение за то, что старался быть верным Ему. Бог в долгу никогда не остается! И уже в этом институте, дослужившись до руководителя лаборатории, я проработал двадцать три года, до самого выезда из Советского Союза.

– Можно узнать, за что Вас так ценило начальство?

Мой начальник в НИИ был из семьи православного священника (в чем он мне однажды тайно признался). И хотя сам он оказался человеком неверующим, в ка-

кой-то степени страх Божий имел. Во всяком случае, он меня всегда защищал от парторгов, хвалил как специалиста, и благодаря этому я только и смог удержаться в нашем НИИ. А начальнику я был нужен, потому что выполнял не только свои функции, но и зачастую его прямые обязанности, например, часто ездил в командировки.

Уже в первые годы своей работы в НИИ я написал две кандидатские диссертации, одну – для своего начальника, другую – для себя. И тут мне государство вновь болезненно напомнило, кто я такой: свою диссертацию я защитить так и не смог (точнее: мне не дали), а вот начальник мой защитился вполне успешно… Моя должность предполагала ученую степень, поэтому были определенные сложности.

Выручало то, что у меня имелся ряд научных публикаций (опять же, в соавторстве с другими специалистами, одного меня обычно не печатали) и двадцать пять зарегистрированных технических изобретений. Так Господь никогда не оставлял меня милостью.

– Слушая Вас, невольно вспоминается библейская история об Иосифе в Египте. Вы, кажется, на работе тоже оказались правой рукой своего «фараона»…

Да, в некотором смысле есть сходство, хотя я себя, конечно, не сравниваю с Иосифом!

– Теперь, пожалуйста, немного больше расскажите о Вашей церковной жизни.

Я всегда был членом центральной (зарегистрированной) Одесской общины. Долгие годы являл собой пример классического «прихожанина» и, можно ска-

зать, подпирал собой заднюю стенку молитвенного дома. Но вне церковных стен мы с женой всегда активно участвовали в молодежных собраниях, в чем находили большую радость и испытывали благословение.

А уже позднее, в 1970-е годы, по приглашению братьев, я стал проповедником. После чего немало потрудился на этом поприще, затем был избран членом братского совета, а в середине 1980-х – диаконом.

В конце 1970-х годов мы с братьями из поместной церкви подготовили проект и осуществили реконструкцию нашего молитвенного дома, бывшей «Красной синьки». Пресвитером тогда у нас был В.Е. Логвиненко, который приложил много сил для осуществления этого проекта. По советским временам, у нас получился очень даже неплохой молитвенный дом. Можно сказать, это было чудо Божье, как нам удалось провести все работы под носом у недремлющей атеистической власти. А в строительстве следующего Дома молитвы, в его проектировке, я участвовал уже в Америке, в Сакраменто. Слава Господу за всю полноту жизни во Христе, которую Он мне даровал!

– Большое спасибо за интервью!

Одесса

О МОРАЛИ ХРИСТИАНСКОЙ И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ

Ивановы Василий Васильевич и Антонина Филипповна, Иванов Павел Васильевич, Артемова Валентина Никифоровна, Кицен Николай Иванович и Вера Васильевна

– Уважаемые братья и сестры, расскажите, пожалуйста, о том, что Господь совершил в вашей жизни, что назидательно и чем вы могли бы поделиться с молодым поколением.

И.В.В.: Я уверовал в 1937 году во Владикавказе. Мне было тогда шестнадцать лет. Все церкви в те годы были закрыты. Верующие люди собирались небольшими группами по домам. Тем не менее, служитель церкви осмелился крестить меня и еще одного брата в ночное время в Тереке. Так я в 1938 году стал членом церкви Христовой.

В 1941 году мы с Антониной Филипповной поженились. Бракосочетание попросили совершить одного

глубокого старца, служителя, все молодые пресвитеры тогда были в заключении. Старец прочитал нам наставление из Библии и благословил нас. Затем началась война, время тяжкое, но приближающее людей к Богу. И вот где-то к концу войны церкви повсюду стали открываться. И власти, удивительное дело, этому больше не препятствовали. Множество душ тогда обратилось к Господу. Это была великая радость для всего народа Божьего. В жизненных трудностях никогда не нужно унывать, надо лишь вспомнить, что Богу обо всем известно, и обратиться к Нему за помощью.

И.А.Ф.: Я тоже уверовала в Господа Иисуса Христа в 1930-е годы, а крестилась в 1939-м. Нас тогда было четыре девушки, которые уверовали. Крестили нас тоже ночью, почти на том же месте Терека, что и Василия. Как мы ни радовались этому замечательному событию, о нем следовало помалкивать, чтобы, не дай Бог, не узнали в НКВД и не посадили брата, осмелившегося крестить нас. А уже после войны духовная жизнь в стране, действительно, была на подъеме. Все больше людей открыто приходили в церковь. Мы создали хороший хор. А в 1950 году наша семья переехала из Владикавказа в Черновцы, на Западную Украину.

И.П.В.: Я родился в 1944 году. Родители решили переехать на Западную Украину, потому что получили от родственников добрые свидетельства о религиозной свободе в тех краях, о большом количестве верующих людей и церквей. «Даже флаг там не полностью красный!» – простодушно сказал нам кто-то, сравнивая флаги Украинской ССР (с полоской) и общесоюзный. В общем, мы переехали в Черновцы и стали там полноправными членами поместной евангельско-баптист-

ской церкви. Община в те годы еще была небольшой, несколько десятков человек. В 1960-е годы членов церкви становится заметно больше, появляется немало христианской молодежи.

Пресвитером у нас тогда был молодой и благословенный брат К.С. Седлецкий. Он немало способствовал тому, что община сохранила единство в те трудные годы, когда по всей стране в братстве ЕХБ происходило разделение. Городские власти Карла Станиславовича невзлюбили. В 1967 году они даже сфабриковали уголовное дело о «ритуальном убийстве», якобы совершенном членом нашей общины, при косвенном участии пресвитера Седлецкого. После этого состоялся суд, который закончился тем, что Карла Станиславовича не осудили, но заставили выехать из Черновцов, и он отправился на какое-то время в Казахстан.

Когда меня призвали в армию, я сначала отказался принимать присягу, ссылаясь на свои религиозные убеждения, основанные на учении Христа. Но со мной командиры в течение нескольких месяцев беседовали примерно следующим образом: нам известно, что твоя церковь входит в большой Союз с центром в Москве; ваши старшие пресвитеры призывают служить в армии с оружием в руках, такое у вас официальное учение; следовательно, тебя мы будем судить не за религиозные убеждения, но за обычное уклонение от исполнения воинского долга, а твой пресвитер в церкви получит еще больший срок за то, что он тебя неправильно наставил, вопреки директивам, исходящим от вашего московского руководства…

И, должен признать, такие слова постепенно оказали на меня свое действие, и я в конце концов принял присягу, разве что не произносил слово «клянусь».

– Но ведь Вы не оставили веру в Бога. Он каким-то образом помогал Вам во время службы?

И.П.В.: Господь был близок ко мне в армии, как никогда. Я знал из письма друга, что в городе, в котором служил, есть община верующих. У меня был записан даже адрес молитвенного дома. Однако коммунисты обычно старались все церкви задвинуть куда-нибудь подальше, на окраины, чтобы их не было видно. И поэтому я какое-то время никак не мог узнать, где находится нужный мне маленький переулок. И тогда мне помог Господь.

Наше отделение как-то ехало в кузове большой армейской машины, и один из солдат неожиданно уронил на дорогу штык-нож. Постучали водителю по кабине, тот не захотел останавливаться на оживленной улице и свернул в первый попавшийся переулок. Пока солдат бегал за своим оружием, я обратил внимание на табличку на стене ближайшего дома: это был именно тот переулок, на котором находился молитвенный дом! Теперь я легко сориентировался и во время следующего увольнения в город посетил собрание, был в общении со своими братьями и сестрами по вере. Так Господь чудесно мне помогал!

– А случались в Вашей христианской жизни какие-нибудь разочарования?

И.П.В.: Пожалуй, да. Когда я после армии женился, то пятерых участников нашего мирного свадебного вечера оштрафовали, на пятьдесят рублей каждого. Я тогда, помню, в юношеском возмущении хотел опротестовать решение административной комиссии в судебном порядке: неужели в Советском Союзе нельзя

даже пригласить на свадьбу друзей? Однако в здании суда надо мной только посмеялись и даже заявления не приняли. Что, пожалуй, было и к лучшему…

А когда женился один мой друг из Совета Церквей, то местные власти подогнали к дому грузовую машину с сидящим в кузове духовым оркестром, громко заигравшим советские марши. И вот тут Бог дал нам мудрости с улыбкой сказать непрошенным гостям: «Мы благодарны вам, что вы нас сегодня посетили и хотите разделить вместе с нами радость свадебного пира, но давайте исполнять песни по очереди: одну споете вы, другую мы…» И такое мягкое слово подействовало на нашего противника лучше любых акций протеста! Эти люди вскоре перестали нам мешать, играли негромко, а потом и вовсе потихоньку куда-то разошлись. Это был для меня хороший урок…

А.В.Н.: Я родилась в 1945 году в Татарстане. Мама у меня была верующей. Из нашего городка мы с ней ездили на электричке в церковь ЕХБ в Казань. В 1960-м году я обратилась к Господу и обрела много друзей среди верующей молодежи. Для меня всегда было радостно и интересно участвовать в делах церкви. Мы часто посещали больных и престарелых, помогали им, чем могли. Еще я пела в хоре, это было моим служением Господу.

Когда в братстве произошло разделение, я вместе со многими молодыми братьями и сестрами поддержала Совет Церквей. Мы стали собираться для служения тайно. Если нас находили милиционеры и дружинники, то нередко штрафовали и пугали тюрьмой. Однако мы все равно продолжали собираться вместе и служить Иисусу Христу. В 1966 году на озере, неподалеку от Казани, я крестилась вместе со своими дру-

зьями из христианской молодежи. И с тех пор вся моя жизнь принадлежит Богу.

– Приходилось ли кому-то из вас до начала перестройки открыто отстаивать свои убеждения, защищать христианскую веру от нападок атеистов?

К.В.В.: В середине 1960-х годов в Черновцах по инициативе местных властей прошли несколько памятных общегородских диспутов, на которых наши братья очень достойно выступили в защиту Бога.

Темой первого диспута, помнится, был вопрос: «Иисус Христос: реальная личность или миф?» Во Дворце культуры, при большом скоплении людей (в основном, студентов вузов) ученые атеисты, преподаватели институтов, старательно доказывали мифичность личности Иисуса Христа. А со стороны христиан выступали наши братья во главе с пресвитером К.С. Седлецким, который, кстати, был очень образованным человеком, и потому дискуссия проходила на достаточно высоком уровне. Правда, Карл Станиславович, когда волновался, начинал заикаться, но ему очень хорошо помогал один брат, в кульминационный момент диспута, например, обратившийся ко всему залу с такими неожиданными словами:

– Скажите, Ленин был?

Все в ответ кричат:

– Был!

– А ленинцы сегодня есть?

– Есть!

И тогда наш брат продолжил логическое рассуждение:

– А христиане сегодня есть?

– Есть!

– Значит, Христос был?

– Да! – закричала большая часть зала.

И атеисты были вынуждены срочно закончить направившуюся в нежелательное для них русло встречу…

Второй подобный диспут состоялся несколько месяцев спустя. Тема его звучала так: «Мораль христианская и мораль коммунистическая». На этот раз атеисты претерпели еще больший позор. Потому что со стороны баптистов выступил лишь необразованный старичок. Атеисты поначалу к нему вообще не отнеслись серьезно, и поплатились за это. А старичок спокойно поведал сотням слушателей такую жизненную историю:

«Работал я сторожем в колхозе „Путь к коммунизму“ много лет. Каждый день молился Богу, и все шло благополучно, колхоз был небедным. Но вот однажды парторг сказал председателю, что нехорошо баптистам занимать материально ответственные должности, и меня уволили. Я поблагодарил Бога и стал заниматься другим делом. Прошло года два или три, и вот как-то приезжает ко мне домой председатель и просит вернуться, чтобы вновь работать сторожем. Жалуется, что уже несколько человек поменяли, и все воруют так, что скоро колхоз по миру пойдет. Я говорю: но ведь парторг сказал, что нельзя баптистам занимать такую должность. А председатель отвечает: забудь про парторга – его самого уже посадили за растрату! Вот вам и разница между моралью христианской и моралью коммунистической…»

После этих слов весь зал долго и бурно аплодировал дедушке. Продолжать диспут было бессмысленно. На третий раз организаторы пригласили бывшего верующего человека, который давно отрекся от Бога и стал лектором по научному атеизму. Это произошло уже года через два после первых двух диспутов. И вот тот падший человек

стал с пафосом рассказывать, как он отказался от христианской веры. Чтобы усилить впечатление на слушателей, вероотступник показал всему залу свою руку, на которой не хватало одного пальца. При этом он заявил, что раньше был настолько «сильным» верующим, что по слову Христа решил отсечь себе руку за то, что она каким-то образом «соблазняла» его. Он будто бы положил эту руку на рельсы под проходящий поезд, но ему почему-то отрезало только палец.

А в зале тогда находилось немало верующих людей разных деноминаций. Все-таки Западная Украина. И вот многие стали высказывать недоверие к словам вероотступника, а кто-то даже громко воскликнул: «Если ты лжешь, Бог тебя накажет!» А этот лектор, вместо того, чтобы остановиться, напротив, с вызовом закричал: «Хорошо! Если я лгу, пусть меня Бог накажет!» Весь зал загудел, словно улей, пришел в какое-то неистовое движение. Ведь одно дело дежурные атеистические фразы, а тут – открытый вызов Богу. Ведущий призвал всех к тишине и снова передал слово лектору, который был в тот вечер «гвоздем программы». Вероотступник жестами показал, что скажет сейчас нечто важное, но… не смог говорить. Он вдруг полностью лишился голоса! Уже в абсолютной тишине, страшно побледнев и часто делая отчаянные глотательные движения, бедный лектор так больше и не произнес ни единого слова. «Вот тебя Бог и наказал!» – закричали из зала. И тут такой ужас напал на безбожников, что диспут сразу же прекратили. Некоторые люди прямо убегали из зала, настолько они испугались явленной в тот вечер силы Божьей.

– Спасибо за это свидетельство! Вы можете еще что-то добавить к сказанному?

К.Н.И.: Я родился в 1938 году в верующей семье. Большую часть жизни провел в Черновцах. Обратился к Богу, когда служил в армии в Белоруссии, во время беседы с одним старшим офицером. У него в кабинете, среди прочих книг, оказалась Библия, и он сам был, несомненно, верующим человеком. Этот офицер заинтересовался мной, когда узнал, что я из христианской семьи. О себе же он однажды сказал: «Знаешь, кто такой Никодим?.. Тайный ученик Христа. Это я...»

Отслужив в армии, я вернулся домой и стал активно участвовать в делах церкви. Вскоре за организацию молодежного струнного оркестра при нашей общине власти пообещали меня посадить. Как-то меня допрашивал уполномоченный по делам религиозных культов и, желая сломить мое юношеское упорство, так толкнул меня со второго этажа, что я летел по лестнице до самых дверей. В ту минуту я, так сказать, буквально испытал на себе тяжелую руку советской власти.

А встреча с КГБ у меня закончилась совершенно неожиданно. Офицер, который со мной беседовал, написал от моего имени хорошую объяснительную записку и был как-то расположен к церкви. Затем меня и вовсе перестали беспокоить «органы». Однажды мы с этим офицером встретились в городе, и он мне рассказал, что у него, оказывается, была верующая бабушка, которую он очень любил и уважал, и эта бабушка перед смертью строго предупредила, чтобы он никогда в своей службе не преследовал никого из верующих. И вот он старался так и поступать. Я поначалу отнесся к этому рассказу с недоверием, все ожидал какого-то подвоха, однако ничего дурного так и не случилось.

И тогда я поблагодарил Господа за эту неизвестную мне бабушку и за то, что у Него были Свои люди даже и в рядах КГБ...

– Спасибо! А кем Вы тогда работали на производстве и чем занимались в свободное время (если оно у вас было)?

К.Н.И.: Какое-то время я работал на фабрике мебельщиком, но когда узнали, что я принял крещение в баптистской церкви, меня быстро уволили. Не получилось и с учебой в университете, куда я собирался поступить. Как только открылось, что я не комсомолец, а к тому же еще и баптист, – не дали учиться. Однако я ни о чем не жалею. Бог никогда не оставлял нашу семью, всегда открывал перед нами и Свои сокровищницы с духовными познаниями и щедро подавал хлеб насущный.

Что касается свободного времени, то его обычно было мало. Но мы и его старались проводить с пользой. Например, несколько семей из поместной церкви, включая нашу семью, переплетали книги, подпольно издаваемые Советом Церквей, посещали другие общины, как могли, участвовали в деле Божьем.

– Большое спасибо за интервью!

БЛАЖЕННЫ МИРОТВОРЦЫ!

Коваленко Леонид Ефимович

– Уважаемый Леонид Ефимович, расскажите, пожалуйста, о том, как Вы уверовали в Бога, о начале Вашего духовного пути.

Я родился в 1925 году в Полтавской области. Затем наша семья, родители и шестеро детей, переехали в Миргород. Там мой отец был избран Всеукраинским Союзом баптистов на служение благовестника. По нескольку месяцев в году он проводил в поездках, проповедуя Евангелие и помогая братьям в устройстве поместных церквей. Мама моя также была искренней христианкой и, вопреки политике воинствующего атеизма в СССР, прививала нам, своим детям, любовь и преданность Господу.

Когда начались сталинские репрессии, коснулись они и нашей семьи. Отец получил свой срок за веру в Бога в 1940 году. К счастью, он остался жив и вернулся домой незадолго до окончания войны. Когда же война только началась, наша семья испытала на себе все тяготы оккупации. Мы жили тогда возле Кременчуга. По соседству с нами проживала еврейская семья, и немцы ее расстреляли безо всякой вины. Не щадили ни стариков, ни детей. Меня самого едва не забрали на работы в Германию. Вместе с тем, немцы не препятствовали проведению богослужений ни православным, ни протестантам. Не то чтобы как-то поощряли, но не препятствовали. А для нас этого было вполне достаточно, каждое собрание доставляло нам огромную радость и утешение.

Когда пришли советские войска, меня призвали в армию. За отказ брать в руки оружие по религиозным убеждениям коммунисты тогда расстреливали (как расстреляли они пресвитера нашей общины). И я, помолившись, пошел служить. Мне на память пришел стих Писания: *«Верою... прогоняли полки чужих»* (Евр. 11:34). В вопросе воинской службы в нашем братстве всегда сосуществовали различные точки зрения. И все же моей постоянной молитвой на фронте были такие слова: «Господи, дай, чтобы меня не убили, и чтобы я никого не убил!..» И вот, в одном из боев в Чехословакии в марте 1945 года, в самом конце войны, я был ранен, и на том закончилась моя служба. Так Бог ответил на молитву.

– Все-таки вопрос применения оружия христианином и сегодня остается не вполне решенным. Может быть, теперь, на склоне лет, Бог дал Вам больше ясности в этой теме?

Что касается оружия, я бы сказал так: Господь дважды в моей жизни допустил осечки, за что я Ему очень благодарен…

В начале 1930-х годов, когда я был еще совсем мальчишкой, у нас на пасеке имелось старое охотничье ружье, из которого отец иногда стрелял дробью, отпугивая стаи щуров. Детям стрелять отец не давал и патроны тщательно прятал. И ружье всегда стояло в углу незаряженным, все это знали. И вот я однажды, играя, направил ствол на маму и, не думая, нажал курок.

«А ты проверил, не заряжено ли оно?» – с укором спросила мама. Я открыл ружье и едва не потерял сознание: там был патрон с дробью…

Вторая осечка случилась в 1941 году, когда через наше село немцы гнали длинную колонну с пленными красноармейцами. Женщины тогда выносили из дома вареную картошку и хлеб, а мы, мальчишки, выбирали момент, быстро подбегали к пленным и передавали им эти продукты. Когда женщины попросили меня подбежать поближе к раненым, я приложил все силы и принес им, сколько мог, картошки, но тут меня вдруг заметил конный немец-конвоир. Он хладнокровно направил на меня свою винтовку и спустил курок. Все вокруг вскрикнули, но выстрела не последовало. Милосердный Господь сохранил!

– Я думаю, что этот Ваш рассказ весьма символичен. А как складывалась Ваша жизнь в мирное время?

После войны я поступил на философский факультет Киевского университета. Мой хороший школьный аттестат и ранение на фронте помогли мне поступить. Одновременно я активно участвовал в служении киевской баптистской церкви, часто проповедовал. Когда

руководство университета узнало об этом, меня поставили перед выбором: либо учеба, либо церковь. И вскоре меня отчислили, якобы за неуспеваемость.

Однако желание учиться у меня оставалось очень большим, и я тут же поступил на заочное отделение филологического факультета Одесского государственного университета. Требования, предъявляемые к заочникам, оказались не столь высокими, и мне, с Божьей помощью, удалось через несколько лет получить диплом о высшем образовании.

– Значит, и такое иногда случалось в Советском Союзе? Будучи образованным человеком, какую Вы заняли позицию, когда в братстве ЕХБ произошло разделение?

В 1956 году я женился и переехал на постоянное жительство в Киев. В начале 1960-х годов, когда начала действовать Инициативная группа по созыву съезда церквей ЕХБ, наша семья единодушно поддержала это движение. Мы много лет тесно общались, дружили с Г.П. Винсом. Он мне необъяснимым образом всегда напоминал пророка Божьего. Георгий Петрович, несомненно, был особым сосудом в руках Господа. Нас в то время, как и многих других братьев, особенно беспокоил официальный запрет на посещение богослужений детьми. И тогда началось наше активное сопротивление курсу ВСЕХБ. Я и сегодня считаю, что, несмотря на определенные недостатки, это была героическая борьба за сохранение Церкви Божьей в Советском Союзе. Наши собрания многократно разгонялись милицией, нас арестовывали, штрафовали, запугивали, но мы упорно отстаивали принцип свободы совести и право на свои религиозные убеждения. А наши дети с ран-

него детства получали настоящее христианское воспитание.

– Однако разделение детей Божьих не может продолжаться слишком долго, ведь Господь в Новом Завете призывает нас к единству?

То, что в отечественном евангельско-баптистском братстве произошло разделение, всегда глубоко огорчало мое сердце. Оказав сопротивление атеистам, отстояв свою веру, отменив антиевангельские документы 1960-го года, всем братьям следовало поспешить примириться друг с другом. Я призывал Совет Церквей к примирению со ВСЕХБ еще в конце 1960-х годов, даже написал по этому поводу специальное Открытое письмо (С.Н. Савинский в своем двухтомнике по истории братства цитирует этот документ). В нем, в частности, со ссылками на слова апостола Иоанна об «истине и любви» говорится:

«Церковь Христа... должна опираться не на одну истину, а на две (истину и любовь), дарованные нам во Христе нравственные основы, как человеку дано опираться на две ноги. Оказавшись же на одной ноге, человек становится калекой...

Я призываю вас, братья, обратить серьезное внимание на эту сторону учения Евангелия, ибо духа любви и вытекающих из нее милости и прощения явно недостает отделившимся. Я призываю вас с таким же рвением, с каким вы возвышали голос за истину, возвысить его за истину и любовь в неразрывном целом».

К сожалению, этот мой призыв так и не был услышан, разделение в братстве сохраняется до сих пор.

Г.П. Винс в конце своей жизни тоже много сожалел о продолжающемся разделении в братстве, о том, что недостаточно было сделано для дела единства, молился о примирении всех детей Божьих. В одном из своих последних стихотворений, «Блаженны миротворцы», Георгий Петрович писал:

Блаженны миротворцы – Божий зов!
Бог призывает к миру все народы,
Но хочет Он, чтоб и в семье любовь
Покрыла все проблемы и невзгоды...
Чтоб не было меж братьями вражды...
О, где вы, миротворцы наших дней,
Когда возьмемся дружно за орало,
Чтобы, убрав пласты плотских идей,
Засеять души вечности началом?

– Что бы Вы пожелали современному молодому поколению христиан?

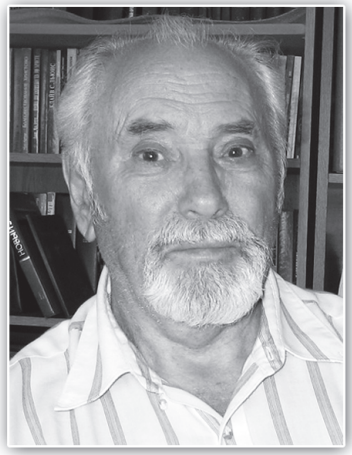
Один брат мне рассказал следующий случай. Когда он был молод, то уверовал через свидетельство старца. А когда тот старец умирал, он подарил юноше свое Евангелие с таким чудесным напутствием: «Ты – единственный, кого мне удалось привести к Богу, кто посещает собрание и принял крещение. Только смотри теперь, не отступи от истины! А то ведь я бесплодным у Бога останусь...»

И эти слова так тронули молодого брата, что он при любом искушении говорил сам себе: «Нет, не сделаю этого! Не хочу огорчить Господа и моего старичка...» Так и каждому христианину сегодня я желаю такой же верности и твердости в Господе.

– Большое спасибо за интервью!

В ПОЛОЖЕНИИ ПРОРОКА ИОНЫ

Коломийцев Алексей Иванович



– Уважаемый Алексей Иванович, расскажите, пожалуйста, о том, что сохранилось в Вашей памяти о христианской жизни и служении до начала перестройки.

В 1947 году я обратился к Господу в Таганроге и в следующем, 1948 году был крещен братьями в Азовском море. В то же время я окончил железнодорожное училище и был направлен на работу в город Шахты, в Ростовской области. Здесь прожил много лет. Проповедовать начал в 1949 году. Затем до 1953 года служил в армии, вернувшись из которой женился и продолжил проповедь Евангелия в Шахтах. У нас в то время существовала только одна зарегистрированная цер-

ковь евангельских христиан-баптистов. И вот до начала 1960-х годов мы с братьями совершали там служение Господу.

Затем, когда в хрущевское время вышло печально известное Инструктивное письмо старшим пресвитерам и новое Положение ВСЕХБ, пресвитер в Шахтах собрал братский совет и, зачитав эти документы, предложил всем подписаться о своем согласии с тем, что нам рекомендовалось сверху, из Москвы. Кто-то из братьев так и поступил. Однако я ничего не подписывал и поэтому вскоре, из-за усилившегося на меня давления, был вынужден уехать из Шахт.

– Вы в то время уже были как-то связаны с Инициативной группой?

Тогда еще не существовало никакой Инициативной группы, и моя позиция по отношению к антиевангельским документам ВСЕХБ являлась лишь частным мнением. Я уехал на Донбасс, где имел возможность проповедовать в некоторых общинах. Там познакомился с замечательным братом Михаилом Тимофеевичем Шапталой, и затем нас с ним долгие годы, до самой его кончины, связывали дружеские отношения. А в 1960-м году возникла идея образования Инициативной группы.

Колыбелью движения пробуждения в нашем братстве, я считаю, стал Харьков. Там среди братьев проявились наиболее сильные настроения против курса ВСЕХБ. Однако в сам состав Инициативной группы вошли преимущественно братья из других городов во главе с Г.К. Крючковым и А.Ф. Прокофьевым. Целью движения пробуждения было проведение Всесоюзного съезда братства ЕХБ и оздоровление внутрицерковной

обстановки во время сильного государственного наступления на религию в 1960-е годы. Руководство ВСЕХБ не верило, что такой съезд возможен, боялось властей. И поэтому всех братьев и сестер, которые поддержали Инициативную группу, стали на местах притеснять, обычно мотивируя это тем, что коммунисты могут закрыть молитвенные дома. И тогда произошло печальное разделение в братстве, которое никем из нас не планировалось…

– А какое служение Вы совершали в Совете Церквей? Вы были на нелегальном положении?

Меня избрали благовестником (аналог «старших пресвитеров») по Кавказу, а также по Ростовской и Волгоградской областям. Большинство руководителей Оргкомитета и Совета Церквей из-за преследований вынужденно перешли на нелегальное положение (включая и меня).

Исключением в этом смысле стал М.Т. Шаптала, который, будучи благословенным пастырем, не страшась ареста, никогда не уходил в подполье. Конспирация в Совете Церквей была очень строгой. Г.К. Крючков умел это организовать как никто другой. Однако все равно мало кто из нас избежал заключения…

После массовых арестов летом 1966 года (в связи с многочисленной делегацией у приемной ЦК в Москве) давление на братство со стороны властей стало особенно жестким. Оставшиеся на свободе старшие благовестники попытались организовать срочную встречу в Москве, однако, стремясь к большей безопасности, перенесли ее сначала в Киев, оттуда в Харьков, затем в Харцызск и, наконец, в Иловайск (в Донецкой облас-

ти). И я вместе с другими братьями проехал за несколько суток по всему этому маршруту.

После состоявшегося в Иловайске совещания, поручив руководство братством М.Т. Шаптале, мы разъехались по своим регионам. Я направился в Пятигорск, но был очень измотан долгой поездкой и остановился по пути в Кисловодске, чтобы немного отдохнуть у знакомого служителя. Мы купили с ним хорошей рыбы. Пока хозяйка ее готовила, я прилег на кровать. И только задремал, как в дом ворвались сотрудники КГБ и арестовали меня. Мой портфель с важными документами находился в другой комнате, и его они, к счастью, не заметили. Помню, когда меня выводили из дома, там стоял чудесный запах жареной рыбы, которую, увы, мне так и не довелось попробовать…

Наручники на меня не надевали. Со стороны, вероятно, мы с арестовавшими меня чекистами выглядели мирно прогуливающимися людьми. Однако меня строго предупредили: «Алексей Иванович, только не вздумайте бежать – мы вооружены!» Затем они меня посадили в «Волгу» и отвезли в местное управление КГБ. Там в ходе допроса выяснилось, что госбезопасности уже известно о совещании служителей и обо всех наших последних передвижениях по стране. Очевидно, кто-то донес.

Единственное, в чем ошибся их осведомитель, это в точном месте совещания. Он указал Харцызск, а встреча служителей была в соседнем Иловайске. Это позволило мне с чистой совестью отрицать, что я участвовал в каком-либо совещании СЦ в Харцызске. Мой следователь злился и не мог ничего понять. Методов физического воздействия ко мне, правда, не применяли (как, кстати, и ко всем арестованным руководителям Совета Церквей, опасаясь, вероятно, возможного меж-

дународного резонанса), однако психологически давили сильно. Помню, даже в следственный изолятор в Черкесск меня специально везли по лесным дорогам, дабы почувствовал, что машину могут в любом месте остановить, и никто меня больше никогда не найдет…

– Что было затем? Как долго Вы находились под следствием?

В Черкесске меня допрашивал полковник КГБ. В начале беседы он постукивал пальцами по столу и многозначительно напевал коммунистическую песню: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути…» Затем он дал мне прослушать магнитофонную запись с одним из моих недавних выступлений в церкви и даже похвалил меня, сказав, что мне можно было бы читать лекции на фабриках и заводах для советских людей, а потом плавно подвел к тому, что веру в Бога нужно оставлять и начинать сотрудничать с КГБ. Разумеется, от такого предложения я наотрез отказался. Тогда в мой адрес посыпались угрозы и начались бесконечные допросы. Особенно в то время КГБ интересовался печатными точками Совета Церквей в нашем регионе.

Допросы продолжались помногу часов. Я очень уставал от них. Но вот однажды Господь мне послал большое ободрение через одного следователя, приехавшего из Ставрополя. Когда мы с ним остались на короткое время в кабинете одни, он неожиданно мне трижды твердо сказал: «Крепись!» Иначе как чудом это было трудно назвать. В меня как будто новые силы влились.

И еще был подобный случай, когда однажды во время обыска у меня нашли книгу библейских толкований Н. Салова-Астахова с антикоммунистическими

высказываниями, но офицер вдруг перепрятал эту книгу в моем же доме, и потому мне тогда удалось избежать заключения. Так Господь иногда касается и сердец наших гонителей.

– На какой срок Вас в итоге осудили?

Меня судили по двум статьям советского уголовного кодекса: ст. 142 («Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви», с лишением свободы до трех лет) и ст. 227 («Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов», до пяти лет лагерей). Когда я ознакомился с обвинительным заключением на 45-ти страницах машинописного текста, то подумал, что такого страшного человека мало и расстрелять. Однако мне дали только три года, как и большинству братьев в то время. Так сказать, советская власть проявила гуманность… Когда меня после суда сажали в «воронок», я вдруг услышал свое имя, и в машину полетели букеты цветов. Так меня поддерживали наши братья и сестры. Это было очень трогательно, такое остается в памяти навсегда.

– А где Вы отбывали наказание? Какие у Вас были отношения с другими заключенными?

Свой срок я отбывал сначала в Великом Устюге, где долбил ломом ледяную землю на стройке… Там я серьезно заболел, и меня перевели в другой лагерь в Вологодской области. Заключенные, узнав, что я сижу за веру в Бога, относились ко мне с уважением, никто меня не обижал. А я им, по мере сил, свидетельствовал о Господе Иисусе Христе.

Один из уголовных авторитетов часто подходил ко мне с вопросами, и мы с ним подолгу беседовали на евангельские темы. Его звали Саша, он выглядел интеллигентно, был вежливым, читал книги, даже находясь в заключении. Причем, он каким-то образом мог заказывать себе книги даже с воли, из очень хороших библиотек. Я посоветовал ему, конечно, прежде всего, прочитать Новый Завет, а затем ознакомиться с некоторыми малоизвестными религиозными произведениями Льва Толстого. Указал ему даже номера томов из полного собрания сочинений Толстого. Каково же было мое удивление, когда через короткое время эти тома уже были на руках у Саши! А ведь тогда мало кто на воле даже мог найти такие книги. Наше знакомство с Сашей продолжалось недолго. Его вскоре перевели в другой лагерь из-за конфликта с администрацией колонии. Не знаю, что было с ним дальше, но я вспоминаю его всегда с добрым чувством, как ищущего Бога человека.

– Интересно, Вы тогда считали себя политзаключенным?

Политическими заключенными наши братья никогда себя не воспринимали (включая, конечно, и меня). Потому что мы не выступали за свержение существующей власти. Нас интересовали только вопросы веры, свободы вероисповедания.

– Какой была примерная численность братства Совета Церквей до начала перестройки? И с чем Вы связываете начало движения автономных церквей ЕХБ?

В середине 1960-х годов, насколько мне известно, численность братства Совета Церквей составляла 15 – 20 тысяч человек, позднее (до перестройки) доходила до 40 тысяч членов церкви. Я считаю, что свою цельность и единство СЦ сохранял до 1969 года. И все, что делалось до этого времени, в основном делалось правильно. А вот позднее в руководстве Совета Церквей, при всем моем уважении к этим братьям, должен сказать, начались серьезные проблемы и разделения. Поэтому я и сам во второй половине 1970-х годов поддержал движение автономных церквей ЕХБ.

Проблемы Совета Церквей, как мне видится, начались с вопроса о регистрации общин на совещании в Туле в 1969 году. Мы тогда все (включая Г.К. Крючкова и Г.П. Винса), получившие трехлетний срок в 1966 году, как раз вышли на свободу. Было предложено официально регистрировать наши общины по бланкам, специально разработанным для этого Советом Церквей. Дескать, мы ничего не уступаем государству, скорее даже власти идут нам навстречу, разрешая формальную регистрацию на наших же условиях.

Г.П. Винс

Я на том совещании все-таки выступил против регистрации общин, мотивируя это тем, что многие братья на местах настроены по отношению к данному вопросу весьма отрицательно, и потому не стоит вносить сумятицу в наши ряды.

Меня успокоили тем, что общинам будет дана свобода, регистрироваться им или нет.

Что оставалось делать: проголосовали, раздали всем бланки, оповестили церкви. И вскоре многие общины Совета Церквей стали регистрироваться в государственных органах власти. Помню даже некоторое давление со стороны руководства братства на те общины, которые не хотели спешить с этим непростым вопросом. Но не прошло и года, как политика руководства СЦ относительно регистрации общин радикально изменилась. И уже начинается давление на те многочисленные общины, которые к тому времени зарегистрировались, с тем, чтобы вновь их перевести на нелегальное положение. Дескать, в условиях советской власти всякая регистрация есть грех. Как будто раньше не было известно, что такое советская власть (в той же Туле, в 1969 году).

На этот раз я уже выступил против отмены регистрации для тех церквей, которые ее к тому времени получили. Ведь такие поспешные изменения курса попросту раскалывали наше братство. Однако меня никто не слушал, и вскоре зарегистрировавшиеся общины стали даже изгоняться из Совета Церквей. Тогда некоторые церкви в знак протеста вышли из подчинения СЦ сами. Это была трагедия для братства!

Поскольку я не скрывал своей отрицательной оценки происходящего, меня, как и многих других братьев, к середине 1970-х годов отстранили от служения. Я вышел из нелегального положения и стал рядовым членом церкви в Шахтах. Зарабатывал себе на жизнь, работая фотографом. Даже местные сотрудники КГБ, привыкшие гоняться за мной, недоуменно спрашивали, что случилось. Однако я отвечал им, что это наше внутрицерковное дело. Немного позднее перешел на

служение в объединение автономных церквей. Меня пригласил туда М.Т. Шаптала, который к тому времени тоже вышел из Совета Церквей.

– Расскажите, пожалуйста, о каком-нибудь Божьем чуде в Вашей жизни.

Поскольку в годы своего служения я много ездил, Господь являл особую милость ко мне в этих поездках. Помню, братья меня однажды очень просили посетить один город, а у меня было важное (как мне казалось) дело в другом месте. И вот я приехал в аэропорт и собрался лететь туда, куда сам считал нужным. А летали советские люди в провинции тогда в основном на «кукурузниках». И вот наш самолет после взлета вдруг сразу заходит на посадку и приземляется – оказался неисправен. Я упорствую, жду вместе со всеми пассажирами следующий самолет. Однако тот рейс тоже отменяют. Тогда я начинаю уже размышлять, все ли правильно делаю. И вот когда отменили третий рейс

подряд по причине неисправности самолета, я вдруг понимаю, что даже для несовершенной советской техники поломок уже многовато, отменяю свой полет и еду туда, куда меня сердечно приглашали братья.

И вот эта поездка оказалась действительно нужной и благословенной. Так что я побывал немного, можно сказать, в положении пророка Ионы…

В другой раз – опаздывал на поезд. Я тогда шел с братьями вдоль железнодорожного полотна по направлению к станции. И по дороге нас обогнал поезд. А стоял он по расписанию только две минуты. Вижу, что никак не успеваю (а билет у меня уже лежал в кармане). Но помолились, положились на Господа и идем дальше. И так случилось, что вместо двух-трех минут поезд простоял на станции минут десять-двенадцать – ровно столько, сколько было нужно, чтобы я дошел до места (правда, последние сто метров я уже бежал) и сел в свой вагон. Как оказалось, куда-то запропастился дежурный по станции, и потому состав задержали. Но это земные причины, а я знал главное: Богу было угодно, чтобы я поехал на этом поезде и совершил вверенное мне служение.

– Что бы Вы хотели сказать в заключение нашей беседы?

Оглядываясь назад, я все равно считаю движение за пробуждение в баптистских церквах в 1960-е годы подвигом, в значительной степени повлиявшим на улучшение общей религиозной ситуации в СССР.

И я благодарен Господу за то, что Он меня однажды призвал для участия в этом движении.

– Большое спасибо за интервью!

БОЖЬЯ ЗАЩИТА

Мажная Нина Федоровна, Петренко Михаил Иванович и Ирина Ефимовна

– Уважаемые Нина Федоровна, Михаил Иванович и Ирина Ефимовна, поделитесь, пожалуйста, воспоминаниями о вашей христианской жизни в Советском Союзе.

М.Н.Ф.: Я обратилась к Господу сразу после войны, в 1946 году, благодаря свидетельству своей тети, проживавшей в Черниговской области. Отец у меня погиб на фронте. Маме было тяжело одной с тремя детьми, и поэтому я часто гостила у тети. Собрания верующих в то время, особенно в селах, проходили свободно. Молодежь охотно посещала богослужения. Власти до поры в церковные дела не вмешивались. Одним словом, к маме в Гомель я вернулась уже верующим чело-

веком и сказала ей, что нашла истинный путь в жизни. Маме тогда это не понравилось, и она часто не пускала меня на собрания. А я за нее много молилась. И она обратилась к Богу через тридцать лет…

Я старалась маме во всем помогать, во всем угодить, только чтобы она в воскресенье отпустила меня на собрание. Бывало, если я задерживалась в церкви, мама сердилась и подолгу не открывала мне двери, даже зимой. И тогда я становилась на колени на нашем крылечке и молила Господа, чтобы Он смягчил сердце мамы. И она меня впускала в дом. Во дворе меня вскоре стали дразнить «штундой» и «монашкой», потому что своим образом жизни я заметно отличалась от неверующих сверстников.

Я приняла крещение в 1951 году. Крестили нас после вечернего собрания, когда стемнело. В 1950-е годы нашу общину власти уже начали преследовать, посадили нескольких братьев, тех, кто были особенно благословенны в проповеди Евангелия.

В 1955 году я вышла замуж за Ваню. Господь мне послал прекрасного верующего супруга. После свадьбы мы пять лет прожили в Тамбовской области, муж там работал по распределению. Верующие люди в нашем поселке собирались по квартирам, молитвенного дома не было.

В те годы начинались новые сильные гонения на христиан в Советском Союзе. Радио и газеты постоянно клеветали на верующих, на нас окружающие смотрели, едва ли не как на прокаженных. В то же время у нас были настолько искренние братские и сестринские отношения между собой, такая горящая вера, что сегодня подобное трудно представить. Так Господь укреплял и благословлял Своих детей.

– Могли бы Вы рассказать какой-нибудь необыкновенный случай из того времени?

М.Н.Ф.: В 1960-м году мы с Ваней и детьми вернулись на родину, в Гомель. У меня в то время развилась ужасная астма, я постоянно задыхалась, и мне казалось, что я уже долго не проживу. И вот однажды летом я в отчаянии вышла со своими маленькими детками на цветущий луг. Помолилась Богу и говорю детям: идите, собирайте маме цветочки, что вы соберете, мама заварит и будет пить и выздоровеет! И дети побежали по лугу и нарвали мне полевой гвоздики.

И я, ничего не зная об этих цветах, по вере взяла и заварила их, и пила какое-то время, и астма меня полностью оставила! Несомненно, это было от Господа. Правда, когда через двенадцать лет, мы с семьей переехали в Черновцы, астма у меня возобновилась, но уже не в такой сильной форме.

– Какие преследования испытала на себе ваша община? Приходилось ли вам когда-нибудь сталкиваться с вероотступниками?

М.Н.Ф.: Когда началось в братстве разделение, мы жили уже в Гомеле, и наша семья последовала за Советом Церквей. Большинство из отделившихся членов церкви были тогда молодыми людьми, что особенно сильно

Полевая гвоздика

раздражало власти. Гомельскую незарегистрированную общину сильно преследовали. В городе состоялось семь судов над братьями. В нашем доме несколько раз проводились обыски, забрали христианскую литературу. Только семейную Библию милиция не нашла, и дети ее потом от радости целовали.

Во время гонений отступники, конечно, тоже встречались. В 1960-е годы у нас говорили так: «У Христа было двенадцать учеников, и один из них – Иуда. И сегодня: отсчитай двенадцать человек, и один окажется иудой...» Может быть, сказано слишком строго, несколько преувеличено, но мы действительно пережили ужасные времена и часто страдали от доносов.

– А что Вам особенно памятно из христианской жизни в Черновцах?

М.Н.Ф.: Когда наша семья в 1970-е годы переехала в Черновцы, мы там стали членами зарегистрированной церкви. Бог особенно благословил эту общину. Братья там жили в мире, и среди них никакого разделения не произошло. Много детей посещало собрания. Каждый год по нескольку десятков новообращенных крестились и становились членами церкви.

Конечно, такое положение дел беспокоило городские власти. Поэтому нам долго не разрешали строить новый молитвенный дом, воздвигали различные препятствия. Однако мы все преодолевали с помощью Божьей. И построили прекрасное здание еще до горбачевской перестройки. И про нас в городе даже неверующие люди говорили: «Это единственная стройка, с которой не только не воруют, но, наоборот, – туда со всех сторон несут!» Слава Господу за такое свидетельство о христианах.

П.М.И.: Я родился в 1923 году в верующей семье в Гомельской области. Когда началась коллективизация, сопровождавшаяся разрушением и осквернением сельских церквей и молитвенных домов, мои родители отказались вступать в колхоз, посчитав такой шаг предательством Бога и принятием печати антихриста. Наша семья была бедной и многодетной, поэтому нас не репрессировали, как кулаков, но долгое время облагали высоким налогом, чтобы принудить к вступлению в колхоз.

После закрытия церквей верующие люди продолжали тайно собираться по домам. Преимущественно ночью, с занавешенными окнами. Когда начались голодные годы, мы, чем могли, помогали друг другу. Это было страшное время, но и его, с Божьей помощью, пережили.

В 1941 году моего отца забрали на фронт. Он погиб где-то под Москвой. Немцы, захватив нашу местность, распустили колхозы и разрешили открыть церкви. Не-

Богослужение в церкви ЕХБ

подалеку от нас, в селе Уть, братья, воспользовавшись ситуацией, в начале 1943 года даже провели съезд баптистов, на который съехались со всей округи около четырехсот человек. После многих лет гонений за веру это было большим ободрением для всех нас.

Затем пришла Красная Армия, и меня призвали на службу. Через некоторое время я оказался на передовой с винтовкой в руках. Всем солдатам сказали готовиться к наступлению. А я молюсь, не желаю никого убивать. Прошу со слезами Господа: пусть либо меня сразу застрелят, либо неприятель в страхе от нас побежит, только бы нам не столкнуться в рукопашную…

И вот наступает утро, на немецких позициях – тишина. Сотни солдат поднимаются в атаку, а в нас никто не стреляет. Вскоре приходит сообщение: немцы почему-то ночью оставили свои позиции и ушли.

Вот как Бог удивительно ответил на мою немощную молитву!

– А как изменилось отношение к религии в СССР в послевоенное время?

П.М.И.: После войны какое-то время существовала свобода религиозных собраний, а затем вновь появились трудности во взаимоотношениях с советской властью. В 1960-е годы наша сельская община поддержала Совет Церквей, и мы стали посещать Гомельскую незарегистрированную церковь.

А у нас с женой в то время уже было восемь детей. И тогда местные власти стали шантажировать, угрожать, что лишат родительских прав и отправят всех наших сыновей и дочерей в советский детский дом.

Но вот, что я заметил: после каждой злобной угрозы, когда мы по-человечески боялись за своих малы-

шей, за нас вступался Господь. И так вступался, что атеисты вскоре сами стали нас бояться и поневоле оставили в покое.

Например, главным нашим гонителем в деревне был директор школы, человек еще не старый, крепкий. Именно он готовил дело по лишению нас родительских прав и всячески издевался над верой в Бога. Казалось, он уже был близок к своей цели, старательно собрал против нас кучу документов, справок, но вдруг – скоропостижно скончался, буквально за один день. После этого случая, получившего, конечно, огласку, никто из местных коммунистов не захотел довести дело о лишении нас родительских прав до конца. Так дети остались дома, и мы продолжали их воспитывать в страхе Божьем.

– Спасибо за это удивительное свидетельство! Было ли еще в Вашей жизни что-то подобное?

П.М.И.: Однажды люди из КГБ искали меня по какому-то вопросу, колесили по селу на своем черном автомобиле. А я их издалека увидел, и такое чувство охватило меня, что духи злобы витают над этой машиной. Первой мыслью было бежать, но куда от них скроешься?

Тогда призвал имя Господне и просто остался стоять на месте. И вот проехали они буквально рядом со мной, а меня так и не заметили. Затем еще покружили немного, да и уехали ни с чем. И я вновь убедился, что Божья защита – самая лучшая.

В 1972 году братья пригласили меня переехать в Латвию. Когда мы преклонили колени и стали с семьей молиться об этом, вопрошать волю Божью, мне вдруг показалось, будто небо опустилось на землю и

будто я вдалеке слышу голоса своих братьев по вере, усиленно молящихся обо мне.

Тогда я понял, что Господь побуждает меня к переезду. Такой ответ на молитвы стал духовной радостью и укреплением для всей нашей семьи. В Латвии мы посещали автономную церковь и старались проявлять христианскую любовь ко всем верующим, вне зависимости от того, к какому союзу они принадлежат.

– Что бы Вы могли добавить к свидетельствам Ваших близких?

П.И.Е.: Я всегда старалась быть доброй помощницей своего мужа, и в обычной, повседневной жизни, и в духовном служении. Воспитывала детей в верности Господу Иисусу Христу. На собраниях вместе с другими сестрами рассказывала христианские стихи, мне поручали также читать вслух Слово Божье, что я всегда делала с благоговением.

Однажды в наш дом в Гомельской области приехали сотрудники КГБ, искали моего мужа, а он в это время был на работе в соседнем селе. Когда они уехали, мы с детьми стали молиться, со слезами просить Бога о защите. И Господь услышал, муж благополучно вернулся домой, те люди так его и не нашли…

Сколько нам пришлось пережить в те годы! Слава Господу за Его помощь!

– Большое спасибо за интервью!

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПРОТИВ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Сагин Василий Ефимович

– Уважаемый Василий Ефимович, расскажите, пожалуйста, о Вашем жизненном пути и труде для Господа.

Я родился на Украине, в Житомирской области, в 1934 году. Наша семья была верующей, однако в церковь мы до войны не ходили. В 1930-е годы из-за жестоких преследований христиан служения Богу в основном совершались в кругу семьи.

Однако во время войны религиозная ситуация в стране изменилась, причем и на оккупированных немцами территориях, и там, где сохранилась советская власть. Повсюду открывались церкви и молитвенные дома.

Люди открыто молились Богу, и в большинстве случаев никто их из-за этого не трогал.

Мне запомнился такой случай: когда в наше село пришли немцы, то директор школы неожиданно стал приглашать людей в класс на богослужения и сам там вдохновенно проповедовал. Мы думали, что директор наш – коммунист, а он, оказывается, был в душе глубоко верующим человеком. Правда, когда вернулась Красная Армия, его одним из первых осудили и сослали в Среднюю Азию.

После войны я окончил медицинский техникум в Ужгороде. В те годы это еще было возможно для верующих. Затем меня призвали в армию, служил в Забайкалье. Господь меня там хранил и благословлял. Трудности военной жизни оказались очень полезными для моего духовного возрастания. Помню, я забирался на крышу казармы («поближе к Богу»), где меня никто не видел, и там подолгу молился, а Господь отвечал мне и укреплял. Эту радость близкого общения с Богом невозможно выразить никакими словами.

После службы в армии я вернулся домой, и в 1957 году принял крещение в Новоград-Волынской церкви. Имея медицинское образование, некоторое время работал в больнице врачом.

Однако в начале 1960-х годов, из-за новых сильных притеснений верующих, переехал в Северный Казахстан, в город Петропавловск. В тех краях было немного больше свободы для христиан. Там я смог снова работать в городской больнице.

Одновременно я служил проповедником и регентом в зарегистрированной церкви ЕХБ, участвовал в молодежном служении, организовал небольшой струнный оркестр. Мы играли тогда на скрипках, мандолинах и гитарах.

– И советская власть в дела церкви не вмешивалась?

Вероятно, своей активностью я и привлек внимание КГБ. Меня много раз вызывали для бесед, суть которых сводилась к необходимости «сотрудничать». Я же чекистам отвечал, что наша замечательная советская литература учит никогда не иметь дела с предателями, поэтому не нужно меня толкать на предательство своих друзей и близких. Сотрудники КГБ злились и все пытались мне втолковать, что я неправильно понимаю их слова и смысл сотрудничества с советской властью. Однако я стоял на своем, что от перемены слова суть дела не меняется...

Я много молился, чтобы меня оставили в покое, и Господь помог. Одно время я работал на скорой помощи и однажды приехал на вызов в дом начальника местного КГБ. Кто-то ранил ножом его сына, и я оказал ему первую медицинскую помощь. Вероятно, это помогло спасти ему жизнь. И с тех пор КГБ словно забыл о моем существовании! А я возблагодарил Господа.

– В той местности, где Вы жили, чувствовалось какое-то влияние Совета Церквей? Например, получали вы какую-нибудь христианскую литературу?

В Петропавловской церкви разделения не произошло. Пресвитер Ф.К. Мальчихин имел мудрость не оглашать перед общиной письма, полученные им из ВСЕХБ в начале 1960-х годов. У нас на собрания продолжали ходить и дети, и молодежь, только в самые трудные годы мы старались делать это осмотрительно, не вызывающе, чтобы не навлечь беды на церковь.

Уполномоченный по религиозным культам часто проявлял недовольство, отчитывал пресвитера, тот смиренно все выслушивал и продолжал совершать Божье дело.

Христианской литературы у нас раньше было очень мало. Гимны и ноты мы переписывали. Некоторые братья и сестры таким образом копировали себе целые сборники и журналы. Когда я готовился к проповеди, то нередко использовал даже атеистические книги, в которых при определенном опыте обращения с ними всегда можно было найти неплохие исторические, географические сведения и даже нечто духовное. Ведь то, что атеисты критиковали, им сначала надо было каким-то образом изложить, представить читателям. Этим мы с братьями и пользовались, а на всякие антирелигиозные высказывания не обращали внимания.

– Ваши дети испытывали притеснения или дискриминацию в советской школе?

У нас с женой было шестеро детей. Конечно, все они учились в школе и испытывали трудности из-за своей веры в Бога. Например, школьная пионерская организация являлась, по сути, собранием юных безбожников. Когда наши дети отказывались вступать в пионеры, я ходил на встречи с директором и учителями. «Насильно повязанный красный галстук не дает детям ничего, – говорил я им, – посмотрите на хулиганов в нашей округе, тех, кто не дает нам спокойно жить, – все они пионеры... А вот христианское воспитание действительно изменяет людей. Покажите мне хулиганов из баптистской семьи!» А район, где находилась наша школа, был, можно сказать, бандитским, и педагогам-коммунистам трудно было мне возражать.

– Как часто в советские времена вы постились? Была ли это просто благочестивая практика или существовало и богословское объяснение поста?

Раньше наши общины больше молились с постом. Это было постоянным служением Господу. Именно служением, причем ревностным, а не лечебным голоданием, полезным для здоровья, как нередко приходится слышать сегодня.

– А как насчет богословия?

Сегодня у нас появилось много знающих молодых братьев, богословов, но не так-то много вижу по-настоящему верующих, возвещающих истины от Духа Святого. Кстати, и кальвинизм к нам в братство, по моим наблюдениям, попал именно через учебные заведения, а не через обычную проповедь в церкви.

– Есть ли какие-то отличия в избрании братьев на руководящее служение сегодня и в годы Вашей молодости?

В отношении руководства церковью я наблюдаю, что в последнее время стало много желающих быть пресвитерами. Это нехорошо. Раньше, я помню, в общинах имелось больше зрелых членов церкви, чем сегодня, но когда искали пресвитеров, многие достойные братья отказывались. Потому что имели страх Божий. Осознавали перед Господом, что это за служение. Ведь из многолетнего опыта пришло такое понимание, – в наши дни, к сожалению, во многих местах утраченное, – что если церковь предлагает брату служение, а тот всерьез отказывается, то его нужно все-

таки уговаривать, а вот того, кто сам домогается быть служителем, нельзя допускать ни в коем случае! Потому что будет, как в старой притче: ослик, на котором Христос въезжал в Иерусалим, думал, что это перед ним, а не перед Господом, люди постилают свои одежды и радостно его приветствуют…

– Вам довелось еще вернуться на Украину или Вы до конца оставались в Казахстане?

Когда началась перестройка, мне очень захотелось вновь вернуться в Новоград-Волынск, и я с семьей уехал из Казахстана. Однако после этого нас постигло большое горе: в течение четырех лет мы похоронили трех сыновей. Один из них умер вскоре после того, как его направили на работы по ликвидации последствий Чернобыльской аварии.

Второму сыну подорвали здоровье в армии, а третий умер от тяжелой болезни после операции. Мне очень трудно было вместить в свое сердце и разум, почему такое происходит и с верующими людьми. Я скорбел, подобно Иову, обвинял в смерти своих детей власти, но затем Господь даровал мне Свою благодать и небесное утешение. Ведь все мои сыновья служили Господу, и теперь, несомненно, находятся в Его небесных обителях.

Много раз в жизни Бог предупреждал меня о предстоящей опасности. Наверное, это то, что именуется предчувствием. Обычно такое ощущение у меня возникало в ответ на молитву. Так Господь смягчал мои страдания в этой жизни.

– Большое спасибо за интервью!

БИБЛИИ ДЛЯ КИРГИЗИИ

Ситко Александр Кириллович

– Уважаемый Александр Кириллович, как начинался Ваш христианский путь, где Вы тогда жили, что Вам памятно о тех временах?

Мой христианский путь начинался в родительском доме. Я из верующей семьи. Отец мой был служителем церкви ЕХБ в городке Тара Омской области. Так что я с самого раннего возраста воспитывался по-христиански, несмотря на все пионерско-комсомольское окружение, старавшееся нас в те годы потеснить.

Сознательное мое служение Богу началось после того, как я отслужил в армии и приехал в Алма-Ату. Тогда я уже стал регулярно посещать церковь. Я покаялся и принял крещение в 1971 году. У нас в те годы

в церквах Средней Азии была очень активная молодежь, и я охотно влился в ее ряды. Мы постоянно куда-то ездили, кого-то посещали, кому-то помогали. Общение происходило преимущественно с так называемыми «зарегистрированными» общинами ЕХБ, однако имелись у нас и добрые христианские контакты с молодежью Совета Церквей.

Примерно через полтора года после моего приезда в Среднюю Азию я перебрался во Фрунзе, в Киргизию, где меня вскоре избрали на служение. В 1976–1978 годы я учился на Заочных библейских курсах в Москве, многое давших мне в духовном становлении. Несколько лет я трудился секретарем при старшем пресвитере, а затем меня рукоположили на диакона (в 1978 году) и немного позднее – на пресвитера (в 1980 году) церкви города Фрунзе. Численность общины доходила до двух тысяч человек, поэтому дел у наших служителей церкви всегда было невпроворот. Зато много испытали и благословений Божьих.

– Можно узнать, как у Вас в те годы складывались отношения с властями?

До начала перестройки наши общины испытывали на себе постоянное давление со стороны атеистической власти. Нам не разрешалось проводить никаких детских или молодежных собраний, существовали ограничения в музыкальном служении и т.д. Конечно, и все вышеперечисленное мы делали, только негласно, по домам, испытывая при этом определенное напряжение. Так что сегодня, во времена свободы, наши богослужения, конечно, имеют многие преимущества.

Как только меня избрали пресвитером церкви, КГБ стал мною усиленно интересоваться. На первой же

назначенной мне встрече начали предлагать стать информатором, говорили ласковые слова, их приемы известные. И тогда я вспомнил своего отца, который в подобной ситуации однажды прямо сказал чекистам: «Я себе представил портрет, каким вы меня хотите сделать, и вот если бы я увидел, глядя в зеркало, такое свое изображение, то сблевал бы…»

И я эти отцовские слова повторил беседовавшим со мной сотрудникам КГБ. Как они тогда на меня взвились, как вознегодовали! Зато больше уже ничего подобного не предлагали. Просили только, чтобы я никому не рассказывал, о чем они меня расспрашивали, когда вызывали к себе. Я же ответил, что у меня секретов от братьев нет, я им все расскажу – чтобы помолились обо мне.

Уполномоченный по делам религиозных культов во Фрунзе дважды отбирал у меня справку, подтверждающую официальное право совершать пресвитерское служение. Тогда существовал такой порядок: церковь избирала кого-либо на служение, а уполномоченный своей справкой давал официальное на то разрешение…

Так вот, когда меня во второй раз лишили этой справки, я получил приглашение в Москву, в Совет по делам религий, где в присутствии старших братьев во главе с А.Е. Клименко разбирался мой вопрос. Мне тогда со стороны уполномоченного по Киргизии было предъявлено двенадцать пунктов обвинения по моему пресвитерскому служению, с угрозой закрытия молитвенного дома и моей личной высылкой из Киргизии. Однако времена уже были не столь суровые, как прежде. По милости Божьей, в ходе обсуждения количество пунктов обвинения заметно поубавилось, и мне, в конце концов, власти разрешили продолжать служение.

– Приходилось ли Вам когда-нибудь публично защищать свое право на веру в Бога?

Уже начинались горбачевские времена, а во Фрунзе еще продолжали устраивать диспуты между атеистами и верующими людьми. Дважды проповедники из нашей общины участвовали в подобных мероприятиях, и каждый раз множество молодых людей, прежде всего, студентов, становилось на сторону христиан. Это было очередной победой Божьей и серьезным поражением официального государственного атеизма. Мне рассказывали, что впоследствии главный организатор этих диспутов со стороны атеистов раскаялся в своих грехах и уверовал в Бога. Слава Господу, Он прощает всех грешников!

– Где Вы брали в прежние годы Новые Заветы, Библии, другую христианскую литературу?

Наши церкви долгое время испытывали острую нехватку духовной литературы. Свой первый Новый Завет, старенький, потрепанный, я получил в подарок в Алма-Ате. Затем, уже в Киргизии, мы стали понемногу получать книги из Прибалтики. Это были в основном Новые Заветы иностранного издания в мягком переплете. А первую полную Библию я получил от старшего пресвитера по Казахстану Н.А. Колесникова, который как-то привез ее из Москвы. Николай Андреевич, прежде чем мне ее дать, поэкзаменовал меня, задавая вопросы по Писанию. Когда я взял эту Библию в руки, у меня был на душе настоящий праздник.

Что касается духовно-назидательной литературы, то мы такие книги, когда они у кого-нибудь появлялись, перепечатывали на пишущей машинке, по де-

вять копий сразу, через копирку. Брали бумагу потоньше и били по клавишам посильнее… Я сам не раз этим увлеченно занимался. Конечно, последние экземпляры выходили едва различимыми, но и их тут же разбирали. А печатная машинка в нашей церкви имелась только у старшего пресвитера, и она никогда не простаивала без дела. Нередко духовные книги кто-нибудь из сестер переписывал и от руки.

Однажды меня от церкви направили за литературой в Прибалтику. Эстонские братья откликнулись на призыв и собрали для нас в Киргизии около тридцати Библий. Что это значило для нас тогда, трудно даже описать. И вот это сокровище у меня в сумке, а мы с одним братом еще имели неосторожность подъехать на машине к дому Иосифа Бондаренко, где за нами сразу же прицепился хвост. Библии вполне могли отнять! И тогда на одном повороте, приметив место, я потихоньку выбросил сумку из машины. Когда нас машина с сотрудниками КГБ прижала к обочине, мы спокойно остановились.

Нас обыскали и, не найдя ничего подозрительного, отпустили. А через несколько часов мы с водителем вернулись к тому заветному повороту и отыскали свою сумку. Так что, слава Богу, я смог доставить в Киргизию все подаренные нам Библии.

Какую-то часть духовной литературы мы получали и от Совета Церквей. Нередко у меня что-то хранилось даже дома. Чтобы не слишком рисковать, я прятал книги в специально оборудованной для этого собачьей будке. Собака у меня была большая, с крутым нравом, так что лишний раз никто к ней подходить не решался. И вот в крыше будки я соорудил тайник, что-то наподобие чердака. Место это оказалось вполне надежным, за много лет ничего оттуда ни разу не пропало.

– Чему учили в ваших общинах в отношении воинской службы и принятия присяги? Как часто верующие люди и, в частности, молодежь раньше отступали от Бога?

У нас обычно все военные вопросы оставлялись на усмотрение самих юношей, призывавшихся в армию. Не осуждались ни те, кто принимал присягу, ни те, кто не принимал. Некоторые братья, к сожалению, уже в военкоматах начинали вести себя вызывающе, чем в какой-то мере сами провоцировали командиров на довольно жесткое обращение с собой. Хотя, конечно, бывало по-разному, здесь не получится вывести какого-то единого правила.

Об отступничестве: мне вспоминается только один случай, когда наш член церкви выступил с публичным отвержением Бога в советской газете. Этого человека братья сразу же отлучили. Бывало, конечно, что люди переставали ходить в церковь, начинали пьянствовать, прелюбодействовать и прочее, но мы всегда учили, что у таковых остается возможность для покаяния, для получения прощения, лишь бы только они не дошли до кощунства, до хулы на Бога.

Что касается детей верующих родителей, то при советской власти они вырастали неверующими крайне редко. К сожалению, сегодня мы видим намного худшую тенденцию в этом вопросе. Желаю современной молодежи большего дерзновения в Господе, большей веры и доверия Ему. «*Держись образца здравого учения*», – учит нас апостол Павел, чтобы нам твердо стоять на Слове Божьем, а не «*обращаться к басням*» (2 Тим. 1:13; 4:4).

– Большое спасибо за интервью!

«ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ ГОВОРИТЬ СЛОВО!»

Одарюк Сергей Георгиевич и Надежда Марковна

– Уважаемые Сергей Георгиевич и Надежда Марковна, расскажите, пожалуйста, о своем обращении к Господу.

О.С.Г.: Я родился в 1937 году в Житомире. Во время войны наша семья оказалась на оккупированной врагом территории. Помню, даже нас, мальчишек, немцы сгоняли вместе со взрослыми людьми смотреть, как вешают партизан. Все мы тогда жили в большом страхе. Вместе с тем, ужасы войны привели к большому духовному пробуждению в народе. Многие люди уверовали в Бога и научились молиться.

Я обратился к Господу в 1956 году, когда учился в мореходном училище в Батуми, в Аджарии. Однажды

я сидел на берегу моря и неожиданно для самого себя запел христианский гимн, который много раз слышал в детстве от мамы. И вот тогда меня охватило чувство Божьего присутствия, и я стал горячо молиться Иисусу Христу. И сразу почувствовал, как Дух Святой наполнил мое сердце. Вся моя жизнь вскоре переменилась.

Я оставил учебу, потому что у меня уже были другие интересы, и вернулся в Георгиевск, в Ставропольский край, где проживала моя семья. Там я стал ходить в церковь, приобрел друзей среди христианской молодежи. В те годы юношей и девушек к крещению допускали крайне неохотно. Советская власть оказывала нажим на пресвитеров. Считалось, что вера в Бога в СССР – удел только пожилых людей. И все-таки, по настойчивости нашей, видя искреннюю веру в Иисуса Христа, несколько молодых людей в том же, 1956 году были крещены.

О.Н.М.: Я верила в Бога с самого детства. Мой отец был диаконом церкви в Георгиевске. Когда я училась в школе, то вместе со многими детьми верующих родителей отказалась вступать в пионеры. Помню, как на меня из-за этого кричали и насильно надели красный галстук. Это случилось на линейке, перед всей школой. У меня лицо горело от стыда, и я сразу же этот злополучный галстук сняла и сказала, что носить его никогда не буду. За это, конечно, учителя меня сильно невзлюбили.

Крещение я приняла в 1968 году. Мы жили тогда с семьей несколько лет в Душанбе, в Таджикистане. Там стали свидетелями трогательного покаяния Петра Андреевича Семерюка и самого начала его проповеднического служения по многим городам Советского

Союза. С тех пор нашу семью связывают с ним самые добрые и дружеские отношения.

О.С.Г.: Работать в Георгиевске я устроился столяром. В армию меня не взяли, потому что однажды в цехе я серьезно повредил руку и стал инвалидом. Когда, после получения травмы, я снова вышел работать на производство, то парторг, знавший о моей проповеднической ревности, добился моего увольнения за «систематические невыходы на работу» (что было неправдой). После этого мне оказалось практически невозможным трудоустроиться в Георгиевске. Пришлось переехать в Пятигорск. Там мы с Надеждой поженились и поселились по соседству с замечательным человеком, пресвитером пятигорской церкви Иволиным Иваном Владимировичем.

– Расскажите, пожалуйста, о нем, ведь его имя стало известно далеко за пределами Пятигорска.

О.С.Г.: Это был выдающийся Божий слуга, проповедник Евангелия, живший святой жизнью, почти в полной нищете. Братья и сестры желали ему помогать, часто незаметно оставляли в его доме какие-нибудь продукты, одежду, но он тут же все раздавал бедным. Когда церковь назначила Ивану Владимировичу содержание, девяносто рублей в месяц, то он себе взял только тридцать…

Каждого члена церкви он посещал семь раз в году, ободрял, утешал, молился. Конечно, и сегодня есть много хороших служителей, но такого уже, наверное, не найти! Иван Владимирович был учеником И.В. Каргеля. Даже гости нашей церкви из Москвы не раз говорили, что такие замечательные проповеди, простые

и глубокие, надолго запоминающиеся, им редко доводилось слышать.

Иван Владимирович – кажется, это произошло в 1963 году – пригласил меня вместе с другими братьями на неофициальные библейские курсы, с целью подготовки новых проповедников.

Это было благословенное время для всех нас! Мы занимались по программе И. В. Каргеля, дополненной Иваном Владимировичем.

И с тех пор я всегда использую в своем служении те духовные познания, которые приобрел от своего замечательного пастыря.

– Спасибо за Ваше свидетельство. А была у Вас в те годы какая-нибудь связь с Советом Церквей?

О.С.Г.: Хотя я всегда являлся членом зарегистрированной церкви, были у меня друзья и в Совете Церквей. Однажды, во второй половине 1960-х годов, они меня пригласили на праздник Жатвы. Собралось много людей.

Служение проходило под большим навесом, с накрытыми столами. Присутствовало много проповедников, меня тоже записали в их число. Неожиданно приехала милиция и попыталась воспрепятствовать собранию. Однако никто не расходился.

И тут мне братья говорят: «Твоя очередь говорить слово!» Это было для меня, конечно, серьезным испытанием, потому что я по своему характеру – человек мирный и законопослушный.

Когда я все же начал негромко проповедовать, милиция на какое-то время утихла и тоже стала слушать. Правда, они меня тут же сфотографировали. Я что-то сказал на тему жатвы, о том, что все дары земли мы

получаем от Господа. И неверующие люди тоже собирают в житницы не то, что они сами произвели, а то, что подарил им Бог…

Когда окончил проповедь, двое милиционеров сразу меня взяли под руки и повели в воронок. И тут неожиданно подбежали крепкие братья из отделенных, сбили милиционеров с ног, а мне радостно говорят: «Беги!» Но мне это было не по сердцу, и я убегать отказался. Когда милиция снова смогла взять меня, то отношение с ее стороны ко мне было уважительным. Опять же, потому что я не стал убегать.

В тот день меня коротко допросили, записали мои данные и сразу отпустили. На следующей неделе присудили штраф – пятьдесят рублей. И тогда я возблагодарил Господа, ведь все это могло окончиться и хуже.

– Насколько ваш случай был редким, когда член официально разрешенной, зарегистрированной церкви как-то наказывается советской властью?

О.С.Г.: К сожалению, такие случаи не были редкостью. КГБ в те годы весьма интересовался нашими служителями и проповедниками. Например, пресвитер геор-

гиевской церкви свидетельствовал, что сотрудники КГБ его всячески запугивали, угрожали увезти в тюрьму и там оставить в одиночной камере навсегда, безо всякого суда и следствия, если он не будет доносить, что происходит в церкви.

«Везите хоть сейчас!» – ответил брат. Его действительно привезли в тюрьму, завели в камеру. А затем вскоре пришли вновь, пожали руку со словами: «Вы настоящий человек!» – и отпустили… Вот такие проверки нашим братьям устраивали офицеры КГБ, и сами же не уважали предателей!

Меня тоже однажды в течение целого дня, с утра до вечера, допрашивали в госбезопасности. Предлагали перейти в общину Совета Церквей и потом докладывать обо всем, что там происходит. Дескать, у отделенных есть люди, которые, прикрываясь религиозной маской, на деле занимаются антисоветской агитацией.

И тут мне помог опыт и рассказы братьев, которые побывали в подобных ситуациях прежде меня: ни в коем случае не соглашаться даже на самую малую услугу для КГБ. «На базар пошлют узнать цены, и этого не делать!» – как выразился один мой знакомый служитель. Поэтому и я наотрез отказался от всех их предложений по «защите Родины».

Правда, мне это так просто не прошло: вскоре меня сбила машина, когда я ехал на велосипеде по своему обычному маршруту с работы… Я не могу доказать связь между вышеупомянутыми событиями, но поневоле начинаешь размышлять.

В общем, оказался я между жизнью и смертью, в реанимации. Прихожу немного в себя, смутно вижу: надо мной трудятся врачи в белых халатах. Потом чувствую: опять слабею, холодеют ноги… Медсестра, обращаясь к врачу, говорит обо мне: «Он умирает!»

И тогда мне представились мои дети, как ангелочки, в каком-то сиянии, и я обращаюсь в молитве к Господу: «Если возможно, оставь меня в живых, ради детей!» И тут же пришла уверенность, что я не умру. Бывает, молишься, а веры нет. А тут Бог такую веру мне даровал, что и не выразить, и с той минуты я пошел на поправку. Слава Господу!

– Доводилось ли Вам когда-нибудь до перестройки встречать в нашем братстве кальвинистское учение о спасении?

О.С.Г.: Относительно кальвинизма могу сказать, что у нас в Ставропольском крае такие взгляды встречались еще в 1950-е годы. Один брат, Л.В. Гребенюк, в 1954 году вернулся из заключения, куда попал в сталинские годы за веру в Бога, и там почерпнул от кого-то, а затем принес в георгиевскую церковь следующее учение: если человек однажды уверовал, то что бы ни произошло, никакое падение или отступление не могут его уже лишить вечного спасения.

И брат Гребенюк вдохновенно об этом проповедовал, в какой-то мере обосновывал Священным Писанием и некоторых ув-лек за собой. Чего скрывать, под его влиянием я сам какое-то время так верил, пока меня не переубедил пресвитер пятигорской церкви Иволин. Все-таки его слово и истолкование Писания были для меня более весомыми. Наконец, служители георгиевской церкви ограничили брата Гребенюка в проповеди, и он, надо отдать ему должное, смирился, никакого разделения в церкви не произвел.

– И еще один вопрос, мы многим его задаем, чтобы лучше представить атмосферу советского времени:

как часто на вашей памяти верующие люди отрекались от Бога и начинали сотрудничать с атеистами?

О.Н.М.: В моей памяти сохранились два таких случая. В 1960-е годы один молодой брат не поладил с пресвитером георгиевской общины, об этом узнали «внешние» и тут же нашли к юноше подход: от его имени в местной газете опубликовали три статьи, в которых он отрекался от Бога и поливал грязью нашу церковь. Позднее этот человек стал милиционером, дослужился до майора, но затем что-то случилось, и его разжаловали. Вероотступник оказался никому ненужным. Тогда верующие стали его вновь звать в церковь, он даже несколько раз приходил на собрание, однако духа покаяния у него не было. Потом этот человек переехал в другой город, и мы точно не знаем, чем окончилась его печальная история.

А вот в другом случае: к согрешившему брату из нашей общины тоже пришли из редакции коммунистической газеты, уговаривали написать что-нибудь против Бога и Церкви, так наш брат их всех тут же выгнал, хотя и был в то время отпавшим. То есть страх Божий у него сохранился. Прошло какое-то время, и он вернулся в церковь и до сих пор служит Господу.

Я думаю, нам всем полезно сравнивать эти два примера…

– Большое спасибо за интервью!

ПРИМЕР СВЯТОЙ ЖИЗНИ

Черкасских Евгений Данилович, Васильев Михаил Аркадьевич и Авдеева Олимпиада Егоровна

– Уважаемые Евгений Данилович, Михаил Аркадьевич и Олимпиада Егоровна, расскажите, пожалуйста, о том, как вы жили и веровали в Бога при советской власти?

Ч.Е.Д.: Я родился в Воронежской области, в многодетной христианской семье. Сколько себя помню, мы постоянно испытывали притеснения из-за веры в Бога. В 1937 году пришли арестовывать отца, но Бог ему это как-то открыл, и он буквально за несколько часов до прихода НКВД ушел из дома. Затем он нас тайно вызвал, и мы всей семьей переехали в Донецкую область. Там мой отец работал на шахте, это было еще до войны.

В 1941 году отца мобилизовали и отправили рыть окопы. Немцы быстро наступали, и вскоре Донбасс оказался ими захвачен.

Отец вернулся домой и, пользуясь тем, что немцы не препятствовали религиозным собраниям, вскоре организовал у нас в Торезе (Чистяково) небольшую баптистскую общину. Вся наша семья регулярно посещала собрания, дети рассказывали христианские стихотворения и пели гимны, а отец проповедовал. Немцы его даже не тронули, как пастора, когда посылали других людей на различные работы. Когда советские войска освободили Донбасс, отца вполне могли посадить за религиозную деятельность, однако стране был нужен уголь, и его закрепили (буквально как «крепостного») за местной шахтой на долгие годы.

Я сознательно обратился к Господу в 1953 году, затем служил в армии. Командиры, узнав, что я из баптистской семьи, почему-то направили меня служить писарем. Поэтому служба у меня была нетяжелой. Правда, неоднократно побуждали вступить в комсомол, но для меня это было равнозначно отречению от веры, поэтому я всякий раз отказывался.

В 1957 году вернулся домой и тем же летом стал членом церкви, принял святое водное крещение. После войны наша церковь коммунистами уже не закрывалась, и к началу 1960-х годов община выросла приблизительно до ста двадцати человек. Разделение, имевшее место в те годы в братстве ЕХБ, нас, к счастью, не коснулось. После крещения в церкви я сразу же начал нести музыкальное служение, был избран регентом (и занимался этим трудом сорок лет!), а также постоянно проповедовал. В 1958 году я женился. Немного позднее был рукоположен на диакона, а уже в 1980-е годы – на пресвитера.

– А где Вы тогда работали? Как к Вам относились, когда узнавали, что Вы человек верующий?

Ч.Е.Д.: Работал я на мебельной фабрике, позднее – на заводе. Трудился всегда добросовестно, поэтому никаких особых проблем у меня с начальством или с другими рабочими не возникало. А вот над моими детьми одно время сильно издевались в школе, смеялись над ними, даже били из-за того, что они верят в Бога и посещают собрание. Причем, все это делалось не без участия учителей. Наконец, я не выдержал, пришел в школу и решительно сказал этим педагогам: «Если вы свои издевательства не прекратите, то никто из моих детей больше не будет ходить на занятия. Пусть тогда приезжают хоть из районо, хоть из облоно, и разбираются, почему у вас здесь такие дела творятся!» И тогда учителя все перепугались и перестали трогать моих детей.

В.М.А.: Я родился в неверующей семье, на узловой железнодорожной станции, на границе Горьковской и Кировской областей. Во время войны мой отец уверовал, а через пару лет, благодаря его свидетельству, обратилась к Богу и моя мама. А затем, в 1947 году, когда мне исполнилось шестнадцать лет, посвятил свою жизнь Господу и я. На нашей станции была небольшая община, около двадцати человек, и я стал ходить на собрание. Поскольку мы не имели регистрации, нам власти часто препятствовали в проведении богослужений. Тогда мы стали собираться – с чаепитием, угощением – по какому-либо специальному поводу: когда у кого-то из членов общины был день рождения, справлялось новоселье и т.д. В таких случаях нас никто не беспокоил.

Затем, в конце 1940-х годов, наша семья переехала в Луцк, на Западную Украину, где у нас жили родственники, и где было значительно больше религиозной свободы. Там церковь посещало много молодежи, меня очень хорошо приняли, сразу пригласили в хор, и началась настоящая христианская жизнь. Однако в 1950-м году меня призвали в армию и направили в другой конец страны, на остров Сахалин.

Ехали мы туда в «теплушке» целый месяц. По прибытию в часть со мной, как с верующим, сразу начал работать замполит. «Ты, – говорит, – главное вступи в комсомол, а молиться захочешь – то хоть лоб разбей, однако в комсомоле должен числиться...» Тогда я открыл устав ВЛКСМ и зачитал замполиту параграф об антирелигиозных убеждениях, которые должен разделять каждый комсомолец, и в очередной раз отказался вступать в «передовой отряд советской молодежи».

А времена были еще строгие, сталинские. Замполит злобно достал из кобуры пистолет и начал угрожать расстрелом за мое упорство. Я молчал. Затем он провел обыск моих личных вещей и нашел одну христианскую книгу, на которой было изображение креста. «Это фашистский знак! – закричал замполит. – Я всегда знал, что ваши баптисты связаны с Западом! Я тебе покажу, что бывает за измену Родине!»

Я приготовился к худшему, потому что замполит быстро и умело готовил на меня дело. Но тут неожиданно пришел ответ на молитвы Господу. Как-то вызывает меня комбат и отдает под мое начало большой продовольственный склад. Оказывается, прежний человек на этой должности оказался, мягко говоря, нечист на руку. Стали искать новую кандидатуру. Но где в армии найти непьющего и неворующего человека?

Вот и вспомнили о бедном баптисте, которого едва уже не посадили за то, что не хотел быть таким же, как остальные комсомольцы… Так я оказался завскладом и проработал в прекрасных условиях до самого конца службы. Замполит, конечно, был из-за этого очень расстроен.

– А как Вы жили и какой совершали труд для Господа после армии?

В.М.А.: В середине 1950-х годов я приехал в Горьковскую область, на свою малую родину. Там у меня была невеста. Мы с ней вместе приняли крещение. Это произошло за городом, далеко от любопытных глаз, на рассвете, в чистой реке, протекающей рядом с живописным густым лесом. Крестил нас Иосиф Андреевич Лаптев, отважный служитель Божий, который не побоялся совершить это священнодействие над молодыми людьми, да еще из незарегистрированной общины.

Затем мы с моей невестой поженились, это случилось в 1956 году. У нас родилась дочь, и вскоре после этого наша семья переехала на постоянное жительство в Краснодар. Там мы стали членами большой (около тысячи человек) зарегистрированной церкви ЕХБ. Несколько лет наша жизнь протекала тихо и безмятежно. Но вот в 1961 году, когда краснодарская община приняла новые документы ВСЕХБ, направленные, по сути, на разрушение Церкви, я поддержал Инициативную группу и вместе с другими братьями и сестрами отделился.

Нас тогда было около ста двадцати человек, тех, кто осмелился выйти из центральной общины. Поскольку мы собирались без регистрации, милиция нас часто

разгоняла и штрафовала. В Краснодар приезжали и ободряли нас многие братья из Совета Церквей (Г.В. Костюченко, А.И. Коломийцев и др.). Их проповеди вдохновляли на верность Господу. Еще к нам однажды приезжал Иосиф Бондаренко. Мы хотели тогда провести молодежную конференцию. Однако Иосифа в нашем городе, к сожалению, быстро арестовали, а затем и посадили. Тогда члены церкви носили ему передачи.

– А до какого времени Вы оставались в общине Совета Церквей?

В.М.А.: Когда лучшие братья попали за решетку, в служении Совета Церквей наметился уклон, который стал меня сильно беспокоить.

С какого-то момента у нас начали проповедовать больше об узниках (несомненно, достойных братьях), чем возвещать Евангелие Господа Иисуса Христа. Потом смотрю: молодежь стала носить за пазухой маленькие портреты одного известного брата-узника. Это были мини-фотографии, перед которыми благоговели, чуть ли не как перед иконками. Я им говорю: «Братья, что вы делаете! Осталось только эти портреты расписать красками и в угол поместить, чтобы перед ними молиться...»

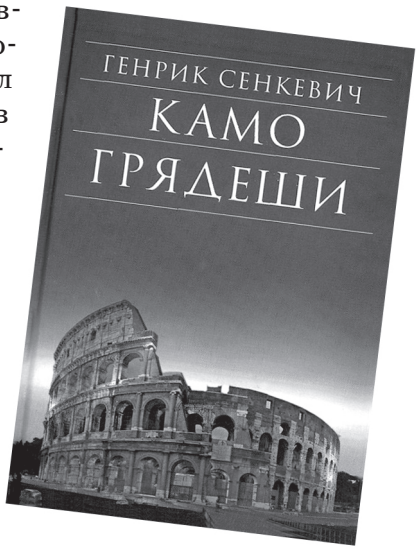
А когда кто-нибудь выходил из заключения за веру, то таковых и вовсе боготворили, чем, несомненно, питали их гордость человеческую.

И вот, заметив, что ничего с этим поделать не могу, я в начале 1980-х годов со своей семьей вернулся в зарегистрированную общину. Немного позднее меня там рукоположили на диаконское служение.

– В своем свидетельстве Вы упоминали служителя церкви Иосифа Андреевича Лаптева, не могли бы Вы рассказать о нем немного подробнее?

В.М.А.: Иосиф Андреевич был замечательным братом! Помню комнату, в которой он ютился, всю исписанной (на стенах и даже на потолке!) текстами из Священного Писания. Так Иосиф Андреевич любил Слово Божье. Он обладал прекрасным почерком и невероятной усидчивостью. В советское время христианской литературы было очень мало, и вот Иосиф Андреевич переписывал целые книги от руки. Например, я видел у него рукописную книгу Г. Сенкевича «Камо грядеши»…

А.О.Е.: Если можно, я бы хотела немного добавить к сказанному об этом удивительном служителе Божьем.



Я родилась в Кировской области, в верующей семье. Мой отец был в заключении за веру в Бога. В 1930-е годы из-за продолжающихся преследований мы переехали в Горьковскую область. По селам в нашей местности тогда проживало очень много верующих. И вот посещал нас как раз Иосиф Андреевич Лаптев. Это был благословенный брат,

который никогда не женился, полностью посвятив свою жизнь Господу. Он жил в Шахунье, в Горьковской области. Был замечательным проповедником, бескорыстным служителем, который постоянно пребывал в постах, никогда не брал никаких подарков, продуктов и проч., сколько бы мы ему ни предлагали. Даже от обедов отказывался в тех деревнях, где совершал служение! Бывало, сестры напекут, наготовят всего повкуснее, а он им и говорит: «Спасибо, дорогие, ничего не нужно, я в посте...»

Вот такой это был необыкновенный человек, наш духовный пастырь, лелеявший каждую овечку Божьего стада.

В трудное послевоенное время он жил тем, что из ивовых прутьев плел корзины и клеил из старых автомобильных шин калоши...

– Большое спасибо за такое свидетельство, это еще один добрый пример святой жизни братьев и сестер старшего поколения! Пожалуйста, продолжайте свой рассказ, что у вас еще есть на сердце.

А.О.Е.: В 1946 году я вышла замуж и примерно через год переехала с мужем в Киргизию. Потому что в России сильно притесняли верующих, а про Среднюю Азию мы слышали, что там больше свободы. Мой муж мне долго не рассказывал о том, что его вызывали в НКВД, хотели добиться от него, чтобы он доносил на своих братьев. Он мне лишь настойчиво говорил: «Давай уедем в Киргизию, там красивая природа, теплый климат, много фруктов...» Я и согласилась. А уже позднее он мне рассказал истинную причину нашего бегства из Поволжья.

Сначала мы жили во Фрунзе, а затем Ивана Николаевича (моего мужа) избрали пресвитером в поселке Красная Речка, и мы перебрались туда.

В Киргизии мы прожили много лет, у нас родились тринадцать детей (двоих из них Господь взял к Себе), но затем по состоянию здоровья все же сменили климат – переехали в Краснодарский край.

Все дети у нас выросли верующими, слава Богу. Сейчас у нас уже сорок шесть внуков, молимся о том, чтобы и они все послужили Господу.

– Спасибо! Расскажите, пожалуйста, о каком-нибудь чуде в вашей жизни, если таковое, конечно, было.

В.М.А.: Наш сын Виктор в середине 1980-х годов служил в железнодорожных войсках на БАМе. Он не скрывал, что верит в Бога, он тогда уже был членом церкви. И вот однажды ночью я проснулся, как будто кто меня толкнул в бок (как апостола Петра в темнице разбудил Ангел), и в голове одна мысль: «Витя!» Я тут же стал молиться. Потом уснул. На утро рассказываю жене, а она мне говорит: «И у меня было то же самое!» Она потихоньку тоже молилась о нашем сыне этой ночью. Звоним Вите и узнаем: он в санчасти.

Позднее сын рассказал, как один из уголовников, служивших с ним, уже занес нож, намереваясь его убить, но кто-то его в этот момент толкнул, и он поранил Вите только ногу.

Так Господь нашего сына сохранил, а нам с женой велел в это время молиться…

– Большое спасибо за интервью!

БОЛЬШЕ ДОВЕРЯТЬ ГОСПОДУ!

Чуешков Даниил Иванович

– Уважаемый Даниил Иванович, расскажите, пожалуйста, о Вашей жизни в Советском Союзе и о том служении Господу, которое Вы совершали.

Я родился в 1936 году в Брянской области. Мой отец, который был диаконом, тогда вернулся из заключения, со строительства Беломорско-Балтийского канала, где он оказался со многими другими братьями за свою христианскую веру. С раннего детства я запомнил домашние богослужебные собрания, которые проходили тайно, за плотно закрытыми и занавешенными окнами, преимущественно ночью. Несколько проповедей, основанных на притчах Христа, я помню еще с тех давних, довоенных лет. Так что я впитывал

в себя Слово Божье, как «чистое словесное молоко», вместе с молоком моей глубоко верующей, богобоязненной матери.

Затем началась война, и наша местность оказалась в зоне немецкой оккупации. Колхозы распустили, церкви и молитвенные дома вновь открылись. Наша баптистская община собиралась в определенные часы в здании школы. На собрания приходило много людей, они молились и каялись в своих грехах, происходило настоящее духовное очищение после долгих лет господствовавшего атеизма.

На Брянщине активно действовали партизанские отряды. Однако они не жаловали верующих людей, поэтому мы их боялись не меньше немцев. Когда Красная Армия вновь перешла в наступление, фашисты сожгли всю нашу деревню, уцелел только один дом. К счастью, всем жителям немцы разрешили бежать в лес, и там мы прятались до тех пор, пока не закончились бои. Затем, когда вернулась советская власть, мы еще долго жили в землянках, постепенно отстраивая село. Конечно, всех снова загнали в колхоз, отобрали сохранившийся при немцах скот и заставляли работать – и женщин, и детей – от зари до зари.

Вскоре после войны, когда отец пришел из армии, наша семья (семь человек) переехала в Донецкую область. Отец там устроился работать садоводом, а я пас коз. 1946-1947 годы были очень голодными. Мы, дети, буквально опухали от голода. А мама нам часто варила лебеду, т.е. траву, потому что нормальной пищи всегда не хватало. А с колхозного поля нельзя было ничего взять, потому что за такое сразу же давали срок. Одного нашего соседа посадили за несколько картофелин, которые он принес с поля, чтобы накормить голодающую семью.

То, что мы выжили в таких бесчеловечных условиях, было великой милостью Божьей.

– Расскажите, пожалуйста, о вашей церкви и служении в те годы.

В 1950-е годы экономически жить людям стало немного легче. Я успешно окончил школу и много времени отдавал служению в церкви, занимался с молодежным хором в Иловайске, играл на нескольких музыкальных инструментах.

В нашей общине тогда насчитывалось около ста пятидесяти членов церкви, а молодежи было – более двадцати человек. Многие из нас очень хотели принять крещение, однако в те годы это было невозможно до достижения двадцатипятилетнего возраста. Помню, я писал заявления на крещение, но они служителями даже не рассматривались. Старшие братья из страха перед властями всячески ограничивали молодежь в служении, посещении других общин. Почти в каждой церкви существовали свои доносчики. Такова была советская действительность.

– Вам довелось служить в армии? Если да, каким было ваше отношение к службе?

В 1955 году я женился, а через несколько месяцев меня забрали в армию. Еще по пути в воинскую часть во Владивосток я трое суток постился и по приезду отказался принимать присягу, ссылаясь на свою веру и учение Христа в Нагорной проповеди. Меня тут же арестовали, завели уголовное дело, собирались судить, но в последний момент изменили решение и направили в стройбат.

Со мной беседовал даже один из контр-адмиралов Тихоокеанского флота. Вероятно, убедившись в искренности моей веры, а не в желании «дезертировать», со мною обошлись довольно мягко. Так большую часть своей службы я проработал электриком. При этом у меня была возможность время от времени выходить в город. Я несколько раз даже посещал церкви во Владивостоке и в сельской местности.

– Каким образом Вы были связаны с деятельностью Совета Церквей?

После армии я вернулся на Донбасс и прожил в Харцызске с семьей еще несколько лет. В это время как раз начала действовать Инициативная группа. Первые воззвания к церквам к нам в Харцызск привез из Харькова Борис Здоровец. Наша община сразу же поддержала это движение.

Из-за активной церковной деятельности среди молодежи меня преследовали местные власти, часто вызывали в КГБ, и потому мы с семьей вскоре переехали на Северный Кавказ, в Нарткалу.

Там меня в 1967 году в общине Совете Церквей избрали на служение и рукоположили. Став ответственным по Кавказскому региону, я должен был перейти на нелегальное положение. Однако меня буквально через три дня арестовали, затем судили и приговорили к трем годам заключения.

Правда, отсидел я немногим более половины срока (в Новосибирске) и попал под условно-досрочное освобождение. В том лагерном сроке увидел я для себя немалую духовную пользу. Господь учил смирению и был очень близок ко мне. И сегодня я бы многим плотским христианам выписал рецепт: немного посидеть

за решеткой, чтобы лучше оценить все то, что Бог дарует нам на свободе…

В колонии я многим заключенным рассказывал о Господе, и в этом тоже видел смысл своего пребывания там.

– Вы были знакомы с Г.К. Крючковым? Каким он Вам запомнился?

Геннадия Константиновича я помню еще молодым человеком, в белой капроновой рубашке, с сумкой на плече. Мы с ним неоднократно встречались в Москве. Я хорошо знал его отца. У меня всегда было к их семье самое уважительное отношение. Когда, после своего заключения, Геннадий Константинович ушел в подполье, мы с ним больше не виделись. Мне только рассказывали братья о его глубокой конспирации, о том, как было непросто попасть на встречу с ним.

Общение Крючкова даже с руководством Совета Церквей происходило через магнитофонные пленки, доставляемые несколькими посыльными. Так же, на кассеты, записывались и ответы братьев своему председателю. В результате, КГБ не смог повторно арестовать Геннадия Константиновича. Я слышал, что он скрывался даже у «регистрированных» баптистов. Подобно тому, как и печатники наши нередко работали в домах у членов зарегистрированных церквей ЕХБ. Это объяснялось тем, что таких братьев и сестер милиция реже беспокоила по сравнению с нашими членами церкви.

– В чем Вы видите плюсы и минусы «катакомбного» служения Богу? Как долго в своей жизни Вы сами были на нелегальном положении?

Уважаемый мною Михаил Тимофеевич Шаптала был противником христианского подполья. Он, вероятно, оставался единственным из влиятельных братьев в Совете Церквей, который не побывал в заключении. За это к нему многие относились с подозрением. Однако Михаил Тимофеевич всегда жил открыто. Имея стойкий христианский характер, он не боялся коммунистов (всегда имел собранные вещи на случай ареста), но и никогда не провоцировал власти на применение силы. Думаю, что этому у него следовало бы поучиться.

Я сам уходил на нелегальное положение только во время отпусков. А в остальное время предпочитал трудиться в церкви, открыто жить вместе со своей семьей и зарабатывать хлеб своими руками. Те братья, которые подолгу оставались на нелегальном положении, безостановочно ездили по всему Советскому Союзу, в случае какой-то конфликтной ситуации в Совете Церквей часто оказывались беззащитными, без поддержки церкви, и в том была их трагедия. В этом смысле служители, которые постоянно совершали духовный труд в общине, всегда находились под защитой церкви.

– Как в Совете Церквей относились к «эксцессам», т.е. к крайним, граничащим с хулиганством действиям, некоторых своих членов по отношению к представителям власти в советское время?

Вопрос личной святости был у нас всегда главным вопросом. Как учит Священное Писание, так мы и старались поступать. Например, Совет Церквей никогда не поддерживал физического сопротивления властям, которое время от времени на местах все же встречалось (особенно при арестах). Служители церкви, как пра-

вило, осуждали подобные инциденты, так как наносился определенный урон всей нашей репутации.

– Подводя итог сказанному, как Вы сегодня, спустя много лет, оцениваете роль Совета Церквей в религиозной жизни бывшего Советского Союза?

Я считаю, что это движение было от Бога. И я много лет, до своего выезда в Америку, активно участвовал в служении Совета Церквей. Вместе с тем, с какого-то момента в нашем движении произошли некоторые духовные изменения, которые были мне не по сердцу.

Например, слишком сурово стали обходиться с общинами, зарегистрировавшимися после соответствующего решения на Тульском совещании 1969 года.

Г.К. Крючков

А.В. Карев

Если руководство братства само ошиблось, то надо было и публично признать свою ошибку, покаяться в ней.

К сожалению, этого не произошло. Периодические массовые «очищения» в церквах, на мой взгляд, свидетельствовали о том, что у нас не на высоте повседневное, индивидуальное пасторское попечение о душах…

– Наконец, последний вопрос: мы слышали, что Вы с братьями нередко совершаете молитвы с возложением рук на больных. Расскажите, пожалуйста, как действует Господь в таких случаях.

Вот только один пример. Однажды в Ставрополе обратилась с просьбой о молитве с возложением рук

молодая сестра. Ей врачи поставили страшный диагноз – белокровие (лейкемия). Я призвал еще двух пресвитеров из других общин. Вся церковь по нашей просьбе пребывала в посте и молитве.

Мы прежде совершили молитву над оливковым маслом. Затем спросили больную, верит ли она, что может получить исцеление от Господа Иисуса Христа, и после утвердительного ответа помазали ее маслом и, возложив руки, помолились о ней.

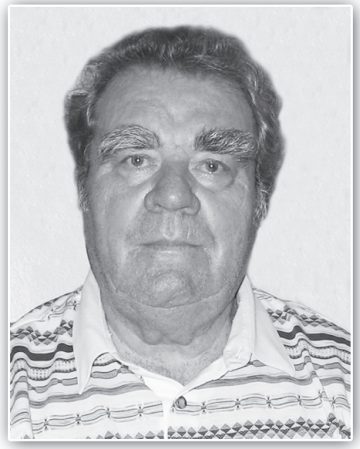
Через две недели сестра прошла очередное обследование в клинике и была признана полностью здоровой! Такую милость явил нам Господь. Мы же исполнили лишь то, что написано в Его Слове, в послании апостола Иакова.

И подобных случаев было в моей практике служения немало. Нужно лишь больше доверять Господу и Священному Писанию.

– Большое спасибо за интервью!

«АМЕРИКАНСКИЙ ШПИОН»

Гринченко Яков Авельевич



– Уважаемый Яков Авельевич, что сохранилось в Вашей памяти о детстве и обращении к Господу?

В 1945 году мой отец вернулся с фронта домой. Мы жили тогда в сельской местности, в Краснодарском крае. Три верующих семьи собирались вместе для поклонения Богу. У наших родителей была Библия и сборник песнопений «Гусли», и мы, малыши, росли, впитывая в себя поучения из Слова Божьего и подпевая старшим прекрасные христианские псалмы. Мне с раннего детства запомнились: «Как на небе песни ангельские льются», «Как тропинкою лесною» и многие другие гимны. Собрания проходили при свете керосиновой лампы, по вечерам, когда заканчивался тяже-

лый дневной крестьянский труд. Ближайшая церковь от нас была в 25 километрах, в другой станице, и мои родители по возможности ездили туда (или даже ходили пешком), а в остальное время по обыкновению молились дома.

В 1953 году я окончил школу, десять классов, и начал открыто посещать церковь евангельских христиан-баптистов. А примерно через год нашел себе работу в Кубанской геофизической экспедиции и трудился в горах, на Кавказе. В мою задачу входило обслуживание нескольких измерительных приборов.

Затем, в 1955 году, меня призвали в армию, перед уходом в которую я, к сожалению, не успел принять крещение. И вот, пройдя «испытание» в 1955-м, я был крещен только в 1959 году, уже после службы в армии.

– Расскажите, пожалуйста, немного о вашей поместной церкви в те годы.

В 1959 году я уже жил в Краснодаре и там же стал членом церкви. В общине тогда насчитывалось около 800 братьев и сестер, у нас был прекрасный хор, проповедники, а пресвитерское служение нес замечательный духовный брат Дубовченко Степан Степанович. Меня вскоре приняли в члены хора, а также в ряды христианской молодежи, и я свою жизнь отдал на служение Господу Иисусу Христу.

В 1972 году церковь меня избрала на диаконское служение и направила учиться в Москву на Заочные библейские курсы. Это было очень почетным и ответственным поручением: два года регулярно посещать Москву, слушать лучших учителей нашего братства – о таком я не осмеливался мечтать! Однако все оказалось не так-то просто, вскоре моя учеба прервалась…

Когда я однажды попытался поделиться полученными в Москве знаниями с членами нашей Краснодарской церкви (мы устраивали специальные беседы на духовные темы), об этом сразу стало известно уполномоченному по религиозным культам. На меня тут же завели уголовное дело, а в моем доме провели обыск. Это случилось в 1973 году.

– Дошло ли дело до суда?

Да, затем состоялся суд, на котором я отказался от государственного защитника, заявив во всеуслышание, что я христианин, а не преступник. Судьи долго заслушивали свидетелей, как верующих, так и неверующих.

И тут за меня неожиданно заступились рабочие с завода, на котором я тогда трудился. А бывший парторг, пенсионер, вместо того, чтобы «топить» меня вместе с судьями, даже поставил в пример, как нужно работать на социалистическом предприятии… И тогда обвинение «против баптиста» сразу рассыпалось!

Позднее стало известно, что нашим коммунистам за такое поведение на суде крепко досталось по партийной линии. А мне, в итоге, присудили лишь удержание 20% заработка в течение года в пользу государства. Это был удивительно мягкий приговор по тем временам. Хотя для нашей семьи и такое наказание оказалось чувствительным.

У нас с женой было семеро детей, и жили мы тогда очень бедно. Ютились во времянке, квартиру нам не давали, как другим многодетным семьям. Не раз называли меня «американским шпионом», опасным для советской власти, допытывались у детей, заставляю ли я их молиться Богу…

Такими были наши «малые страдания», малые – по сравнению с тем, что пережили многие другие верующие люди от советской власти.

– Какие особенности Вы бы отметили в проведении собраний в прежние времена? Что изменилось в наших богослужениях сегодня?

Для собраний времен моей молодости были характерны простота и искренность христианского общения. В атеистическом окружении верующие люди, как правило, жили более сплоченно. Сегодня у нас упор часто делают на профессионализм (в проповеди, пении), а раньше на первое место ставилась духовность…

Евангелизаций, в современном смысле слова, раньше не было (власти не разрешили бы), однако мы использовали, например, каждое похоронное служение

для публичной проповеди Евангелия неверующим людям (в таких случаях власти обычно не вмешивались), и люди приходили к Иисусу Христу.

А когда нам не разрешали проповедовать, мы пели, и часто через духовные песнопения люди еще скорее каялись в своих грехах. Помню, как запоем хором «Грешники, к Христу придите» – и видим: кто-то уже бежит на покаяние…

Косметикой никто из сестер у нас раньше не пользовался, одевались скромно, серьги и даже обручальные кольца – не носили, считали это лишним для христиан. А со времени перестройки как-то быстро все начало меняться…

Но происходили, конечно, и добрые изменения: в 1989 году, когда братья меня поставили на служение старшего пресвитера по Краснодарскому краю, мы уже беспрепятственно проводили бесчисленные евангелизационные собрания и основали, с Божьей помощью, десятки новых поместных общин.

– Было бы интересно услышать о каком-нибудь особенно памятном случае в Вашем служении.

Я никогда прежде не участвовал в молитвах об исцелении больных. Но вот однажды мне позвонил брат Стишук, пресвитер небольшой церкви в Курганинске (Краснодарский край). Он сказал, что одна сестра, болеющая раком, безнадежная (по заключению врачей) просит пресвитеров помолиться над ней, как написано в Послании апостола Иакова. Я поехал туда не без робости, мы с братом взяли освященное оливковое масло (над которым прежде молились служители), побеседовали с сестрой, помазали ей чело маслом и вознесли молитвы о ней к Господу.

Через какое-то время пресвитер Стишук снова звонит мне и радостно сообщает о том, что больная сестра полностью исцелилась! Однако это был единственный такой случай в моем служении.

– Как у Вас складывались взаимоотношения с Советом Церквей?

В 1960-е годы многие верующие в нашем крае поддержали Инициативную группу и отделились от ВСЕХБ. В то время мне довелось слушать проповеди Алексея Прокофьева, молодого Георгия Винса, Григория Костюченко, Николая Батурина, Михаила Шапталы и других известных братьев. Особенно мне запомнилось слово А. Прокофьева, он вдохновенно часа три говорил на тему: *«И сами, как живые камни, устройте из себя дом духовный»* (1 Пет. 2:5).

Я до сих пор не верю, что такой благословенный брат так просто впал в грех. Думаю, все это было подстроено противниками дела Божьего, с целью обезглавить движение за пробуждение в ЕХБ. Несомненно, деятельность Инициативной группы в свое время имела положительное значение для братства и сохранения множества церквей ЕХБ в атеистическом Советском Союзе.

К сожалению, одновременно это привело к трагическому разделению многих поместных общин. Поэтому у меня нет однозначного мнения об этом движении.

– Насколько характерным для членов церкви раньше было участие в постах и молитвах? Каким образом на это влияло давление на братство извне?

Когда у нас в церкви объявлялся пост и молитва, то относились к этому всегда ревностно. Обычно одни сутки молились, не ели и не пили, по Писанию. Когда возникали духовные проблемы – разделения, особые нападки атеистов – непременно постились и взывали к Богу о помощи.

Например, государственная политика в прежние годы включала в себя определенные действия, направленные на максимальное ограничение посещений церкви молодежью. А у нас, слава Господу, юных летами всегда было в избытке. И мы много молились, в том числе с постом, о том, как вести служение мудро, дабы лишний раз не раздражать власти.

Помню, когда мы создали в церкви молодежный хор, то не разрешали никому его так именовать, а официально называли «вторым хором»…

– Каким образом сестры могли реализовать себя в церковной жизни в прежние годы?

В нашей общине избирались диаконисы, которые посещали больных, престарелых, нуждающихся в утешении. Сестры охотно собирали помощь для узников за веру (хотя те, в основном, были из Совета Церквей). Вообще, сестры у нас очень активно участвовали в жизни церкви.

– Большое спасибо за интервью!

«ТЫ – МОЙ ОТЕЦ, А НЕ СТАЛИН!»

Михайловы Андрей Александрович и Нина Ивановна, Бернык Анна Филипповна

– Уважаемые Андрей Александрович, Нина Ивановна и Анна Филипповна, расскажите, пожалуйста, о вашем христианском жизненном пути.

М.А.А.: Сразу после войны я уверовал в Господа и начал посещать собрания ЕХБ в Нальчике (Кабардино-Балкария). Там в 1946 году мы с Ниной познакомились и поженились. В те годы в Советском Союзе началось религиозное пробуждение, множество людей устремилось в церковь, вопреки официальному государственному атеизму.

Вскоре наша семья переехала в Тернополь (Западная Украина), где мы провели пять лет. В тех краях отношение к верующим было значительно более тер-

пимым, чем в России. Затем мы снова вернулись на Северный Кавказ, где поселились в Прохладном. Посещали всегда зарегистрированную церковь. До середины 1980-х годов у нас было очень мало Библий и песенников. Но это только усиливало наше стремление быть в доме Божьем, мы много переписывали от руки, заучивали наизусть…

М.Н.И.: Я из христианской семьи, мой отец был прекрасным проповедником, служителем церкви и много пострадал за веру в Бога, несколько раз был в заключении. Во время первой мировой войны, он попал в германский плен. Там работал у верующего фермера, и по воскресеньям они вместе ходили в церковь. Моего отца даже несколько раз приглашали проповедовать, и он возвещал слово Божье через переводчика. Затем он вернулся в Россию. Когда я была маленькой, мы жили в Кургане и некоторых других городах Западной Сибири. А потом, перед войной, наша семья переехала в Нальчик. Отца в последний раз арестовали в 1937 году, и больше мы его не видели. Время было тогда ужасное.

В Нальчике существовала прекрасная баптистская община, но мы получили разрешение свободно собираться только уже в середине 1940-х годов. До этого проводили служения только по группам, тайно. Правда, во время оккупации какое-то время наши члены церкви тоже собирались открыто, немцы молиться не запрещали.

Я покаялась как раз во время войны. Тогда на богослужения к нам иногда заходили и верующие немецкие солдаты. Однако мы их все равно боялись, тем более что никто из них не говорил по-русски.

– Что у Вас осталось в памяти о церковной жизни в послевоенные годы?

М.Н.И.: С ранней юности мы с мужем следовали за Господом. И всегда в трудностях укреплялись нашей общей христианской верой. Однажды сотрудник НКВД приставил к моей голове, тогда еще совсем юной девушки, дуло пистолета, желая запугать, сломить волю, но я ради Христа не устрашилась смерти, а просто вслух помолилась, и меня отпустили…

В послевоенное время наши собрания отличались особой сердечностью, духом взаимопомощи, мы много молились, держали посты. После богослужения люди не разбегались сразу по домам, как сегодня, а еще долго общались друг с другом. Мы всегда знали, у кого какие радости и горести, кто нуждается в наших молитвах и какой-то особой помощи. Сегодня это уже, к сожалению, в немалой степени утрачено. Очень жаль, что так происходит.

– Расскажите, пожалуйста, как воспитывали детей в школе и в христианских семьях в Советском Союзе.

Б.А.Ф.: Я родом из Орджоникидзе (Северная Осетия), из многодетной верующей семьи. Советская школа старалась нас, детей, отделить от христианского влияния родителей. Иногда коммунистам это в какой-то степени удавалось.

Помню, отец однажды наказывал моего старшего брата, а тот вдруг закричал: «Не трогай комсомольца, мой отец – Сталин!» Брат в то время перестал ходить в церковь, и у него появилась мирская компания. Но вскоре, попав в тюрьму, мой брат писал отцу уже покаянные письма: «Папа, ты правильно меня воспитывал! Ты – мой отец, а не Сталин, прости меня…»

И когда он вышел из заключения, то искренне покаялся в церкви и стал служить Господу.

– Как вы в своей жизни узнавали волю Божью?

Б.А.Ф.: В нашей семье всегда много молились, постились и старались познавать волю Господню. Особенно перед принятием каких-то важных решений. Помню, когда в конце 1940-х годов мы были вынуждены из-за преследований уехать из Орджоникидзе, а близких родственников у нас в других городах не было, то мы особенно взывали к Богу, чтобы Он указал нам угодный Ему путь.

Мне было тогда десять лет. Отец, собрав всю семью, прочитал из Евангелия слова Христа: *«Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой…»* (Мф. 10:23), затем с молитвою написал на листочках бумаги названия нескольких городов (о которых мы слышали от других верующих, что там нет сильных гонений), положил их в шапку и сказал мне, как «самой младшей и безгрешной», вытащить один листочек…

Я никогда не забуду того сердечного трепета, с которым мы прочли название города, куда нас призывал ехать Господь. Это были Черновцы. Когда мы туда переехали, то испытали настоящее благословение. В Черновцах нас ждала чудесная церковь, многочисленная молодежь, так что мы с радостью посещали собра-

ния. Однако через некоторое время власти стали ограничивать права верующих и здесь. И все же в Черновцах нам жилось намного лучше: молодежь регулярно собиралась вместе, мы посещали по домам больных и престарелых, делали у них уборку, вскапывали огороды, пели гимны, рассказывали христианские стихи, организовали оркестр, свидетельствовали о Господе неверующим… Это была полнокровная христианская жизнь, о чем вспоминаешь с неизменной радостью!

– Слава Богу! Но все ли вам удалось в жизни, или о чем-то вы сожалеете, что-то можно было сделать иначе, лучше?

Б.А.Ф.: Родители нас воспитывали очень хорошо, учили, чтобы мы все вопросы решали с Господом, ожидали ответы на свои молитвы. Однако вопрос семейной жизни я захотела решить самовольно, и противилась молодому брату, на которого мне указывал Господь. Вышла замуж за другого, который мне нравился больше, но был нетверд в вере, а вскоре и вовсе оставил Бога, и тогда вся наша семейная жизнь пошла под откос. Я осталась одна с пятью детьми…

Очевидно, мне это было наказание от Господа за мое непослушание. А в остальном – вся жизнь была прожита с Богом и под Его благословением.

– Большое спасибо за интервью!

ДОЛГИЕ СТРАНСТВОВАНИЯ ПО МИРУ

Пихай Адольф Андреевич

– Уважаемый Адольф Андреевич, расскажите, пожалуйста, о Вашей жизни, о том служении, которое Вы совершали в прежние годы.

Я родом из Челябинска. Мой отец в 1938 году, во время сталинского террора, был арестован, и больше мы о нем ничего не слышали. Мама с нами, тремя маленькими детьми (у меня две сестры), бежала на Украину, в Кировоградскую область, к родственникам. Ей кто-то сказал, что советская власть может у нее отнять детей. На Украине нас застала война. Поскольку мы жили в большой нужде, мама во время оккупации работала в немецкой агрономической конторе. Когда Красная Армия стала вытеснять немцев из

Кировограда, перед нами встал трудный вопрос: как быть дальше? Мама очень боялась, что коммунисты нашу семью репрессируют. И поэтому мы тоже двинулись (на товарном поезде) на Запад. Так начались мои странствования по всему миру.

Сначала мы остановились на несколько месяцев в Польше. Там мне довелось впервые встретить верующих людей и услышать от них живое слово евангельской проповеди. Я уже тогда был подростком, и потому эта встреча мне навсегда запомнилась. Видимо, у Бога был в отношении нашей семьи особенный план: мы смогли каким-то образом перебраться в Германию и жили там в разных местах. Еще не окончилась война, когда наша мама уверовала в Бога и приняла крещение в евангельской общине, и все мы тогда стали посещать церковь. Несмотря на то, что наша семья – русская, верующие немцы относились к нам очень доброже-лательно, это было чем-то удивительным для жестоких военных лет.

Из Восточной Германии мы двинулись на север страны, по дороге попадали под бомбежку. В то время наша семья состояла уже из детей Божьих, и потому Господь нас особенно хранил. Однажды мы одиннадцать дней шли пешком по направлению к Гамбургу. Очень устали, я, как умел, помогал маме и сестрам. Наконец, остановились в каком-то селе, где в местной школе предоставляли место для беженцев. Мама сказала, что дальше идти не сможет, будем ждать своей участи здесь. Мы не знали, чьи войска придут в это село и, конечно, много молились о своем будущем. И вот вскоре выяснилось, что мы оказались в зоне контроля американской армии, буквально в последние часы покинув территорию, которую захватили советские войска…

– Извините, Вы так это необычно рассказываете, что становится не по себе. Неужели вы до такой степени не любили Россию?

Нельзя сказать, что мы не любили Россию! Просто наша семья в полной мере испытала на себе, что такое коммунизм. Вот и бежали, куда глаза глядят…

– Хорошо, что было затем?

Затем американцы стали спрашивать всех беженцев, куда они хотят ехать. Желающих вернуться в СССР было очень немного. Поначалу некоторых славян даже и поневоле передавали советской стороне (вероятно, между союзниками было какое-то соглашение). А наша семья выразила желание ехать в Америку, однако окружающими воспринималось это еще не слишком серьезно.

И тут нам очень помог один бельгиец, который выдал мне справку о том, что я согласен работать на некой шахте в Бельгии. Я получил эту бумагу тогда, когда мою мать и сестер уже готовились передать Красной Армии. И я со знакомым водителем-немцем буквально в последний момент, взволнованно показывая всем часовым свою справку, вывез нашу семью за пределы лагеря, передаваемого советской стороне.

– А когда Вы стали вновь посещать церковь, и каким образом это происходило?

До 1949 года мы еще оставались в Германии, в большом лагере для беженцев неподалеку от Ганновера. Здесь же посещали славянские евангельские собрания. В 1946 году я был крещен. К сожалению, у нас в

то время братья, говорившие по-русски и по-украински, не всегда ладили между собой, и это привело к тому, что они даже стали собираться отдельно друг от друга…

Затем наша семья получила приглашение на переезд в далекую Бразилию, и мы, вместе со многими другими людьми, не имеющими своего дома, согласились туда ехать.

– Пожалуйста, расскажите, как жилось тогда славянам в Латинской Америке.

Мы долго плыли на стареньком корабле из Италии в Бразилию, затем еще проходили карантин и только затем нашу семью распределили на жительство в Сан-Паулу. Там мы сразу же разыскали верующих славян, и братья предложили нам пожить первое время в доме при их баптистской церкви. Затем мы вместе с другими переселенцами-славянами купили себе небольшой участок земли в чистом поле и начали строить дома. Мне было в то время уже лет двадцать.

Я тогда работал на заводе, где делали утюги (я их полировал). Работа была тяжелой, а потом еще и строил дом для семьи. Да, это было трудное время для всех переселенцев, но вот понемногу пустынная земля в нашем пригороде начала оживать. И моей семье очень помогала вера в Бога.

Мы регулярно посещали собрания в славянской церкви в Сан-Паулу, я там пел в хоре, по-португальски и по-русски. В нашей общине в то время было от 400 до 500 братьев и сестер.

– А как Вы попали в Соединенные Штаты и какое там несли служение?

К середине 1950-х годов я уже окончил училище в Сан-Паулу, подучил язык и стал работать чертежником. Тогда жить стало легче. Затем, в 1958 году, по приглашению верующих друзей, мы переехали в Соединенные Штаты, в Филадельфию. Там посещали церковь, где пастором был известный брат И.А. Кмета. Славянских иммигрантов во времена «железного занавеса» приезжало мало. Дети переходили в американские церкви, а старцы постепенно умирали. Такое печальное положение дел существовало во многих славянских общинах. И лишь третья волна иммиграции из Советского Союза поправила дело. Однако и у новых переселенцев, увы, сегодня начинаются подобные проблемы.

В Америке я получил богословское образование, затем нес пасторское служение в Пенсильвании и, наконец, в Калифорнии. Участвовал в работе наших славянских баптистских союзов, в издательской деятельности. Духовного труда нашему поколению всегда хватало, слава Господу!

– Можете ли Вы рассказать о каком-нибудь чудесном событии в Вашей жизни?

Еще во время оккупации на Украине одна женщина подарила нашей семье Новый Завет, и я его читал, хотя и был тогда еще неверующим. И вот однажды после чтения Евангелия мне приснился сон, как будто все люди из нашего города вышли ночью на улицу и стоят в темноте, в ожидании Последнего суда Божьего. И я слышу, как они говорят друг другу: кому Христос сейчас даст в руки картошку, тот пойдет на небо, будет спасенным… И вот действительно на улице появляется Христос с апостолами, от них во все стороны разли-

вается яркий свет, и Спаситель начинает раздавать людям картошку.

А я жду Его приближения с замиранием сердца. Когда подходит моя очередь, Христос испытующе смотрит на меня и протягивает картошечку и мне…

И тут меня разбудила мама. Я не хочу что-то особенное вывести из этой истории, – написано: «кто видел сон, пусть и рассказывает его как сон», – однако впечатление от увиденного тогда сохранилось у меня на всю жизнь.

– И еще один вопрос, если можно: Вы переехали на Запад достаточно давно, а когда Вы столкнулись впервые с кальвинистским учением о спасении в славянских баптистских общинах?

Могу засвидетельствовать, что до самого недавнего времени в славянских евангельских общинах в США вовсе не было известно кальвинистское учение. Наше простое славянское богословие, можно сказать, было «законсервировано» в переселенческих общинах. Однако теперь ситуация стала меняться…

– Большое спасибо за интервью!

РАЗРУШЕННЫЙ И ВОССТАНОВЛЕННЫЙ ХРАМ

Сертиков Владимир Антонович

– Уважаемый Владимир Антонович, пожалуйста, расскажите, о Вашем жизненном пути и христианском служении в бывшем Советском Союзе.

Я родом из Брянска. Уверовал в Бога в 1942 году, во время немецкой оккупации. Моего отца, по подозрению в связях с партизанами, расстреляли. Мать осталась одна с двумя детьми. В то время церкви и молитвенные дома открылись и были переполнены, верующие люди получили возможность собираться вместе для прославления Господа.

Тогда и моя мама обратилась к Богу и водила меня с сестрой на собрания баптистов. А затем в нашем доме стали собираться верующие, проводились богослуже-

ния, спевки, совместные трапезы. Вся наша жизнь тогда уже была в Боге, от Него мы получили небесное утешение. А крестился я уже после войны, в 1949 году.

– Как проводились раньше богослужения? Как бы Вы их охарактеризовали?

Раньше богослужения отличались большим благоговением и благочестием. Мы следили и за своим внешним видом: одежда, прически, сам образ жизни – были скромными, не вызывающими.

Помню, одному приезжему проповеднику в нашей общине не дали слово только из-за того, что он сидел на стуле, развалившись и с расстегнутым воротом рубахи…

Другой проповедник пришел однажды на собрание в рубашке с коротким рукавом. К нему подошли служители и с улыбкой спросили: «Что, брат, материальчику немного не хватило на рукава?» Тот смутился, сказал: «Все понял, братья, спасибо!» И больше в подобном виде не приходил в церковь. Такое у нас было тогда воспитание и понимание, как должно себя вести в доме Божьем.

В школе я окончил семь классов и потому считался в своей общине в послевоенное время самым образованным. Проповедники наши были, можно сказать, малограмотными, однако веру в Господа сохранили, несмотря на всю мощь атеизма. И не только сохранили, но и передали ее молодым. Это самое главное.

– Каким образом в своей повседневной жизни Вы ощущали присутствие советской власти? Оказывалось ли на Вас какое-то давление извне?

Нашу церковь часто посещали гости из разных городов и селений. А власти все об этом хотели знать и пресекать так называемые «нарушения законодательства о религиозных культах», поэтому многих членов церкви пытались склонить к «сотрудничеству». Большинство из нас, конечно, от этого отказывалось. Но бывали и падшие...

Я в своей жизни работал каменщиком, портным, слесарем-ремонтником и даже в мартеновском цехе пришлось потрудиться. Никогда не скрывал своей веры в Бога. Старался работать добросовестно, как и все наши братья. А потому к баптистам и относились с уважением, а если кого и увольняли с работы, то преимущественно из так называемых «политических соображений».

Однажды, когда я еще работал портным, про меня в областной газете напечатали статью под названием «С Божьей помощью». Советский корреспондент сетовал, что вот, дескать, такой хороший работник, положительно рекомендуется окружающими, но баптист, и этим все сказано, и куда только его начальство смотрит... Ярлык сектанта в то время был одним из самых страшных и отталкивающих в советской среде. И потому после той злосчастной публикации начальство меня быстро вынудило уйти с работы. Это делалось легко.

– Какими в вашей местности были отношения между «регистрированными» и «отделенными» общинами ЕХБ?

В 1959 году я женился. И наша семья посещала всегда зарегистрированную церковь ЕХБ в Брянске. Когда в городе появились представители Инициатив-

ной группы, мы принимали их как братьев, давали им слово в церкви. Однако вскоре заметили, что они нам в своих собраниях проповедовать не разрешают, поскольку мы, дескать, «под регистрацией», которая Богу не угодна…

Таким образом, в нашей области, к сожалению, тоже произошло разделение среди братьев. И все же мы всегда старались искать пути мира, имели общение с Советом Церквей. За что нам, кстати, не раз доставалось от властей, которые говорили: «Вы такие же раскольники, вы только прикрываетесь регистрацией церкви!»

– Расскажите, пожалуйста, о каком-нибудь ярком и необычном событии из Вашего опыта служения Богу.

В 1977 году меня рукоположили на пресвитера в Брянской церкви. У нас в общине было несколько пресвитеров. Каждый выполнял вверенное ему служение. Я, например, много лет посещал малые группы и общины по области, совершал крещения и хлебопреломления, проповедовал, ободрял и сам ободрялся от общения с братьями и сестрами. Чувствовал, что это необходимый для дела Божьего труд.

И вот одна уже немолодая, совершенно неграмотная сестра, работавшая в колхозе пастушкой, после покаяния очень желала читать вместе со всеми верующими Евангелие и петь из сборника гимны. Она много об этом молилась и вскоре, с Божьей помощью, выучилась читать! Ее мечта осуществилась, и это было радостью и ободрением для всех нас. Подобная история, еще в довоенное время, произошла и с моей матерью, которая, не окончив ни одного класса школы, выучи-

лась грамоте по Евангелию с крупным шрифтом. А затем еще и проповедовала и приводила людей к Иисусу Христу. Это чудеса, которые совершает Господь.

– Вы упомянули Евангелие. А где вы находили себе Священное Писание в советские времена?

Библий до перестройки, как вы знаете, верующим остро не хватало. Однажды, в 1970-е годы, мы с одним братом посетили баптистскую общину в Мукачево, на Западной Украине, и рассказали там о нужде своей церкви. И верующие нам тут же подарили шестнадцать Евангелий карманного формата! Никогда в жизни я не чувствовал себя таким богатым, как тогда.

А песенники и отдельные книги Священного Писания мы часто переписывали от руки. Также, когда бывали в Москве, во ВСЕХБ, как правило, никогда оттуда с пустыми руками не возвращались. Братья, как могли, делились с нами драгоценными книгами. К сожалению, сегодня мы уже мало ценим духовную литературу.

– Кроме редких христианских книг, можно было еще откуда-то почерпнуть духовные сведения в СССР?

Да! Мы слушали радио и общались со всеми верующими людьми, которых только встречали в своей жизни, например, с православными.

Слушать христианские радиопрограммы мы начали на рубеже 1950-х и 1960-х годов. Приемники в церкви сначала осуждались, за них могли даже отлучить, как за нечто мирское. Но когда братья узнали, что на коротких волнах передают христианские радиопрограммы, то отношение к приемникам сразу изменилось.

Все стали их покупать, узнавали друг у друга расписание программ. С удовольствием слушали и обсуждали, хотя те радиопрограммы часто и глушились.

До перестройки мы имели доброе общение с некоторыми православными священниками, даже приобретали у них Библии. Священники, как правило, оканчивали духовные семинарии, были более образованы по сравнению с баптистскими служителями. Вместе с тем, когда они иногда посещали наши собрания, то всякий раз выражали уважение к нашему христианскому духу общины, который проявлялся в строительстве молитвенных домов, посещении больных, нуждающихся и т.д. В православном приходе, как мы слышали, с этим было несколько труднее.

– Что касается строительства... Не могли бы Вы нам рассказать историю о возведении вашего молитвенного дома в Брянске?

Да, это событие получило известность и внутри страны, и даже за рубежом. В 1977 году, буквально за шесть месяцев, наша община построила на своей земле и за свой счет (правда, без официального разрешения) прекрасный молитвенный дом. Он был хорошо виден со всех сторон и притягивал взоры прохожих. И вот осенью того же года городские власти

нагнали тяжелую технику и разрушили наше здание. Формальным поводом к этому послужил тот факт, что строительство велось без разрешения, а рядом, дескать, расположен памятник болгарским патриотам. Что, опять же, с политической точки зрения не очень хорошо…

Конечно, мы бы хотели иметь разрешение на строительство, но ведь нам его не давали! В те времена еще считалось, что у баптистов должны быть маленькие молитвенные дома, да и те где-нибудь на окраине города.

После того как здание церкви власти разрушили, мы стали вынужденно собираться по домам. Тогда нас сразу же начали преследовать и штрафовать. Тут даже христианскому терпению стал приходить конец, ситуация накалялась…

И тогда ВСЕХБ в Москве выделил нам средства для покупки нового молитвенного дома. Что вскоре и было сделано. А уже во время перестройки на месте разрушенного здания церкви был построен еще более величественный храм…

Слава Господу за Его великую милость!

– Большое спасибо за интервью!

НЕБЕСНАЯ ЛЕСТНИЦА

Харченко Анатолий Тимофеевич

– Уважаемый Анатолий Тимофеевич, расскажите, пожалуйста, о своем обращении к Господу и служении Ему во времена государственного атеизма в СССР.

Мой сознательный христианский путь начинался в 1950-е годы. После армии (как сын верующих родителей, я служил в стройбате) посещал церковь ЕХБ во Фрунзе, охотно участвовал в служении и труде христианской молодежи. Однако когда я рассказал служителям церкви о своем желании креститься, то выяснилось, что это не так-то просто. Мне ответили: «Если Богу угодно, то уполномоченный разрешит…»

Я был молод, с горящей верой, и с трудом воспринимал такие слова, искренне не понимал, каким обра-

зом воля Божья связана с решениями, принимаемыми атеистическими властями.

В 1962 году, по милости Божьей, я был все же крещен во фрунзенской церкви, однако вскоре вместе с большой группой верующих (около 150 человек) выведен из списков общины. Мы отказались подписывать документы, которые должны были предотвратить распространение в христианской среде влияния Инициативной группы. Принять эти документы от нас требовал уполномоченный по делам религиозных культов. И когда мы вышли из зарегистрированной церкви, то образовали еще одну общину, как тогда говорили, «отделенных».

Власти тут же начали нас жестоко преследовать. Когда должны были уже посадить нашего пастыря И.А. Пунка и моего дядю А.И. Харченко, некоторые братья и сестры, включая меня, вынужденно бежали в другие города бывшего СССР. Так я оказался в Сухуми (Абхазия). Там отношение к религии со стороны властей было более терпимым. А многие члены церкви из зарегистрированной общины даже сочувствовали движению Совета Церквей, собирали средства для узников, помогали в деле христианской печати.

– Вы были как-то связаны с печатной деятельностью Совета Церквей?

В начале 1970-х годов в моем доме в Сухуми располагалась одна из печатных точек, работал примитивный станок, который все время нужно было крутить за ручку. Печатали Евангелия и другую духовную литературу. Бумагу закупали по районам, затем хранили ее до приезда группы печатников, а когда работа заканчивалась, чемоданами развозили размноженные

книги и брошюры к переплетчикам. Поскольку мы жили в Абхазии, проводники в поездах нередко, глядя на наши большие чемоданы, подозревали меня и других братьев в тайной перевозке мандаринов…

Но это, конечно, при советской власти было не столь страшное преступление по сравнению с транспортировкой религиозной литературы!

– Принимались ли вами в то время какие-то особые меры предосторожности?

Конечно! Например, после окончания работы станок сразу разбирали, и затем несколько человек по частям перевозили его в сумках на новое место, где уже была заготовлена бумага. Причем, делалось все это не одновременно, а в разные дни. Даже если бы кого-то из братьев остановила милиция, ей трудно было бы догадаться по отдельным металлическим деталям, что это составные части печатного станка.

– Как часто вашу церковь посещали гости из других городов Советского Союза?

Это случалось нередко. Например, в нашу общину в Сухуми в 1970-е годы приезжал Иосиф Бондаренко и другие известные братья. Невзирая на запреты, мы проводили большие молодежные общения и крещения молодежи в море. Несколько раз это даже приводило к противостоянию с местными властями. Некоторые люди сегодня осуждают Совет Церквей за подобные действия. Я же думаю, что коммунисты в то время чувствовали нашу ревность о Господе, решительность в отстаивании законных прав верующих людей, и это служило своего рода противовесом крайнему атеизму

в стране, помогло сохранить и преумножить евангельские общины в СССР.

Нужно отметить, что подобную ревность проявляли не только «отделенные», но и нередко – члены зарегистрированных церквей. Скажем, мы не раз прятали братьев, которых искали власти, в домах «регистрированных», потому что тех реже обыскивали. Так что в то время каждый служил Господу, чем мог. Несколько братьев и сестер по вере из других городов прятались в разное время и в нашем доме, одновременно отдыхая в благодатном южном климате, вблизи моря. Это были и печатники, и другие люди, находившиеся в розыске за дело Божье.

Позднее у нас в Сухуми в результате некоторых печальных событий община Совета Церквей почти полностью, включая меня, перешла в зарегистрированную церковь ЕХБ.

– Расскажите, пожалуйста, немного о Вашем родном брате Викторе.

Виктор Тимофеевич Харченко еще юношей пострадал за веру в Бога, получил 25 лет лагерей (по политической статье) и был отправлен в Сибирь на лесоповал. Это произошло в 1947 году. Все наши родные и близкие много о нем молились, и Господь явил Свою милость, сохранил ему жизнь. После смерти Сталина мой брат был реабилитирован и отпущен на свободу. В 1977 году он оказался одним из первых верующих эмигрантов «третьей волны», вырвавшихся из СССР на Запад…

– Было ли место в Вашей жизни какому-нибудь чудесному событию?

Я расскажу два случая. В юности, незадолго до моего обращения к Богу, как-то мне приснился сон: передо мною большая лестница, уходящая в небеса и скрывающаяся в облаках, а по ее ступенькам спускается Христос. Он одет в белоснежные одежды. И когда Христос доходит до нижней ступени, то вдруг протягивает ко мне руку и говорит: «Толя, перевяжи ее!» Я смотрю: а рука у Него – в крови... Тогда я бросился искать, чем бы перевязать Иисусу руку, но пока блуждал по округе, вижу – Он уже поднялся наверх до середины лестницы, а мне дорогу к Нему преграждают два воина с копьями. Я умоляю их разрешить пройти, потому что мне нужно помочь Христу, но они не пускают.

И вот с тревожной мыслью, что кровь Спасителя продолжает струиться и что Он уходит, а я не успеваю послужить Ему, просыпаюсь. В том сне я вижу Божью заботу обо мне, Его призыв к спасению. И я действительно вскоре покаялся и отдал себя на служение Господу.

Теперь второй случай: в середине 1970-х годов в моем доме остановился однажды известный служитель П. Петерс, и кто-то еще из братьев был с ним. Об этом быстро узнала милиция, подъехал воронок, нас всех в него посадили и повезли в отделение.

А у меня в кармане лежала обычная связка ключей.

Во время движения милицейской машины я попробовал открыть заднюю дверь, и один из ключей чудесным образом подошел, замок открылся.

Тогда мы все поблагодарили Господа, и я, выбрав удобный момент, когда машина притормозила у перекопанной вблизи рынка дороги, быстро открыл дверь, выпустил своих гостей, и тут же ее снова закрыл…

Надо было видеть лица милиционеров, когда мы приехали в отделение! Меня они на какое-то время задержали, так что я им успел засвидетельствовать о всемогуществе Божьем. Думал, что меня посадят, но все-таки отпустили…

– Приходилось ли Вам в советское время защищать свою веру в Бога перед атеистами?

Однажды, в брежневские годы, на меня в какой-то беседе сильно ополчились безбожники. И тогда я вспомнил хороший христианский аргумент, однажды услышанный в церкви, и привел его им: если вы говорите, что Бога нет, зачем же вы с Ним так активно боретесь? Все полки в книжных магазинах и библиотеках заставлены вашей литературой, у вас целая армия лекторов и пропагандистов – зачем? Не свидетельствует ли это все-таки о том, что Бог существует? Такой подход к теме поставил их в тупик, и они меня оставили в покое.

– С какими трудностями сталкивались дети из верующих семей в школе?

Моих детей в школе часто обижали из-за того, что они не вступали в пионеры и отказывались носить красный галстук. Однажды, помню, вызвали в школу

и с неприязнью беседовали со мной об этом. И тогда я спросил учителей:

– У вас есть дети?

Разумеется, у большинства из них были свои дети.

– А вы хотите, чтобы ваши дети стали баптистами?

– Что вы! – возмутились учителя. – Конечно, нет!

– Вот и я не желаю, чтобы мои дети сделались коммунистами! Вопрос был закрыт, и больше меня в школу не вызывали…

– Наверное, не все христиане решились бы на такой смелый отпор атеистам. А как часто на Вашей памяти происходили отпадения от Бога?

Такие случаи тоже имели место, хотя, слава Господу, не часто. Я бы сказал, что отпавших от христианской веры в советское время было значительно меньше, чем в наши дни, во времена демократии и свободы совести. В прежние годы верующие люди жили намного сплоченнее, дружнее. Сегодня многие уже утратили дух христианской общины. Западный индивидуализм проникает всюду. Я бы даже сказал, что коммунистическая мораль (несмотря на ее безбожие) была в чем-то выше, чем современный западный индивидуалистический, равнодушный к судьбе ближнего, образ жизни.

– Большое спасибо за интервью!

БЛАГОСЛОВЕНИЕ В СЛУЖЕНИИ

Манько Николай Георгиевич

– Уважаемый Николай Георгиевич, расскажите, пожалуйста, о Вашей жизни в СССР и том духовном труде, который Вы совершали.

В 1948 году, в Восточной Германии, во время службы в армии, я уверовал в Бога. А призвали меня еще во время войны, в 1944 году. Сам я выходец из строгой православной семьи, родом из Краснодарского края.

И вот однажды в армии познакомился с братом Павлом Домасом, призванным из Белоруссии. Он обратил внимание на то, что я, в отличие от многих наших сослуживцев, будучи человеком религиозным, не курил, воздерживался от спиртных напитков, не сквернословил.

Как-то мы с Павлом заговорили о вере в Бога, и тогда я узнал, что он баптист. Поначалу я осуждал его, как «сектанта», но Павел спокойно и веско отвечал на мои многочисленные вопросы, свободно цитировал по памяти Евангелие, которое хорошо знал. И так мне это пришлось по сердцу, что я сразу же захотел с ним подружиться, стал учиться у Павла, как надлежит служить Богу. Через несколько месяцев я покаялся в своих грехах, и Павел мне тогда подарил Евангелие.

Мой новый друг был старше меня на три года, ему довелось побывать на фронте. Однажды Павел рассказал мне, как, держа в памяти учение Христа из Нагорной проповеди, он томился духом на передовой и не хотел участвовать в кровопролитии. Молился об этом перед каким-то сражением, и вот, когда начался бой, случилось удивительное событие: немецкая пуля оторвала ему указательный палец на правой руке!

На его счастье, это произошло на глазах у других солдат, да и экспертиза затем подтвердила, что пуля была выпущена с дальнего расстояния, и потому только Павла не обвинили в членовредительстве. Ведь указательный палец в армии – самый главный, им спускается курок... Так Павел попал в медсанбат, и на фронте больше не был (хотя в армии служил еще долго). Через его свидетельство много душ обратилось к Господу. Как Павел часто говорил: «Кто был на фронте, тот к Богу ближе».

– Могли Вы в те времена в армии свободно пользоваться подаренным Вам Евангелием?

Новый Завет, который мне подарил Павел, вскоре у меня украли. Я очень переживал из-за этого. И вот как-то ночью приснился мне сон, в котором я как будто

увидел, где находится мое Евангелие: в каптерке, в таком-то шкафу…

Утром я добровольно вызвался мыть полы в казарме, чтобы иметь возможность заглянуть в интересующее меня место. И вот я обшарил все шкафы и укромные уголки в той каптерке, которая мне приснилась, но так ничего и не нашел. И тогда я понял, что сон тот был ложным, обольщением бесовским…

– А как складывалась Ваша жизнь после армии?

Служить мне пришлось целых восемь лет, я вернулся домой только в конце 1952 года. Потом жил и работал в Майкопе. Там я, конечно, сразу разыскал собрание верующих и сказал им: «Я ваш брат!» Постоянно ходил на богослужения, а в августе 1953 году принял крещение, стал членом церкви. Это произошло ровно через пять лет после дня моего покаяния в армии.

Спустя еще несколько лет я был уже избран членом церковного совета, проповедником и кассиром в общине. В то время у нас насчитывалось около тысячи членов церкви. В хрущевские годы мы пережили большие притеснения со стороны властей. КГБ хотел полностью контролировать нашу христианскую жизнь, и были люди, которые сидели при дверях и смотрели за всеми, кто входит в церковь и из нее выходит…

Неугодных властям братьев попросту снимали со служения. Вдобавок, на общину давили, постоянно угрожая ей закрытием молитвенного дома. Такое положение дел привело к тому, что разделение церкви у нас произошло еще за несколько лет до появления Инициативной группы. А в начале 1960-х годов часть отделившихся от центральной общины ЕХБ в Майкопе поддержала движение Совета Церквей.

– В ваших краях детей тоже не допускали на собрания?

Как раз в Майкопе было очень много детей и христианской молодежи, поэтому в 1960-е годы вопрос о возможности посещения несовершеннолетними богослужений стоял необыкновенно остро. Доходило до того, что власти снимали со служения все руководство церкви, поскольку мы наотрез отказывались подчиняться несправедливым требованиям высокопоставленных лиц, пытавшихся оторвать детей от своих верующих родителей.

К счастью, тот трудный период не был слишком долгим, и мы в конце концов отстояли право верующих родителей на религиозное воспитание собственных детей. В нашей общине состояли братья, выписывавшие советские газеты и журналы и хорошо знавшие действовавшее тогда законодательство. Особенно нам помогли некоторые статьи из журнала «Наука и религия». Такая победа очень ободрила всех верующих, и мы смогли добиться восстановления в служении всех пострадавших братьев. Из-за сильного сопротивления баптистов по всей стране власти неожиданно пошли нам на некоторые уступки.

– А что за история у вас произошла с отнятием молитвенного дома?

В 1981 году меня, вместе с еще двумя братьями, рукоположили на пресвитерское служение в церкви. Я работал тогда столяром на мебельной фабрике. Старый молитвенный дом у нас был расположен рядом с тюрьмой, и братья не раз грустно шутили, что достаточно только сделать проход от нашего дома к камерам зак-

люченных, и проблема с баптистами в городе будет решена. Однако пришло время, и этот дом городские власти по какой-то административной надобности у нас отобрали. Взамен же поначалу ничего не предоставили, и такая большая община была вынуждена какое-то время собираться по частным домам.

Тогда мы разделились на три группы, по числу пресвитеров, и проводили богослужения отдельно друг от друга. Одна треть церкви в то время собиралась в нашем доме, за что меня, как хозяина, власти много раз попрекали. Я понимал, что для них было бы лучше, если бы баптисты вообще прекратили богослужения, однако мы ведь не могли оставить собрания. Вскоре наша община, по милости Божьей, приобрела новый молитвенный дом, в другой части города, и конфликт с городской администрацией перестал быть таким острым.

– Доводилось ли Вам когда-нибудь в советское время присутствовать на атеистических мероприятиях? Какой была тогда Ваша реакция?

Однажды на мебельной фабрике, где я работал вместе с еще пятью членами нашей церкви, проводили какую-то антирелигиозную беседу, и кто-то из выступающих вдруг стал говорить, что баптисты – это люди неблагонадежные, связанные с Западом, особенно с Америкой…

И тогда один наш брат поднялся перед всем трудовым коллективом и громко заявил: «Вы меня знаете, я баптист, так вот я вам скажу, что за всю свою жизнь ни одного американца в глаза не видел! Вот и думайте после этого, связан я с Америкой или нет…» Многие из присутствующих не смогли тогда скрыть улыбок, а

потом подходили и говорили, что, мол, молодец, так и надо отвечать этим лекторам и пропагандистам…

– Что бы Вы хотели сказать в заключение нашей беседы или, может быть, пожелать молодым христианам в их служении Господу?

Я уже говорил о том, что у нас в церкви Майкопа было три пресвитера. Жили мы и несли служение, с Божьей помощью, в полном мире и согласии между собой на протяжении многих-многих лет. На это даже обратил внимание В.Е. Логвиненко, руководитель Российского Союза баптистов в Москве: «Там, где в церкви несколько пресвитеров, между братьями нередко возникают трения, и тогда я им говорю: поезжайте в Майкоп и посмотрите, как там дружно трудятся братья, и поучитесь у них!» Когда между нами возникали спорные вопросы, мы всегда старались с любовью разрешить их между собой, не выносили поспешно на церковь. И община видела это единство, молилась о нас и была в послушании. Здесь, думаю, и причина того благословения, которое мы испытали в своем служении. Того же я желаю сегодня и всей нашей христианской молодежи!

– Большое спасибо за интервью!

ГОСПОДЬ НАС НЕ ОСТАВИТ!

Ефисов Валентин Дмитриевич

– Уважаемый Валентин Дмитриевич, расскажите, пожалуйста, о Вашей юности и о том, как начиналось Ваше служение Господу.

Родился я в 1932 году в станице Кагальницкой (Ростовская область) в семье верующих родителей. Окончив восемь классов средней школы, поступил в горноспасательный техникум в Ростове-на-Дону.

В 1949-м году, во время учебы в техникуме, начал посещать собрания евангельских христиан-баптистов в Ростове, где вскоре и обратился к Господу в молитве покаяния. Крещение принял 12 июня того же года в Новошахтинске, где проходил тогда практику. О моей вере в Бога очень быстро стало известно администт-

рации техникума. Поднялся шум. Помню, вызывает меня директор и спрашивает:

– Ерисов, говорят, ты к каким-то баптистам ходишь?

Я отвечаю:

– Да!

– Ты должен понимать, что нам нужны советские офицеры, а не баптисты! Так что ты хорошенько подумай об этом… Сколько тебе нужно времени на раздумья?

Я говорю:

– Так ведь я уже все хорошо обдумал.

– И что ты решил?

– Я христианин, и дороги назад нет!

– Что ж, раз ты так решил, – недовольно сказал директор, – ступай к секретарю и забери у него свои документы.

Когда я пришел к секретарю, то оказалось, что там уже все готово к моему отчислению. Мне отдали документы и холодно попрощались со мной.

– Сколько Вы проучились в техникуме? И что произошло в Вашей жизни затем?

Я тогда проучился около двух лет. В следующем, 1950-м году – женился. И в том же году, по милости Божьей, смог окончить краткие курсы для регентов, руководителей хора. Все, что связано со служением в церкви, было тогда еще делом небезопасным. Сталинская эпоха подходила к концу, но и в 1950-м году, например, моего тестя, Ивана Степановича Олейникова, арестовали за веру в Бога и осудили на двадцать пять лет лагерей, плюс пять лет поражения в правах, да еще и конфисковали имущество.

– Извините, а в какую церковь вы тогда ходили и какое совершали служение?

Я был членом Ростовской зарегистрированной общины ЕХБ. Там я в 1950-е годы участвовал в музыкальном служении, был помощником руководителя хора. А в 1958 году меня избрали ответственным регентом в церкви. Мы тогда объединили существовавшие у нас два хора в один, в котором стали петь более ста братьев и сестер. И это при общем числе членов церкви около пятисот человек. Таким сильным было тогда желание у братьев и сестер участвовать в хоровом служении!

В 1964 году меня избрали помощником старшего пресвитера по Ростовской области и Северному Кавказу (в наше объединение входили общины Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана и даже Калмыкии, которая территориально к Кавказу не относится). Конечно, приходилось часто бывать в поездках, вместе с другими братьями посещать множество общин.

Господь меня особенно благословил тем, что я в то время работал фотографом и не был связан необходимостью каждый день присутствовать на одном определенном рабочем месте. Это мне давало возможность посвящать много времени поездкам по церквам нашего братства.

В 1966 году меня избрали пресвитером Ростовской церкви, в которой тогда уже насчитывалось около восьмисот братьев и сестер. И в течение почти десяти лет я, по милости Божьей, совершал этот духовный труд. Затем, в 1976 году, меня перевели на служение старшим пресвитером по Ставропольскому краю. Но и в то время я продолжать жить с семьей в Ростове.

В 1978 году, когда умер старший пресвитер по Краснодарскому краю Андрей Данилович Савин, братья пригласили меня принять также служение старшего пресвитера по Краснодарскому краю. Получив из Москвы, от руководства нашего Союза, благословение, я стал совершать труд старшего пресвитера на такой большой территории, где уже в те годы насчитывалось более ста церквей. По сути, это был самый крупный по числу верующих людей регион в Российской Федерации.

В Ставропольском крае мне помогал в служении Виктор Николаевич Власенко. Вместе с ним мы много трудились, посещали общины, вникали в бесчисленное количество вопросов и жизненных обстоятельств. Дома я, можно сказать, тогда почти не жил. Позднее мы подняли этот вопрос в Москве, и Виктор Николаевич остался старшим пресвитером по Ставропольскому краю, а я – по Краснодарскому. Должен сказать, что на протяжении всего совместного труда у нас с ним не было ни единого конфликта. В этом нам была явлена особенная Божья милость.

– Скажите, пожалуйста, как относились власти к Вашему служению?

Всякое бывало. Например, мы вместе с одним братом учились на Библейских курсах в Москве. Получали там замечательные лекционные материалы. И вот я решил те конспекты изучать не в одиночку, а потихоньку вместе с проповедниками из церкви. В скором времени вызывает меня уполномоченный по делам религиозных культов и гневно заявляет: «Вы что это, организовали здесь нелегальные библейские курсы!? Вот я сейчас позвоню в Москву, и вас самих оттуда от-

числят!» И он очень сильно наседал на меня. Тогда я обратился к нему и спросил, можно ли теперь мне сказать несколько слов.

– Ты еще и оправдываться хочешь? – шумел уполномоченный.

– Нет, я оправдываться не хочу.

– Отвечай: своих братьев собираешь?

– Собираю.

– Курсовые материалы проходите?

– Проходим.

– Так о чем с тобой после этого говорить?!

– Даже подсудимому дается право на последнее слово…

– Ну, говори! – недовольно разрешил уполномоченный.

– Вы же знаете наших верующих, – начал я издалека. – Это старички, малограмотные старушки. Вот была война с Израилем. И кто-то из проповедников, например, говорит: Бог благословляет Израиль, и поэтому они побеждают и гонят арабов…

Уполномоченный возмутился:

– Какое тут может быть благословение! Израиль – это же агрессор!

А я продолжаю:

– Или вот еще бывает: проповедник с кафедры пересказывает нам историю Давида и Вирсавии. Вышел, дескать, царь на кровлю своего дворца и увидел красивую купающуюся женщину. И начинает затем проповедник пояснять, что именно такого красивого было в Вирсавии, причем не об одних только ее прекрасных глазах говорит…

Уполномоченный опять негодует:

– Это же аморальная проповедь! Как вы такое у себя допускаете!

– То-то и оно, – соглашаюсь я. – А кто будет за это отвечать?.. Поэтому-то я и использую в беседах с проповедниками не какие-нибудь, неизвестного происхождения материалы, а только лекции, проверенные Советом по делам религий для Библейских курсов ЕХБ. И поэтому я сам лично занимаюсь этим! Когда мы допускаем своих братьев к проповеди, нам нужно прежде наставить их. И я им поясняю, какие места в Библии для личного чтения, а какие – для проповеди в церкви.

И тогда уполномоченный на наши «подпольные» библейские курсы смотрит уже совсем другими глазами и даже заявляет, что никакого криминала в них не усматривает.

Вот так бывало: вроде бы и власти нас теснят, все контролируют, а Господь все равно какую-то возможность всегда открывает.

– Существовал ли в вашей церкви запрет на посещение детьми богослужебных собраний?

Когда-то было такое. К счастью, недолгое время, еще до начала моего служения. Но даже когда я уже стал пресвитером, однажды вызывает меня уполномоченный по религиозным культам и вспоминает приятное для него прошлое: «Вот, до тебя был в церкви молодой человек, который не пускал детей на собрания...» А я ему отвечаю, что сегодня в нашей церкви никто такими делами заниматься не будет. Если вам позволяет закон, то присылайте к нам милиционера, ставьте его на дверях, и пусть он не пропускает малолетних, а мы имеем право воспитывать своих детей в христианском духе. И после того разговора уполномоченный больше данную тему не поднимал.

– Валентин Дмитриевич, какие у Вас были отношения с Советом Церквей?

Надо сказать, у нас были довольно добрые христианские отношения. Я всегда считал, что в Совете Церквей – наши братья и что они немало полезного сделали. Однако они, к сожалению, отлучили руководство ВСЕХБ, чего не имели права делать без поместной церкви. С другой стороны, и ВСЕХБ в свое время совершил немало ошибок. Я был свидетелем того, как в 1966 году на съезде в Москве Александр Васильевич Карев вышел перед делегатами, представителями церквей, и признал свою вину за прошлые ошибки и публично попросил прощения.

Наша церковь сделала свой выбор – не поддерживать разделение. Как-то один брат после собрания попытался привлечь внимание общины такими словами: «Я вам сейчас зачитаю Инструктивное письмо!..» Однако наш служитель церкви в ответ спокойно сказал: «Братья и сестры, собрание закончилось!» И все ушли по домам. Мой отец был в Совете Церквей и тоже звал меня туда. Я с постом и молитвой обращался к Богу и вопрошал, как мне быть, однако Господь ясно открыл Его волю, что мне следовало оставаться и нести служение в своей общине.

– Испытывали Вы какие-нибудь притеснения со стороны советской власти из-за своей веры в Бога?

Этого избежать христианам в те времена было невозможно. Помню, когда еще учился в школе, однажды перед ноябрьскими праздниками меня вывели на линейке перед всеми классами и строго сказали: «Видите, ребята, это баптист!.. Поменьше общайтесь с

ним, не слушайте его!» И так далее… Мне тогда, конечно, было очень неприятно. Педагоги на меня злились, потому что я так никогда и не стал ни октябренком, ни пионером, ни комсомольцем. Когда учился в техникуме, на вопрос, почему я не комсомолец, обычно отвечал, что не чувствую себя достойным такого звания. Говорил, что внимательно прочитал Устав ВЛКСМ, и что мне далеко до того «идеального» поведения, которое должно быть у комсомольца. И так продолжалось, пока меня не выгнали из техникума.

– Расскажите, пожалуйста, какой-нибудь случай из Вашей жизни, который Вам особенно запомнился.

Когда я только начал служение старшего пресвитера по Краснодарскому краю, узнал о трудном положении в церкви Майкопа. Там власти обезглавили общину, отстранили от служения пресвитера Виктора Ивановича – за то, что он крестил двух молодых людей, которым в то время каких-нибудь двух месяцев не хватило до полных восемнадцати лет. Мы объявили в церкви пост и молитву, и я поехал в Москву, к заведующему отделом Совета по делам религий при Совете Министров СССР Е.А. Тарасову. Некоторые братья в Москве убеждали меня, что заступаться за пресвитера при таких обстоятельствах – дело бесполезное, но я все же решил попробовать.

При встрече с Тарасовым я попросил его восстановить в служении пресвитера церкви Майкопа. Тот сначала заявил, что местный уполномоченный поступил правильно, потому что были нарушены советские законы. И тогда Господь побудил меня сказать следующее: «Перед законом все должны быть равны, не так ли? Почему же православным священникам разреша-

ется крестить не только взрослых людей, но и младенцев, и детей, и подростков, и вы их за это не наказываете, а баптистам нельзя никого крестить даже на пару месяцев раньше восемнадцати лет! Разве это справедливо?» Тарасов недоуменно посмотрел на меня и говорит: «Ну и хитрец ты! Но ведь у православных нет членства в церкви, как у вас. Однако об этом надо будет подумать...»

И уже через несколько дней Виктору Ивановичу власти вновь разрешили совершать служение в церкви. Это было великим благословением для нас!

– Вспоминая прошлое, мы, конечно, сегодня больше говорим о положительном, о том, что, с Божьей помощью, удалось совершить. А можете ли Вы сказать о том, что не удалось, не получилось?

Разделение в братстве – это наша боль. Я уже немного говорил об этом. Например, когда в 1966 году мы хотели провести совместный съезд с Советом Церквей, нами, увы, так и не было достигнуто взаимопонимания. Хотя усилия прилагались немалые, примирения так и не произошло. Новому поколению христиан, по-видимому, придется довершить то, что в свое время не смогли сделать мы. Я верю, Господь нас не оставит!

– Большое спасибо за интервью!

«ПОСЛУШАНИЕ ЛУЧШЕ ЖЕРТВЫ»

Соколовские Леонид Янович и Екатерина Яковлевна

– Уважаемые Леонид Янович и Екатерина Яковлевна, расскажите, пожалуйста, о том, как вы уверовали в Бога и трудились в бывшем Советском Союзе.

С.Е.Я.: С самого раннего детства я ходила на собрание вместе с мамой. Затем, в начале 1960-х годов, вышел запрет на посещение церкви с детьми, и меня на какое-то время перестали брать на богослужения.

Это был период больших переживаний для христиан, потому что Советский Союз строил коммунизм, и нам говорили, что верующих в нем быть не должно. Моя семья жила тогда в Новошахтинске (Ростовская область). Когда в братстве произошло разделение, мы стали посещать незарегистрированную общину в Шах-

тах, потому что там регулярно проводились молодежные и детские собрания (по частным домам).

В школе детей из верующих семей держали на особом счету, относились к нам с неприязнью. Само слово «баптисты» в те годы было синонимом чего-то невыразимо страшного. И как бы мы ни старались, на пятерки рассчитывать не приходилось. После школы я поехала в Новочеркасск, где поступила в энергетический техникум. Одновременно продолжала посещать собрания «отделенных».

Вскоре меня начали вызывать в КГБ и побуждать переходить в зарегистрированную церковь, а также «помогать» властям. Однако я от таких предложений категорически отказывалась, поскольку все мои друзья были в общинах Совета Церквей. Я отказывалась даже подписывать протоколы допросов, которым меня подвергали. Это как-то особенно злило чекистов. Но все верующие тогда очень боялись, что нашу подпись могут поместить под каким-нибудь другим текстом, и мы окажемся в числе предателей…

В итоге, буквально за полгода до окончания техникума меня отчислили, будто бы за многочисленные пропуски занятий и плохую успеваемость. Однако всем, кто со мной учился, была понятна истинная причина, почему мне не хотели выдавать диплом.

В то время, конечно, пострадала не я одна – очень многим из молодежи Совета Церквей не давали учиться, отчисляли из вузов и техникумов. И жаловаться куда-либо на такое отношение к верующим было совершенно бесполезно. Только в молитвах к Господу можно было найти утешение…

– А каким образом вы участвовали в печатном труде Совета Церквей?

С.Е.Я.: Вернувшись из Новочеркасска домой, я очень хотела как-то послужить Богу. И вот братья перевели меня на нелегальное положение, привезли откуда-то пишущую машинку, а я быстро выучилась на ней работать. Затем через копирку размножала «Братский листок» и другую христианскую литературу, которую мне обычно привозил А.И. Коломийцев, а готовую работу у меня часто забирал Н.Г. Батурин (они оба тогда жили в Шахтах). Это был небезопасный и кропотливый труд, но он мне доставлял настоящую радость.

На простой печатной машинке было невозможно сделать много копий, и тогда мы стали осваивать старый дореволюционный метод «синей печати» (гектограф). Делалось это так: нужный текст обильно обводился чернилами из рейсфедера, затем он осторожно переносился на специальную смесь из глицерина и желатина, с которой уже можно было снимать до ста пятидесяти и более копий.

А когда отпечатанные листы бумаги высыхали, начиналась работа по переплету. Часто нам приходилось трудиться буквально день и ночь, чтобы успеть к какой-то дате, ко времени очередной братской встречи. Когда же все было готово, я вместе с другими сестрами развозила литературу по разным городам и селам.

Как правило, все наши книги и журналы в общинах были востребованы, однако иногда приходилось сталкиваться и с равнодушием. Мы прилагали столько усилий, чтобы успеть, выпустить и доставить очередной номер журнала к какой-то дате, но затем, спустя немалое время, порою видели свои свертки все еще нераспечатанными…

Приходилось встречать и сильно преувеличенные сообщения о гонениях в тех населенных пунктах, в

которых мы хорошо знали обстановку. Однако, выполняя печатные работы, мы не имели права изменять ни одного слова в переданных нам статьях…

– Какими вам вспоминаются богослужебные собрания того времени?

С.Е.Я.: Богослужения раньше имели некоторые отличия от сегодняшних. Каждый раз, собираясь вместе для прославления Господа, мы подвергались опасности арестов и штрафов со стороны внешних, а потому и каждая проповедь, каждая духовная песня имели для нас особенный смысл. Мы много плакали, молились и постились… Сегодня все иначе. Внешне собрания мало чем отличаются от прежних, но дух немного другой.

– Случалось ли с вами какое-нибудь чудо, событие, в котором вы явно усмотрели Божье присутствие?

С.Е.Я.: Однажды вечером моя верующая бабушка не пустила меня на молодежное собрание, хотя я должна была на нем выступать. Обычно бабушка меня всегда отпускала на встречи с молодежью, а в этот раз – категорически запретила, напомнив мне даже слова Писания, что «послушание лучше жертвы»… Я не могла ничего понять, но пересилила себя и подчинилась.

На следующее утро я поехала на автобусе в город, и по дороге увидела в кювете перевернутый другой автобус. Все пассажиры в салоне сразу же стали данное событие обсуждать, так я узнала, что это тот самый рейс, которым я хотела вчера ехать на молодежное собрание! Каким-то образом Господь открыл моей бабуш-

ке, что мне лучше было остаться дома. И я со слезами поблагодарила Бога, что мне накануне хватило смирения и послушания…

И еще был интересный случай, когда мы с моей подругой Любой перевозили большие сумки с христианской литературой. Мы с ней попали под наблюдение на железнодорожном вокзале в Ленинграде. Какие-то люди в штатском явно следили за нами. О себе мы с Любой в таких случаях не переживали, все мысли были о литературе, что она может попасть в руки атеистов, а ведь каждый отпечатанный листок нам так трудно доставался…

– Вероятно, в вас сказывалось и советское воспитание: человек не столь важен, лишь бы «дело революции» продолжалось?

С.Е.Я.: Возможно, в какой-то степени так и было. Тогда мы с Любой, вопреки своим правилам, тут же наняли носильщика, сказали ему, что торопимся на поезд, и вместе быстро побежали. Каким-то чудом нам удалось избавиться от «хвоста». Однако едва мы спрятали свои сумки под сиденья и облегченно вздохнули, как в наше купе вошел человек, который представился инспектором уголовного розыска! Мы с Любой упали духом и думали, что нас сейчас арестуют, однако вскоре выяснилось, что этот человек просто куда-то ехал по своим частным делам, а перед нами, девушками, важничал и показал свое удостоверение, чтобы только произвести на нас впечатление. Когда мы с Любой это поняли, нам даже стало весело…

Если бы он знал, что мы везем в своих больших сумках!

– Леонид Янович, Вам не страшно было жениться на такой отчаянной девушке?

С.Л.Я.: Что вы! Потому и полюбил ее, видя, как она трудится для Господа. С Катей мы познакомились, когда наш пресвитер М.Т. Шаптала поручил мне однажды помочь ей привезти несколько сумок с литературой из Ленинграда. Видимо, такова была воля Божья, и с тех пор мы с Катей не расстаемся…

– Расскажите нам, пожалуйста, какой-нибудь случай из Вашей жизни.

С.Л.Я.: После свадьбы мы с Катей стали жить в Харцызске, в Донецкой области. Тогда, в 1970-е годы, у нас уже появился небольшой печатный станок, и пошла «черная печать», как мы ее называли. Станок был

М. Т. Шаптала

сделан своими умельцами, из числа верующих, и оказался довольно удачен и прост в управлении. Этот станок некоторое время стоял в нашем доме на втором этаже. Приезжала группа печатников из Ростова, которая выполняла основную работу, а им помогали молодые местные братья. Печатали Евангелия, а также христианские книги и журналы, которых в те годы в общинах очень не хватало.

В 1980-м году в нашем доме милиция провела обыск и изъяла старую печатную машинку. В то время у нас работал только один брат, Валерий Череванев. Он потихоньку печатал книгу «Забытое Евангелие». Его арестовали. Конечно, и нам, как хозяевам дома, тогда досталось. К счастью, до суда дело в тот раз не дошло, даже Валерия вскоре отпустили, а вот сестра Кати, Валентина, однажды отбывала срок за свой неутомимый духовный труд.

– А когда и почему вы вышли из Совета Церквей?

С.Л.Я.: Вопрос о регистрации Харцызской общины привел к конфликту с руководством Совета Церквей. Большинство братьев и сестер поддержали позицию нашего пресвитера Михаила Тимофеевича Шапталы, и в результате, я бы сказал, не столько мы сами вышли, сколько нас вывели из Совета Церквей. К сожалению, так получилось.

– Большое спасибо за интервью!

@ANABAPTIZM

Меннониты . Христианская библиотека .

приватный канал